

САКАВІК

1

СЕРЫЯ 3, 1988

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1988

В. М. МАЦЭЛЬ

ПАРТЫЙНАЕ КІРАЎНІЦТВА ЎКАРАНЕННЕМ ГАСПАДАРЧАГА РАЗЛІКУ Ў ЗЕМЛЯРОБСТВА РЭСПУБЛІКІ (1971—1975)

Задачы далейшай інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі, поўнага забеспячэння дзяржавы прадуктамі харчавання, пастаўленыя XXVII з'ездам КПСС, зводзяцца не толькі да значнага росту вытворчасці прадуктаў земляробства і жывёлагадоўлі, але і да неабходнасці ўмацавання эканамічных метадаў кіраўніцтва вытворчасцю. Важнейшым з эканамічных рычагоў павышэння эфектыўнасці земляробства, як і ўсёй сельскагаспадарчай вытворчасці наогул, з'яўляецца гаспадарчы разлік, які ўключае наступныя прынцыпы: гаспадарчая самастойнасць прадпрыемстваў, матэрыяльная зацікаўленасць калектыву і кожнага работніка ў выніках сваёй працы, адказнасць за гэтыя вынікі і кантроль рублём, прызначаны для стварэння такіх эканамічных умоў, якія спрыялі б паспяховай дзейнасці вытворчых калектываў і адкрывалі дадатковыя магчымасці для расшырэння вытворчасці, павышэння яе эфектыўнасці. У. І. Ленін, раскрываючы сутнасць гаспадарчага разліку, падкрэсліваў, што ён даць магчымасць дабіцца бясстратнасці і прыбытковасці кожнага дзяржпрадпрыемства².

Важнай вехай у развіцці і ўмацаванні гаспадарчага разліку ў сельскай гаспадарцы краіны з'явіўся сакавіцкі (1965) Пленум ЦК КПСС. Вызначэнне цвёрдых планаў, павышэнне асноўных цэн на збожжавыя і другія сельскагаспадарчыя культуры, а таксама сістэма звышпланавых закуповак па павышаных цэнах садзейнічалі значнаму ўмацаванню эканамічнай базы калгасаў і саўгасаў, стварылі спрыяльныя ўмовы для развіцця ініцыятывы гаспадарак у барацьбе за далейшае павелічэнне прадукцыі земляробства. Працягваючы лінію, вызначаную сакавіцкім Пленумам, XXIV з'езд КПСС зазначыў: «Для паспяховага вырашэння задач, пастаўленых перад сельскай гаспадарчай, трэба лепш выкарыстоўваць эканамічныя рычагі», правільнае прымяненне іх (гаспадарчы разлік, прыбытак, цэны і г. д.) забяспечыць абгрунтаваную ацэнку вынікаў працы вытворчых калектываў, мільёнаў працоўных³.

На XXVII з'ездзе Кампартыі Беларусі (1971) падкрэслівалася, што гаспадарчы разлік у калгасах і саўгасах прыжываецца дрэнна, перадавыя формы ўпраўлення і арганізацыі вытворчасці ўкараняюцца вельмі марудна⁴. З'езд патрабаваў ад партыйных, савецкіх і сельскагаспадарчых арганізацый настойліва весці работу па павышэнню эфектыўнасці і рэнтабельнасці сельскагаспадарчай вытворчасці, зніжэнню сабекошту прадукцыі, абавязаў усе калгасы і саўгасы забяспечыць пераход на звеннявую арганізацыю працы з аплатай па канчатковым вынікам.

Ажыццяўляючы рашэнні з'езда, партыйныя камітэты і пярвічныя арганізацыі калгасаў і саўгасаў імкнуліся знайсці такую форму арганізацыі і аплаты працы, якая сама патрабавала б укаранення гаспадарчага разліку. Такой формай з'явіліся механізаваныя звонні канчатковай прадукцыі, якія ўзніклі ў канцы восьмай пяцігодкі. Менавіта ў гэтых працоўных калектывах найбольш ярка адлюстраваліся такія важныя прынцыпы гаспадарчага разліку, як матэрыяльная зацікаўленасць калектыву і кожнага работніка ў выніках сваёй дзейнасці. Заробак членаў звяна быў пастаўлены ў прамую залежнасць ад колькасці і якасці гатовай прадукцыі. І механіза-

тары стараліся своєчасова і якасна выконваць усе работы, прадугледжаныя тэхналагічнымі картамі і гаспадарча-разліковым заданнем. Доказам эфектыўнасці новай формы арганізацыі і аплаты працы, якая грунтавалася на поўным гаспадарчым разліку, служылі вялікі ўраджай, высокая рэнтабельнасць і нізкі сабекошт вырабленай прадукцыі. Яркі прыклад гэтага — праца звенняў канчатковай прадукцыі ў калгасе «1 Мая» Драгічынскага раёна. Так, у 1973 годзе з кожнага гектара збожжавых тут было атрымана на 4,4 ц больш, чым у цэлым па гаспадарцы, бульбы адпаведна — на 67 ц. І эканамічныя паказчыкі тут былі значна лепшыя, чым па гаспадарцы: сабекошт цэнтнера збожжа ў звеннях склаў 5,69 руб., а па калгасу — 7,42 руб., на вытворчасць цэнтнера збожжа тут было затрачана 1,4 чалавека-гадзіны, а па гаспадарцы — 1,96⁵. Таксама эфектыўна працавалі званні канчатковай прадукцыі ў многіх гаспадарках Ляхавіцкага, Іванаўскага, Івацэвіцкага і іншых раёнаў Брэсцкай вобласці.

Вялікую работу па ўкараненню новых форм арганізацыі працы праводзілі таксама і пярвічныя арганізацыі калгасаў і саўгасаў Мінскай вобласці. Так, яшчэ ў канцы восьмай пяцігодкі ў калгасе імя 17 верасня Нясвіжскага раёна было створана звяно канчатковай прадукцыі, якое ўзначаліў камуніст В. І. Ломскі. Звяно нязменна дабівалася высокіх ураджаяў збожжавых, бульбы, іншых культур. Пачынанне перадавікоў было падхоплена ў другіх гаспадарках. Ужо ў 1971 годзе ў Мінскай вобласці працавала 98 звенняў канчатковай прадукцыі⁶. Новая форма арганізацыі і аплаты працы добра прыжылася ў калгасах і саўгасах Гродзенскай вобласці. З 1971 па 1973 гады ў гаспадарках вобласці было створана 1390 такіх звенняў⁷, а да канца дзевятай пяцігодкі, дзякуючы намаганням сельскіх партарганізацый, механізаваныя званні канчатковай прадукцыі існавалі ў пераважнай большасці гаспадарак рэспублікі. Адзначаючы эканамічныя перавагі гэтай формы арганізацыі і аплаты працы, у той жа час неабходна падкрэсліць і такія важны момант: у механізаваных звеннях канчатковай прадукцыі панаваў высокі дух калектывізму, узаемадапамогі, атмасфера барацьбы за камуністычныя адносіны да працы.

Праяўляючы ўсямерны клопат аб удасканаленні і ўкараненні новых форм арганізацыі і аплаты працы, у даследаванні перыяд партыйныя камітэты і пярвічныя арганізацыі калгасаў і саўгасаў не выпускалі з поля зроку пытанні далейшага паляпшэння эканамічнай работы, умацавання і развіцця ўнутрыгаспадарчага разліку. Каштоўны вопыт у гэтай справе быў накоплены партыйнай арганізацыяй і праўленнем калгаса імя Калініна Добрушскага раёна. Найбольш дзейсную форму ўнутрыгаспадарчы разлік набыў дзякуючы ўкараненню ў пачатку 1971 года чэкавай сістэмы. Вопыт работы калгаса імя Калініна ў новых умовах пераканаўча паказаў, што чэкавая сістэма ўмацоўвае эканамічныя ўзаемаадносіны паміж вытворчымі падраздзяленнямі, робіць унутрыгаспадарчы разлік больш эфектыўным і мэтанакіраваным, садзейнічае зніжэнню выдаткаў вытворчасці, павышэнню рэнтабельнасці ўсіх галін земляробства. Так, у 1971 годзе ўраджайнасць збожжавых у калгасе складала 21,3 ц з гектара, чысты прыбытак — каля 400 тыс. руб., значна павялічылася аплата працы калгаснікаў⁸. Варта таксама адзначыць і яшчэ адну перавагу новай формы ўнутрыгаспадарчага разліку: яна значна павысіла зацікаўленасць сельскіх працаўнікоў да вывучэння эканомікі, забяспечыла актыўны ўдзел калгаснікаў у барацьбе за эканомію працы і сродкаў, стварала спрыяльныя ўмовы для праяўлення ініцыятывы кіраўнікоў і спецыялістаў у выяўленні і мабілізацыі ўнутраных рэзерваў.

Каштоўны вопыт калгаса імя Калініна Добрушскага раёна па ўдасканаленню ўнутрыгаспадарчага разліку быў своєчасова заўважаны Гомельскім абкомам КПБ. Бюро абкома партыі ў студзені 1972 года адобрыла работу партыйнай арганізацыі і праўлення калгаса па ўкараненню чэкавай сістэмы ўнутрыгаспадарчага разліку і абавязала райкомы партыі і райвыканкомы, пярвічныя арганізацыі і кіраўнікоў гаспадарак вобласці распаўсюджаць і ажыццявіць канкрэтныя меры па распаўсюджванню і ўкараненню перадавога вопыту⁹. Выконваючы гэтую пастанову, значную работу па ўкараненню ўнутрыгаспадарчага разліку правялі Хойніцкі, Гомельскі, Веткаўскі і іншыя райкомы партыі. Гэта дазволіла да канца дзевятай пяцігодкі ўкараніць чэкавую сістэму кантролю за работай гаспадарча-разліковых падраздзяленняў у 313 калгасах і саўгасах вобласці¹⁰. Шырокае распаўсюджванне чэкавай сістэмы ўзаемаразлікаў атрымала ў гаспадарках Гродзенскага, Талачынскага, Любанскага, Горацкага і некаторых іншых раёнаў рэспублікі.

Станоўча ацэньваючы работу, якая была праведзена ў гады дзевятай пяцігодкі партыйнымі камітэтамі і пярвочнымі арганізацыямі калгасаў і саўгасаў рэспублікі па ўкараненню і ўмацаванню гаспадарчага разліку, трэба адзначыць, што ў апошнія гады даследуемага перыяду, таксама як і пазней—у гады дзiesiąтай і адзінаццатай пяцігодак, пераход на больш дасканалыя метады эканамічнага планавання і стымулявання запаволіўся, не стаў нормай для ўсіх гаспадарак, нярэдка ўкараняўся фармальна. Гэта, у сваю чаргу, пагаршала фінансава-эканамічнае становішча гаспадарак, прыводзіла да зніжэння рэнтабельнасці сельскагаспадарчых культур і павелічэння іх сабекошту. Так, напрыклад, калі ў 1970 годзе сабекошт цэнтнера збожжа склаў 8,36 руб., то ў 1975 годзе ўжо 9,4 руб., або павялічыўся на 12,4 %¹¹. Прычыны падаражання прадукцыі палёў заключаюцца ў аб'ектыўных і суб'ектыўных фактарах. Да першых трэба аднесці падаражанне некаторых відаў прамысловай прадукцыі, якая пастаўляецца сельскай гаспадарцы, у першую чаргу сельскагаспадарчых машын; павелічэнне расходаў калгасаў і саўгасаў на аплату працы, значны рост цэн на гаруча-змазачныя матэрыялы, мінеральныя ўгнаенні, павышэнне затрат на рамонт тэхнікі. Аднак галоўнай прычынай пагаршэння важнейшых эканамічных паказчыкаў, у першую чаргу павелічэння сабекошту сельскагаспадарчай прадукцыі, з'яўляліся суб'ектыўныя фактары. У іх ліку: нізкі ў цэлым радзе калгасаў, саўгасаў і раёнаў рэспублікі ўзровень арганізацыйнай і палітычнай работы партыйных, савецкіх і сельскагаспадарчых органаў па зніжэнню сабекошту і павелічэнню рэнтабельнасці прадукцыі палёў, значныя недахопы ў выкарыстанні зямлі, тэхнікі, угнаенняў, працоўных рэсурсаў, яшчэ невысокая ў шэрагу гаспадарак Беларусі ўраджайнасць сельскагаспадарчых культур. Не заўсёды ў цэнтры ўвагі партыйных і савецкіх органаў знаходзіліся пытанні эканамічнай работы, унутрыгаспадарчага разліку, укараненне прагрэсіўных форм арганізацыі і аплаты працы. Прычынай маруднага ўкаранення гаспадарчага разліку, як сведчыць практыка, з'яўлялася тое, што многія кіраўнікі калгасаў і саўгасаў баяліся новых форм гаспадарання.

Такім чынам, вопыт партыйнага кіраўніцтва ўкараненнем і ўмацаваннем гаспадарчага разліку ў земляробства рэспублікі ў гады дзевятай пяцігодкі пераканаўча паказваў, што там, дзе гэтаму пытанню ўдзялялася пільная ўвага, няўхільна расла эфектыўнасць земляробства, ішло паскарэнне тэмпаў росту сельскагаспадарчай вытворчасці.

¹ Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. Мінск, 1986. С. 37.

² Гл.: Ленін У. І. Творы. Т. 33. С. 160.

³ Матэрыялы XXIV з'езда КПСС. Мінск, 1987. С. 138—139.

⁴ Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Беларусі. Мінск, 1971. С. 69.

⁵ ПА Брэскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 43, спр. 66, л. 20.

⁶ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 67, спр. 26, л. 35.

⁷ ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 72, спр. 27, л. 8.

⁸ ПА Гомельскага АК КПБ. Ф. 144, воп. 137, спр. 8, л. 60.

⁹ Там жа. Л. 29

¹⁰ ПА Гомельскага АК КПБ. Ф. 144, воп. 144, спр. 35, л. 144.

¹¹ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 46, спр. 893, л. 9.

І. І. ГВАРДЗЕЕУ

ДЗЕЙНАСЦЬ ПАРТЫЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ БЕЛАРУСІ ПА ПРЫЁМУ Ў ПАРТЫЮ РАБОЧЫХ І ВЫХАВАННЮ МАЛАДЫХ КАМУНІСТАЎ (1976—1985)

КПСС заўсёды першаступеннае значэнне надавала пытанням свайго сацыяльнага саставу. У. І. Ленін якасць радоў партыі камуністаў звязваў з развіццём рабочага класа як сацыяльнай базы, сілкуючай партыю.

У разглядаемы перыяд, выконваючы рашэнні XXV з'езда КПСС, якія канкрэтызаваліся ў пастанове Цэнтральнага Камітэта ад 28 верасня 1976 года «Аб рабоце партыйных арганізацый Кіргізіі па прыёму ў партыю і выхаванню кандыдатаў у члены КПСС»¹, партыйныя арганізацыі ў пытаннях папаўнення сваіх радоў арыентаваліся на найбольш свядомых, палітычна сталых рабочых і дабіваліся забеспячэння іх авангарднай ролі ў вытворчасці і грамадска-палітычным жыцці.

Рабочы клас аказвае вызначальнае ўздзеянне на развіццё палітычнай сістэмы савецкага грамадства, на ўвесь працэс далейшага ўдасканалення і паглыблення сацыялістычнай дэмакратыі. Рабочыя разам з сялянствам і інтэлігенцыяй актыўна ўдзельнічаюць у кіраванні справам грамадства і дзяржавы.

Асабісты прыклад камуністаў-рабочых у працы, іх арганізатарская работа маюць выключна важнае значэнне ў кіруючай дзейнасці КПСС, у мабілізацыі працоўных мас на ажыццяўленне задач камуністычнага будаўніцтва. Рабочы клас выступае галоўным носьбітам ідэалогіі марксізму-ленінізму і пралетарскага інтэрнацыяналізму, слаўных рэвалюцыйных і працоўных традыцый.

І нарэшце, яшчэ адна важная абставіна, якую КПСС улічвае, забяспечваючы выдучае становішча рабочых у сваіх радах. Рабочы клас — гэта найбольш арганізаваны і дысцыплінаваны клас. І на новым этапе гістарычнага развіцця нашай краіны, гэта значыць на этапе планамернага і ўсебаковага ўдасканалення сацыялістычнага грамадства, калі партыя стала авангардам савецкага народа, яна не страчвае свайго класавога характару. У новай рэдакцыі Праграмы КПСС, прынятай XXVII з'ездам партыі, адзначалася, што па сваёй класавай сутнасці і ідэалогіі КПСС застаецца партыяй рабочага класа².

У дакументах XXV—XXVII з'ездаў КПСС і іншых партыйных рашэннях апошніх гадоў вызначаны шляхі рэгулюючага ўздзеяння партыйных арганізацый на паляпшэнне сацыяльнага саставу сваіх радоў, правільных суадносін партыі, рабочага класа і масы.

Партыйныя арганізацыі Беларусі ў перыяд паміж XXV і XXVII з'ездамі КПСС, ажыццяўляючы рэгуляванне росту партыйных радоў, узмацнялі адбор у партыю лепшых прадстаўнікоў рабочага класа, праводзілі сістэматычную работу па выхаванню ўсіх камуністаў як свядомых, ідэйна загартаваных байцоў партыі, актыўных будаўнікоў камунізму.

Вось як, напрыклад, выглядала дынаміка росту партыйных радоў за кошт рабочых па некаторых партарганізацыях. У Мінскай абласной партарганізацыі рабочыя ў ліку прынятых ў 1976—1981 гадах складалі каля 45 %. У 1980 годзе іх сярод прынятых кандыдатаў у члены партыі было амаль 61 % (самы высокі паказчык за апошнія 20 гадоў); у Магілёўскай абласной арганізацыі ў штогадовым партыйным папаўненні рабочыя складалі ў гэты перыяд больш 57 %, у 1984 годзе рабочыя складалі каля 45 % саставу абласной партарганізацыі. На VI Пленуме Гродзенскага абкома КПБ у чэрвені 1980 года адзначалася, што ў саставе абласной партыйнай арганізацыі няўхільна ўзрастае ўдзельная вага рабочага класа: у 1979 годзе сярод прынятых кандыдатаў партыі было 53 % рабочых, што таксама з'яўлялася самым высокім паказчыкам за апошнія гады³.

У такім жа напрамку вялі работу і пярвічныя партыйныя арганізацыі. Так, у партыйнай арганізацыі Мінскага трактарнага завода імя У. І. Леніна ў 1976 годзе было прынята ў партыю 170 чалавек, з іх 136 рабочых, што складала 80 %. У 1982 годзе кандыдатамі ў члены КПСС на заводзе было прынята 170 чалавек, членамі партыі сталі 167 чалавек, з іх 130 — рабочыя⁴. Прычым партыйная арганізацыя завода не проста павялічвала колькасць рабочых у сваім саставе, а арыентавалася на прыём перш за ўсё тых, хто актыўна праяўляў сябе ў працы і грамадскім жыцці, карыстаўся аўтарытэтам і павагай у калектыве. Тут умела выкарыстоўваліся магчымасці цэхавых арганізацый і партгруп па адбору ў партыю найбольш дастойных работнікаў. Яны глыбока вывучалі дзелавыя, палітычныя і маральныя якасці ўступаючых, улічвалі меркаванні камуністаў, беспартыйных. Прыём у партыю праводзіўся, як правіла, на адкрытых партыйных сходах, дзе адбывалася грунтоўнае абмеркаванне вартасцей і недахопаў уступаючых. Асабліваю ўвагу цэхавыя партарганізацыі завода ўдзялялі таму, каб у партыю прымаліся людзі, якія маюць вялікі стаж работы на вытворчасці, гэта значыць тыя, хто на працягу шэрагу гадоў добра зарэкамендаваў сябе на вытворчасці і ў кім не сумняваюцца таварышы па працы. Напрыклад, у 1979 годзе партыйная арганізацыя кавальска-тэрмічнага цэха прыняла ў партыю члена цэхкома, настаўніка моладзі В. С. Белага, які 16 гадоў працаваў наладчыкам гэтага цэха. 8 гадоў працаваў заліўшчыкам у ліцейным цэху А. Б. Кур'яновіч, які з'яўляўся рэдактарам насценнай газеты, дружыннікам.

Пасля XXV з'езда КПСС павялічыўся прыём у партыю рабочых вядучых прафесій. Так, у 1980 годзе ў ліку прынятых яны складалі больш 80 % у пярвічных партарганізацыях вытворчага аб'яднання «Хімвалакно»

імя У. І. Леніна, аўтазавода імя С. М. Кірава⁵. Павялічваючы сваё рабочае ядро за кошт такіх людзей, партыйныя арганізацыі яшчэ больш цэментавалі згуртаванасць працоўных калектываў.

Такім чынам, у 1976—1985 гадах вызначальным напрамкам у дзейнасці партарганізацый Беларусі па рэгуляванню росту партыйных радоў з'яўлялася забеспячэнне пераважнага прыёму ў партыю прадстаўнікоў рабочага класа. Гэта садзейнічала росту рабочага ядра ў Камуністычнай партыі Беларусі. Так, калі ў 1976 годзе яно складала 41,2 %, то ў 1985 годзе — 45,4 %⁶.

Адначасова з адборам і прыёмам перадавых рабочых партыйныя арганізацыі рэспублікі займаліся выхаваннем маладых камуністаў. Важная роля тут надавалася эфектыўнаму выкарыстанню кандыдацкага стажу для ўсеабаковага азнаямлення ўступаючых з Праграмай і Статутам КПСС і для грунтоўнага засваення норм партыйнага жыцця.

Партыйныя арганізацыі рэспублікі набылі багаты вопыт работы з кандыдатамі ў члены КПСС, ствараючы ўмовы для таго, каб маладыя партыйцы станоўча праявілі сябе ў працоўнай і грамадскай дзейнасці калектываў, паказвалі прыклад камуністычных адносін да працы, прынцыпова адносіліся да недахопаў і ўпушчэнняў. Так, партыйная арганізацыя Магілёўскага завода «Строммашына» ўдзяляла вялікую ўвагу павышэнню творчай і грамадскай актыўнасці кандыдатаў у члены КПСС. Маладыя камуністы гэтай арганізацыі разметчык В. Ю. Тарасаў, токар А. Д. Акуленка, газарэзчык Н. Н. Жукаў, паказваючы прыклад ударнай працы, выканалі заданні дзесятай пяцігодкі да 110-й гадавіны з дня нараджэння У. І. Леніна. Токары Г. А. Савічаў і І. З. Царыкаў неаднаразова былі пераможцамі заводскага сацыялістычнага спаборніцтва ў гонар XXVI з'езда КПСС⁷.

Большасць маладых камуністаў не толькі добрасумленна адносіліся да сваіх абавязкаў, але і актыўна ўдзельнічалі ў грамадскім жыцці. Сярод іх былі дэпутат Вярхоўнага Савета СССР, круцільшчыца Гродзенскага вытворчага прадзільна-нітачнага аб'яднання імя XXV з'езда КПСС Т. І. Герман, дэпутат абласнога Савета народных дэпутатаў, слесар Гродзенскага завода гандлёвага машынабудавання В. Э. Андрушкэвіч, дэпутат раённага Савета народных дэпутатаў, раскройшчыца Гродзенскай швейнай фабрыкі С. Т. Бушук⁸.

У рабоце партыйных арганізацый па выхаванню маладых камуністаў атрымалі распаўсюджанне асабістыя планы на перыяд праходжання кандыдацкага стажу, шырока выкарыстоўваліся гутаркі з членамі і кандыдатамі ў члены КПСС, заслухоўваліся іх справаздачы на сходах і пасяджэннях бюро аб праходжанні кандыдацкага стажу, аб выкананні патрабаванняў Праграмы, Статута КПСС, службовых абавязкаў і грамадскіх даручэнняў.

Партыйныя арганізацыі Беларусі пастаянна праяўлялі клопат аб паліпшэнні работы школ маладых камуністаў, якія працавалі пры гаркомх, райкомх і ў пярвочных партыйных арганізацыях. Асабліва ўвага ў школах удзялялася марксісцка-ленінскай адукацыі камуністаў і павышэнню іх авангарднай ролі ў вытворчым і грамадска-палітычным жыцці працоўных калектываў.

Такі падыход да выхавання маладых камуністаў замацаваны ў рашэннях XXVII з'езда КПСС і XXX з'езда КПБ. Ён з'яўляецца адной з крыніц павышэння баяздольнасці партыі, росту актыўнасці партыйных мас.

У пастанове ЦК КПСС ад 17 чэрвеня 1987 года «Аб сур'ёзных недахопах у рабоце Ташкенцкай абласной партарганізацыі па прыёму ў партыю і ўмацаванню партыйных радоў»⁹ падкрэслена, што кандыдацкі стаж заклікан забяспечыць карэннае паліпшэнне якасці партыйнага папаўнення, прадметам асаблівага клопату партыйных арганізацый павінна быць ідэйна-маральнае выхаванне камуністаў, перш за ўсё маладога папаўнення. На першы план у гэтай рабоце вылучаецца фарміраванне ў членаў і кандыдатаў у члены КПСС камуністычнай перакананасці, актыўнай пазіцыі ў рэалізацыі лініі партыі, высокіх маральных якасцей, пачуцця сацыялістычнага інтэрнацыяналізму і савецкага патрыятызму.

¹ КПСС у рэзалюцыях і рашэннях з'ездаў, канферэнцый і пленумаў ЦК. М., 1987. Т. 13. С. 132.

² Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. Мінск, 1986. С. 225.

- ³ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 76, с. 11, л. 93; ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 9, воп. 165, с. 18, л. 142; ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 84, с. 9, л. 96.
⁴ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 23, воп. 48, с. 3, л. 173—174.
⁵ ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 42, воп. 44, с. 1, л. 119.
⁶ Камуністычная партыя Беларусі. Мінск, 1986. С. 17.
⁷ ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 6009, воп. 18, с. 15, л. 158.
⁸ ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 6176, воп. 4, с. 2, л. 69.
⁹ Гл.: Правда. 1987. 18 июня.

В. Г. ШАДУРСКИ

З ВОПЫТУ РАБОТЫ КАМПАРТЫІ БЕЛАРУСІ ПА ЎДАСКАНАЛЕННЮ АРГАНІЗАЦЫІ ВОЛЬНАГА ЧАСУ МАЛАДЫХ РАБОЧЫХ (1976—1985)

Важнае месца ў дзейнасці КПСС і савецкай дзяржавы па фарміраванню гарманічна развітой асобы займаюць пытанні арганізацыі вольнага часу працоўнай моладзі. У новай рэдакцыі Праграмы КПСС падкрэсліваецца, што «партыя лічыць неабходным значна ўзмацніць увагу да сацыяльных праблем моладзі і перш за ўсё да развіцця і больш поўнага задавальнення грамадска значных інтарэсаў і патрэбнасцей юнакоў і дзяўчат у сферы працы і быту, адукацыі і культуры, прафесійнага і службовага росту, разумнага выкарыстання вольнага часу»¹.

Цікавы вопыт па рацыянальнаму выкарыстанню вольнага часу маладых рабочых назапашаны партыйнымі і камсамольскімі арганізацыямі Беларусі ў 1976—1985 гады. Дзейнасць партыйных, камсамольскіх арганізацый рэспублікі ў гэтым напрамку трэба ўважліва вывучаць, каб глыбей прааналізаваць дапушчаныя ў мінулым пралікі і памылкі, каб па крупінках сабраць і абагульніць увесь накоплены вопыт, максімальна выкарыстоўваючы яго ў сваёй паўсядзённай дзейнасці.

Вольны час рэалізуецца перш за ўсё па месцу пражывання працоўных. Зыходзячы з гэтага, партыйныя, камсамольскія арганізацыі ў разглядаемы перыяд пастаянна працавалі над стварэннем такой сістэмы арганізацыі работы, якая дазволіла забяспечыць бесперапыннасць ідэйна-выхаваўчага працэсу «працоўны калектывы—месца пражывання». Так, у жніўні 1978 года бюро Мінскага ГК КПБ зацвердзіла «Комплексны перспектывны план камуністычнага выхавання працоўных у сферы вольнага часу на 1978—1985 гады». Была створана трохзвенная структура выхавачай работы па месцу пражывання: горад, раён, мікрараён. На ўсіх гэтых узроўнях дзейнічалі адпаведна органы кіраўніцтва: на першых двух—гарадскі і раённыя каардынацыйныя саветы на чале з першымі сакратарамі гаркома і райкомаў партыі, на трэцім—ідэалагічныя камісіі, якія ўзначалілі прадстаўнікі арганізацыі, замацаванай за мікрараёнам².

У Пінскім ГК КПБ на аснове вывучэння сацыяльна-дэмаграфічных характарыстык насельніцтва былі састаўлены сацыяльныя пашпарты мікрараёнаў. Яны сталі зыходным матэрыялам у планаванні ўсёй работы па арганізацыі адпачынку пінчан. Вялікім поспехам у жыхароў горада карысталіся фестываль мастацтваў «Зоры над Пінай», марш-парады духавых аркестраў, святы мікрараёнаў «Табе, Радзіма, наша праца, нашы песні»³.

Гэты вопыт быў абагульнены на рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (чэрвень 1978). Вынікі і рэкамендацыі канферэнцыі знайшлі адлюстраванне ў пастанове ЦК КПБ «Аб стане і мерах па далейшаму ўдасканаленню ідэйна-выхаваўчай работы па месцу пражывання працоўных у святле патрабаванняў XXV з'езда КПСС»⁴. ЦК Кампартыі Беларусі прызнаў неабходным, выкарыстоўваючы вопыт дзейнасці ідэалагічных камісій і грамадскіх саветаў мікрараёнаў, да 1 студзеня 1979 года паўсюдна ўпарадкаваць арганізацыйную структуру масава-палітычнай работы па-за вытворчасцю: замацаваць партыйныя арганізацыі прадпрыемстваў і ўстановаў за мікрараёнамі ў межах выбарчых акруг, скласці пашпарты мікрараёнаў.

Прынятыя меры паклалі пачатак стварэнню адзінай сістэмы планавання і кіравання ідэйна-выхаваўчым працэсам па месцы пражывання, што дазволіла каардынаваць і аб'ядноўваць намаганні розных устаноў і арганізацый. Створаная сістэма прайшла праверку часам і даказала сваю жыццяздольнасць. І калі раней уся адказнасць за ажыццяўленне выхавачага працэсу па-за вытворчасцю ўскладалася толькі на партарганізацыі

домакіраўніцтва і нешматлікіх работнікаў клубаў, то зараз работа па месцы пражывання стала важнейшым напрамкам ідэйна-выхаваўчай дзейнасці партыйных камітэтаў прадпрыемстваў.

Важным участкам у рабоце па месцы пражывання з'яўляюцца інтэрнаты. У канцы адзінацатай пяцігодкі ў інтэрнатах розных міністэрстваў і ведамстваў рэспублікі жыло звыш 600 тыс. чалавек⁵. У даследуемы перыяд папулярнымі былі лекторыі, кіналекторыі, вечары адпачынку, разнастайныя спартыўныя спаборніцтвы. Партыйныя і камсамольскія арганізацыі клапаціліся аб удасканаленні работы саветаў інтэрнатаў, ад актыўнасці і ініцыятывы якіх залежыла і паляпшэнне жыллёва-бытавых умоў, і арганізацыя змястоўнага вольнага часу моладзі. Прыкладам можа служыць дзейнасць савета інтэрната № 10 Мінскага трактарнага завода. Тут па ініцыятыве і пры актыўным удзеле членаў савета былі створаны і працавалі клуб-кафэ «Фантазія», слайд-клуб, тэатр мініяцюр «Карусель», студыя выяўленчага мастацтва, шэсць калектываў мастацкай самадзейнасці, запущаны падвал пераабсталявалі пад спартыўную залу⁶. Невыпадкова некалькі гадоў запар інтэрнат № 10 выходзіў пераможцам рэспубліканскага, абласнога аглядаў конкурсаў на лепшыя рабочыя інтэрнаты. Але галоўнае ў тым, што ён стаў для жыхароў домам, дзе не толькі можна добра адпачыць, але і заняцца справай па душы.

У рэспубліцы атрымала падтрымку работа інтэрнатаў Лідскага лакафарбавага завода, Мінскага гадзіннікавага завода «Прамень», дзе сталі традыцыйнымі сустрэчы жыхароў з кіраўніцтвам прадпрыемства, прадстаўнікамі грамадскіх арганізацый, ветэранамі вайны і працы⁷.

У маладзёжных інтэрнатах прыжылася такая форма выхаваўчай работы, як клубы і аматарскія аб'яднанні, дзейнасць большасці з іх духоўна ўзбагачала асобу, служыла грамадскім інтарэсам. Практыка станюча пацвердзіла, што клубы і аматарскія аб'яднанні моладзі неабходна падтрымліваць і арганізацыйна, і матэрыяльна, смялей укараняць прынцыпы гаспадарчага разліку.

У той жа час у арганізацыі быту і вольнага часу юнакоў і дзяўчат у многіх рабочых інтэрнатах вызначаліся сур'ёзныя недахопы. Нярэдка планы работы саветаў заставаліся толькі на паперы, мерапрыемствы праводзіліся нецікава. Так, на пленуме Гродзенскага гаркома партыі (снежань 1977) крытыкавалася арганізацыя работы ў інтэрнатах вытворчага аб'яднання «Азот», тонкасуконнага камбіната, будаўнічага трэста № 11. Адзначалася, у прыватнасці, што адміністрацыя, партыйныя, камсамольскія арганізацыі гэтых прадпрыемстваў аслабілі ўвагу да выхаваўчай работы ў інтэрнатах, што прывяло да павелічэння сярод іх жыхароў выпадкаў п'янства, амаральных учынкаў, злачынстваў⁸. Такія недахопы адзначаліся таксама ў іншых інтэрнатах рэспублікі. Гэта становішча неаднаразова крытыкавалася ў пастановах многіх партыйных і камсамольскіх камітэтаў рэспублікі. Аднак сур'ёзнага паляпшэння работы па арганізацыі быту і вольнага часу ў маладзёжных інтэрнатах у даследуемы перыяд не адбылося.

Значную ролю ў выхаваўчай рабоце з маладымі рабочымі ў вольны час павінны адыгрываць культурна-асветныя і спартыўныя ўстановы. У даследуемы перыяд шырокае распаўсюджанне атрымалі такія формы арганізацыі вольнага часу, як фестывалі, конкурсы, тыдні і дэкады мастацтваў, сустрэчы з цікавымі людзьмі, вечары адпачынку, тэатралізаваныя прадстаўленні, народныя гуляні. Вялікую папулярнасць у моладзі заваявалі дыскатэкі. Аднак гэта важная справа часта пападала ў рукі выпадковых людзей, большасць з якіх не мелі спецыяльнай музычнай падрыхтоўкі. Рэзкі рост колькасці дыскатэк і дыскаклубаў, многія з якіх прапагандавалі сярод моладзі далёка не лепшыя ўзоры замежнай музыкі, патрабавалі ўзмацнення ўвагі да іх работы з боку партыйных і камсамольскіх камітэтаў. У 1982 годзе пачалася рэгістрацыя дыскатэк рэспублікі, іх кіраўнікі былі ўведзены ў наменклатуру гарадскіх і раённых камітэтаў камсамола. Пры ЦК ЛКСМБ, абласных камітэтах камсамола былі створаны міжведамасныя каардынацыйныя саветы дыскатэк, вызначаны апорна-паказальныя дыскатэкі і дыскаклубы ў гарадах і раёнах.

На жаль, гэтыя мерапрыемствы, праведзеныя ў многіх месцах фармальна, без стараннай падрыхтоўкі, не далі вялікага выхаваўчага эфекту. Сур'ёзныя недахопы ў рабоце па арганізацыі дыскатэк сталі прадметам крытыкі на XX Пленуме ЦК КПБ (верасень 1984), на якім разглядаліся пытанні паляпшэння партыйнага кіраўніцтва камсамолам. Гэтыя праблемы шырока абмяркоўваліся і на XX з'ездзе ВЛКСМ, дзе было адзначана:

«Трэба прама сказаць, што ў справаздачны перыяд задача фарміравання і задавальнення культурных запатрабаванняў моладзі не знаходзіла дастатковай увагі з боку камітэтаў камсамола»⁹.

Напоўніць вольны час маладых людзей актыўнай творчасцю, ператварыць іх са спажывцоў у творцаў мастацкіх каштоўнасцей у многім дапамагае масавая мастацкая самадзейнасць. Мэтанакіраваную работу па далучэнню да мастацкай творчасці маладых рабочых праводзілі партыйныя і камсамольскія арганізацыі вытворчага аб'яднання «Наваполацкнафтааргсінтэз». Тут на базе палаца культуры ў 36 калектывах і гуртках, 9 з якіх носяць ганаровае званне «народных» і «ўзорных», удзельнічаюць больш за 400 працаўнікоў аб'яднання. Толькі ў 1984 годзе на 823 мерапрыемствах палаца пабывала больш за 800 тыс. чалавек¹⁰.

Але часта прыярытэт у рабоце ўстаноў культуры і спорту аддаваўся масавым святам і канцэртam, дзе пераважная большасць юнакоў і дзяўчат заставалася пасіўнымі гледачамі.

На рэспубліканскай нарадзе, якая адбылася ў жніўні 1985 года, прадметам абмеркавання сталі пытанні лепшага выкарыстання клубных устаноў і спартыўных збудаванняў. У дакладзе і выступленнях удзельнікаў нарады адзначалася, што ўмацаванне матэрыяльнай і кадравай базы ўстаноў культуры і спорту не заўсёды суправаджаецца павышэннем якасці работы, часта іх дзейнасць абмяжоўваецца правядзеннем разавых мерапрыемстваў. Так, на заводзе «Гомсельмаш» пры відавочным недахопе клубных устаноў, яны не загружаюцца цалкам. У выходныя дні тут не праводзіцца ніякіх фізкультурна-аздараўленчых мерапрыемстваў. На заводзе 54 штатныя фізкультурныя работнікі, але кантроль за іх работай як з боку заўкома, так і з боку парткома адсутнічае¹¹.

У даследуемы перыяд у змесце і арганізацыі масава-палітычнай дзейнасці па месцы пражывання слаба ўлічваліся асаблівасці розных груп насельніцтва, іх схільнасці і запатрабаванні. Вельмі часта добрыя планы многіх ідэалагічных камісій і саветаў мікрараёнаў заставаліся толькі на паперы, а многія праведзеныя мерапрыемствы не давалі належных вынікаў. Слаба вялася і індывідуальная выхаваўчая работа з маладымі людзьмі, якія дапусцілі адхіленні ад прынцыпаў нашай маралі, нездавальняюча ажыццяўлялася барацьба з п'янствам і алкагалізмам. Вялікую шкоду ідэйна-выхаваўчай рабоце нанёс колькасны падыход, калі пра якасны, эмацыянальны бок падрыхтоўкі мерапрыемстваў яе арганізатары вельмі часта забываліся. Усе гэтыя недахопы з'явіліся вынікам застоных з'яў, якія абстраыліся на мяжы 70—80-х гадоў.

Разам з тым у апошнія гады з'явілася шмат цікавых і змястоўных форм палітыка-выхаваўчай, культурна-масавай і спартыўна-аздараўленчай работы. Так, на XXVIII з'ездзе ЛКСМ Беларусі (люты 1987) быў падтрыманы і рэкамендаваны да распаўсюджання вопыт камітэтаў камсамола Мінскай вобласці. Тут актыўна распрацоўваюцца і ўкараняюцца ў жыццё праграмы «Вольны час моладзі». У іх канкрэтна вызначаны задачы камітэтаў камсамола па рамонту і будаўніцтву аб'ектаў культуры і спорту, арганізацыі клубаў па інтарэсах і вечароў моладзі¹².

Такім чынам, у арганізацыі вольнага часу рабочай моладзі ў даследуемы перыяд былі зроблены пэўныя крокі, але многія сур'ёзныя праблемы засталіся нявырашанымі.

¹ Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. Мінск, 1986. С. 184.

² ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 69, воп. 16, спр. 16, л. 88.

³ Кудренко А. Ф., Леоновец А. И. Доходит до каждого. Минск, 1981. С. 17.

⁴ Гл.: Звезда. 1978. 4 жніўня.

⁵ Гл.: Комсомол Белоруссии от съезда к съезду. Минск, 1987. С. 15.

⁶ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 370, воп. 4, спр. 42, л. 7.

⁷ Гл.: Знамя юности. 1984. 8 июня.

⁸ ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 2, воп. 46, спр. 2, л. 86.

⁹ Звезда. 1984. 22 верасня; Чырвоная змена. 1987. 16 красавіка.

¹⁰ Гл.: Віцебскі рабочы. 1985. 4 верасня.

¹¹ Гл.: Звезда. 1985. 20 жніўня.

¹² Гл.: Знамя юности. 1987. 6 марта.

ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАЕ АДЗІНСТВА ПРАЦОЎНЫХ БЕЛАРУСІ Ў БАРАЦЬБЕ ЗА ўМАЦАВАННЕ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ

Інтэрнацыянальнае з'яднанне працоўных з'яўлялася важным фактарам устанавлення Савецкай улады ў Беларусі, для якой былі характэрны асаблівасці сацыяльных і міжнацыянальных адносін. Насельніцтва гарадоў і мястэчак Беларусі было стракатым па нацыянальнаму складу. З пачаткам першай сусветнай вайны тут апынуліся дзесяткі тысяч польскіх бежанцаў. У Беларусі дыслацыравалася вялікая колькасць войск Заходняга фронту. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі сярод салдат Заходняга фронту, нягледзячы на моцны ўплыў бальшавікоў, дзейнічалі розныя нацыяналістычныя арганізацыі, якія стваралі свае ваенныя фарміраванні. Яны вельмі варожа сустрэлі перамогу сацыялістычнай рэвалюцыі, спрабавалі перашкодзіць устанавленню ўлады працоўных. У барацьбе за ўстанавленне і абарону Савецкай улады ў Беларусі побач з карэнным насельніцтвам актыўны ўдзел прымалі прадстаўнікі рускага, польскага народаў, многіх іншых нацыянальнасцей краіны.

Дзейнасць бальшавікоў, Савецкай улады Беларусі пасля перамогі Кастрычніка праходзіла ў абставінах вострай палітычнай і ідэалагічнай барацьбы з сіламі контррэвалюцыі. Варожая дзейнасць размешчаных у Беларусі буйных сіл агульнарасійскай контррэвалюцыі (штаб Заходняга фронту, Стаўка, корпус Доўбар-Мусніцкага і інш.) спалучалася тут з контррэвалюцыйнымі вылазкамі розных нацыяналістычных арганізацый — беларускіх, польскіх, яўрэйскіх, украінскіх і інш. Нацыяналістычныя арганізацыі сталі на шлях кансалідацыі з контррэвалюцыйнымі антысавецкімі сіламі, прыкрываючы свой антысавецкі лозунгамі нацыянальнага самавызначэння. У. І. Ленін, аналізуючы ў снежні 1917 года падзеі ў нацыянальных раёнах, у тым ліку і ў Беларусі, пісаў аб «новай групіроўцы класавых сіл, якая ідзе ў працэсе барацьбы паміж буржуазным нацыяналізмам... і Савецкай уладай, пралетарска-сялянскай рэвалюцыяй»¹.

Контррэвалюцыйныя дзеянні буржуазных нацыяналістаў праяўляліся не толькі ў арганізацыі антысавецкіх выступленняў, але і ў шырокім ідэалагічным наступленні, распаўсюджанні ідэалогіі буржуазнага нацыяналізму і шавінізму. Яны свядома скажалі прыныцыпы пралетарскага інтэрнацыяналізму, абгрунтоўвалі неабходнасць аддзялення Беларусі і арыентацыі яе на капіталістычны Запад. Патрэбна адзначыць, што калі да Кастрычніка дамаганні беларускіх нацыяналістычных арганізацый не ішлі далей патрабавання краявой аўтаноміі ў межах федэратыўнай буржуазнай Расіі, то пасля перамогі Савецкай улады яны сталі патрабаваць безумоўнага аддзялення Беларусі ад Савецкай Расіі нібыта ў мэтах выратавання ад пануючай там анархіі. Барацьбе супраць Савецкай улады ў Беларусі надавалася адценне барацьбы супраць «наплывага элемента», «бальшавікоў-чужынцаў»². Прапагандзю ідэй аб «нацыянальным адзінстве» і існаванні нібыта «асобных» нацыянальных інтарэсаў яны імкнуліся падарваць адзіны рэвалюцыйны фронт працоўных, развіць цэнтрабежныя сілы і такім чынам дамагчыся знішчэння Савецкай улады. Усе звергнутыя класы сталі на шлях падтрымкі гэтых планаў. Але нягледзячы на ўсе хітрыкі, антысавецкія інтрыгі буржуазных нацыяналістаў пацярпелі крах. Мэты нацыяналістаў былі чужымі імкненням рабочых і сялян, надзённым патрабаванням якіх — зямля, мір, свабода, раўнапраўе нацый — выканалася Савецкай ўладай і яны шчыра яе падтрымалі.

Дзякуючы падтрымцы працоўных Беларусі Савецкая ўлада паспяхова процістаяла варожай дзейнасці буржуазна-нацыяналістычнай контррэвалюцыі: яна своечасова спыніла контррэвалюцыйную спробу польскіх легіёнаў і Украінскай вайскавай рады Заходняга фронту звергнуць дыктатуру пралетарыяту ў Беларусі; не дапусціла стварэння беларускай буржуазнай «нацыянальных палкоў»; ускрывала пазіцыю бундаўцаў, якія сееці недавер паміж працоўнымі розных нацый; паспяхова змагалася са спробамі яўрэйскіх пагромаў; расстроіла намеры беларускіх нацыяналістаў змяніць уладу Саветаў у Беларусі «свайёй» уладай на так званым «усебеларускім кангрэсе»; вяла ўпартую барацьбу з правакацыйнымі дзеяннямі легіянераў Доўбар-Мусніцкага. Уся практычная дзейнасць органаў Савецкай улады Беларусі была прасякнута ідэямі пралетарскага інтэрнацыяналізму. У Саветы ўваходзілі і сумесна працавалі над умацаваннем улады рабочых і сялян людзі розных нацыянальнасцей. У дзейнасці Саветаў

практична выяўлялася адзінства класавых інтарэсаў працоўных розных нацый. Нацыянальны аддзел аблвыкамзаха ўзначальваў бальшавік С. Берсан. Гэты аддзел адыграў важную ролю ў нейтралізацыі нацыяналістычнай агітацыі, у інтэрнацыянальным з'яднанні мас. Па яго прадстаўленню закрываліся нацыяналістычныя газеты, ад яго імя выпускаліся звароты і адозвы да працоўных з заклікам да інтэрнацыянальнага адзінства. Так, у сувязі з контррэвалюцыйным выступленнем Доўбар-Мусніцкага была выпушчана адозва, у якой раскрываліся карысныя мэты мяцежнага генерала, буржуазіі і памешчыкаў, растлумачвалася палітыка Савецкай улады ў нацыянальным пытанні, змяшчаўся заклік не слухаць «нашэптванні тых, для каго салідарнасць працоўных класаў з'яўляецца бяльмом у воку»³. Старшыня Мінскага Савета К. І. Ландар на сходзе рабочых арганізацый 31 кастрычніка 1917 года заклікаў многанацыянальны пралетарыят Мінска цясней з'яднацца вакол Саветаў, «каб сумесна давесці рэвалюцыю да пераможнага канца ў імя міру, свабоды, сацыялізму»⁴. Сапраўдным трыумфам ідэй пралетарскага інтэрнацыяналізму стаў урачысты сход Мінскага Савета з удзелам рабочых і салдат 2 лістапада 1917 года. Пад гукі Інтэрнацыянала прысутнічаючыя прагаласавалі за Савецкую ўладу. Увасабленнем інтэрнацыянальнага адзінства працоўных з'яўляўся Першы рэвалюцыйны імя Мінскага Савета полк, другія ваенныя фарміраванні, якія ўстанавілі сваю ўладу. Першы рэвалюцыйны імя Мінскага Савета полк складаўся з рускіх, беларусаў, украінцаў, латышоў, палякаў і інш. У склад палка ўвайшоў першы польскі рэвалюцыйны батальён, сфарміраваны інтэрнацыяналістамі-палякамі ў снежні 1917 года для абароны ўлады Саветаў. У другіх гарадах Беларусі таксама фарміраваліся польскія батальёны, латышскія рэвалюцыйныя часці.

Кіруючыся марксісцка-ленінскімі ідэямі, бальшавікі Беларусі вучылі працоўных заўсёды на першы план ставіць класавыя, а не нацыянальныя інтарэсы, растлумачвалі, што захаванне Савецкай улады з'яўляецца важнейшай прадумовай правільнага рашэння ўсіх нацыянальных праблем і патрабаванняў, указвалі, што толькі самі працоўныя маюць права вырашаць пытанне аб нацыянальным самавызначэнні, заклікалі да інтэрнацыянальнага з'яднання. Распаўсюджанай формай прапаганды ідэй брацкай салідарнасці працоўных з'яўляліся «заклікі», «адозвы», «звароты» да працоўных. 5 снежня 1917 года ў газеце «Советская правда» быў надрукаваны «Заклік СНК Заходняй вобласці і фронту і ВРК Заходняга фронту да ўсіх працоўных аб умацаванні дружбы народаў і заваёў Кастрычніцкай рэвалюцыі». Заклік растлумачваў карэннае палажэнне пралетарскага інтэрнацыяналізму аб тым, што «у працоўнага народа кожнай данай нацыянальнасці няма і не можа быць ніякіх асаблівых інтарэсаў і задач, варожых і процілеглых інтарэсам працоўных другіх народаў», зваў працоўных усіх нацый да адзінства, раскрываў «вечную падманную палітыку буржуазіі сеяць варожасць паміж народамі»⁵.

Асновы нацыянальнай палітыкі Савецкай улады таксама грунтоўна растлумачваліся ў паведамленні СНК Заходняй вобласці і фронту ад 20 снежня 1917 года ў сувязі з роспускам нацыяналістычнага ўсебеларускага кангрэса. У гэтым дакуменце ўказвалася на асаблівую небяспеку прапагандуемага нацыяналістамі тэзіса аб «агульнанацыянальных» інтарэсах. «Мы лічым, — гаварылася ў паведамленні, — што ў працоўных мас не можа быць ніякіх «агульнанацыянальных» інтарэсаў з буржуазіяй»⁶.

Інтэрнацыяналізм працоўных Беларусі праяўляўся ў канкрэтных справах. На дапамогу ўкраінскім працоўным, якія паўсталі на барацьбу з нацыяналістычнай контррэвалюцыяй, у снежні 1917 года з Беларусі быў накіраваны першы рэвалюцыйны імя Мінскага Савета полк, некаторыя іншыя падраздзяленні і атрады беларускіх чырвонагвардзейцаў. З іх быў сфарміраваны адзін Мінскі зводны рэвалюцыйны атрад. Яго камандзірам быў назначаны латыш Ф. І. Берзін. У Гомелі быў створаны зводны атрад чырвонагвардзейцаў, матросаў і салдат колькасцю 1800 чалавек, які накіроўваўся для аказання ваеннай дапамогі ўкраінскаму народу ў яго барацьбе з Цэнтральнай Радай. Першы Мінскі зводны рэвалюцыйны атрад, які вырас да 3,5 тыс. чырвонагвардзейцаў, прымаў удзел у штурме і ўзяцці Кіева. Гэта быў інтэрнацыяналізм у дзеянні.

Працоўныя Беларусі былі супраць сепаратысцкіх планаў нацыяналістаў, адмаўлялі ідэалогію нацыяналізму. Так, ІІІ Сялянскі з'езд Мінскай і Віленскай губерняў 20 лістапада 1917 года падкрэсліў, што беларускі працоўны люд не жадае мець асобнага ўпраўлення, «знаходзіць, што Беларусь ёсць непадзельнае цэлае вялікай рэвалюцыйнай Расіі»⁷. Надзвы-

чайны з'езд Саветаў рабочых, салдацкіх, сялянскіх і батрацкіх дэпутатаў Віцебскай губерні (11—16 снежня 1917 года) таксама заклікаў да не-прымірнай барацьбы з буржуазіяй усіх нацыянальнасцей.

Рабочыя і сяляне правамерна адзеньвалі сепаратысцкія дзеянні нацыяналістаў як спробу раздрабніць рэвалюцыйныя сілы пралетарыяту і бяднейшага сялянства і такім чынам нанесці ўдар па рэвалюцыі, цвёрда выступалі супраць гэтых задум. У наказе дэлегатам IV Магілёўскага губернскага сялянскага з'езду насельніцтва Мілаславіцкай воласці і валасны савет заявілі катэгарычны пратэст «супраць якога б то ні было драбнення па нацыянальнасцях і супраць аддзялення Беларусі ад Расійскай Рэспублікі»⁸. 11 студзеня 1918 года ў Мінску з'езд салдатаў-бежанцаў з Беларусі выказаўся за «Дэкларацыю праў працоўнага і эксплуатаемага народа», выказаў пратэст супраць фарміравання нацыянальнай арміі⁹.

Інтэрнацыяналізм працоўных Беларусі знайшоў адлюстраванне таксама ў пісьмах у бальшавіцкія газеты. Так, у пісьме ў газету «Звезда» сялянін-беларус заклікаў беларускае сялянства не даваць нацыяналістам, таму што яны абараняюць інтарэсы памешчыкаў і мараць вярнуць былыя парадкі, разлічваючы на дапамогу буржуазіі імперыялістычных дзяржаў. «Нам не патрэбны іх каралеўствы, нам патрэбна ўсеагульная аднасць, мір, свабода, зямля»¹⁰, — гаварылася ў пісьме.

Выключную ролю ў інтэрнацыянальным з'яднанні працоўных Беларусі адыгралі прапаганда і тлумачэнні рашэнняў III Усерасійскага з'езду Саветаў, які замацаваў арганізацыю новай дзяржаўнай улады, створанай Кастрычніцкай рэвалюцыяй. З'езд адобрыў ленінскую нацыянальную палітыку, даў рашучы адпор буржуазна-нацыяналістычнай контррэвалюцыі. З'езд прыняў «Дэкларацыю правоў працоўнага і эксплуатаемага народа», якая абвясціла стварэнне РСФСР на аснове свабоднага саюза свабодных нацый.

Такім чынам, інтэрнацыянальнае адзінства працоўных з'явілася важным фактарам перамогі і абароны Савецкай улады ў Беларусі. У ходзе барацьбы з сіламі контррэвалюцыі яно мацнела і развівалася. Ва ўмацаванні інтэрнацыянальнага адзінства працоўных Беларусі важную ролю адыгралі сацыяльна-эканамічныя і палітычныя мерапрыемствы Савецкай улады, яе нацыянальная палітыка, якія задавалілі спадзяванні працоўных усіх нацыянальнасцей. Яны сталі палітычнай і матэрыяльнай асновай падтрымкі Савецкай улады рабочымі і сялянамі ўсіх народаў Расіі, аб'ядналі іх у барацьбе за яе абарону. Працоўныя Беларусі правамерна звязвалі сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне з існаваннем Савецкай улады, гарантыю сваіх заваёў бачылі ў цесным адзінстве з Савецкай Расіяй.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 26. С. 342.

² ЦГАОР СССР. Ф. 1318, воп. 1, спр. 475, л. 16; Вольная Беларусь. 1917. 31 дек. ³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (документы и материалы). Минск, 1957. Т. 2. С. 757.

⁴ Там жа. Т. 2. С. 62—63.

⁵ Там жа. С. 376—377.

⁶ Там жа. С. 598.

⁷ Там жа. С. 235.

⁸ Там жа. С. 719.

⁹ Гл.: Хроника важнейших событий истории КПБ (1883—1918). Ч. 1. Минск, 1962. С. 343.

¹⁰ Звезда. 1918. 14 февр.

А. М. ЛЮТЫ

ГАРАДСКОЕ РАМЯСТВО У ПЕРЫЯД РАЗЛАЖЭННЯ І КРЫЗІСУ ФЕАДАЛІЗМУ

У канцы XVIII—першай палове XIX стагоддзя гарады Беларусі працягвалі заставацца цэнтрамі рамяства і гандлю. Дамашнія і адыходныя промыслы (у першую чаргу кавальскі, ганчарны і дрэваапрацоўчы) як адзін з бакоў натуральнай гаспадаркі, паступова адрываўся ад земляробства і перарасталі ў рамяство. Калі дамашнія і адыходныя промыслы былі больш уласцівымі для вёскі, то рамяство, як адзначаў У. І. Ленін, было «неабходнай састаўной часткай гарадскога быту»¹. Рамяство з'яўляла-

ся першай формай дробнай таварнай вытворчасці і ўсё больш схілялася да выкарыстання наёмнай працы, да ўтварэння капіталістычных майстэрняў.

У гарадах і мястэчках Беларусі рамёствы былі распаўсюджаны больш, чым у рускіх губернях. Гэту з'яву М. Ф. Болбас тлумачыць слабым развіццём у беларускіх губернях мануфактурна-фабрычнай прамысловасці і наяўнасцю тут мяжы яўрэйскай аседласці². На наш погляд, асноўнай прычынай развіцця рамяства і адносна слабага развіцця мануфактурна-фабрычнай прамысловасці з'яўлялася адсутнасць значных капіталаў у купцоў і мяшчан. Складанасць сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця Беларусі (панаванне ў эканамічным жыцці магнатаў, вялікая колькасць прыватнаўласніцкіх гарадоў і мястэчкаў, права прапінацыі для памешчыкаў, якое захавалася да XIX стагоддзя, ваенныя дзеянні на тэрыторыі заходніх губерняў і звязаныя з імі збыдненне і заняпад гаспадарчага жыцця) тармазіла працэс наакуплення капіталаў.

У канцы XVIII—першай палове XIX стагоддзя ў сувязі з ростам гарадоў, ажыўленнем гандлю рамяство стала развівацца хутчэй: павялічвалася колькасць рамеснікаў і рамесных прафесій. Калі ў другой палове XVIII стагоддзя ў гарадах Беларусі налічвалася 78 рамесных спецыяльнасцей, то ў першай палове XIX стагоддзя іх налічвалася ўжо каля 100³. Гэта сведчыла аб павышэнні ўзроўню спецыялізацыі і паскарэнні грамадскага падзелу працы.

Асноўным паказчыкам пашырэння рамяства з'яўляецца рост колькасці рамеснікаў. Варта адзначыць, што даныя, якімі мы карыстаемся, не заўсёды з'яўляюцца дакладнымі, бо нярэдка ў справаздачах губернатараў і паліцыі паказвалася колькасць усяго рамеснага насельніцтва разам з членамі іх сем'яў, а іншы раз—колькасць толькі цэлавых рамеснікаў. Тым не менш архіўныя даныя дазваляюць меркаваць пра галоўны напрамак дынамікі колькасці гарадскіх рамеснікаў. Так, у першай трэці XIX стагоддзя рост рамеснага насельніцтва назіраўся ў 27 з 36 гарадоў Беларусі (па 9 гарадах параўнальныя даныя адсутнічаюць).

У 30—60-я гады колькасць гарадскіх рамеснікаў у Беларусі вырасла нязначна. Гэта тлумачыцца як развіццём мануфактурнай вытворчасці ў гарадах і мястэчках, так і недакладнасцю статыстычных крыніц. В. В. Чапко адзначае значныя разыходжанні даных «Экономического состояния городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.» з наступнымі апісаннямі кожнага з гарадоў. У апісанні Віцебска, напрыклад, паказаны 2134 рамеснікі, а ў статыстычным зборніку—646; у апісанні Мінска, адпаведна, 3159 і 1667, Пінска—920 і 656⁴. Калі ўлічыць гэтыя папраўкі, то рамеснае насельніцтва гарадоў Беларусі ў пачатку 60-х гадоў складала значную колькасць (каля 16 тыс. чалавек), гэта значыць тэмпы росту былі ў два разы вышэйшыя, чым у першай трэці XIX стагоддзя.

Адсутнасць даных не дазваляе вызначыць колькасць рамеснікаў розных спецыяльнасцей па асобных гарадах Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя. Але агульныя звесткі па губернях дазваляюць зрабіць вывад, што найбольш шматлікай групай у гэты час былі рамеснікі, якія займаліся вытворчасцю скур і скураных вырабаў. Гэта група складала каля трэці гарадскіх рамеснікаў. На другім месцы (22,3 %) стаяла група рамеснікаў, якія займаліся вырабам тканіны і адзення. Значнай па колькасці была група рамеснікаў, якія займаліся апрацоўкай металаў (21,6 %). Вялікая група рамеснікаў (16,6 %) была занята рамонтнымі і будаўнічымі работамі. 6,7 % рамеснікаў былі заняты гатаваннем прадуктаў харчавання, з іх 3/4 займаліся выпечкай хлебабулачных вырабаў. Невялікая група (каля 2,8 %) займалася вырабам посуду.

Такім чынам, рамеснікі гэтых шасці груп складалі 98,7 % рамеснага насельніцтва гарадоў Беларусі. У пачатку 60-х гадоў вытворчасцю адзення ў гарадах Беларусі было занята больш за 30 % рамеснікаў, вырабам прылад працы і прадметаў побыту—звыш 15 %, прадуктаў харчавання—9 %⁵. Прыкметна вырасла ўдзельная вага будаўнічых спецыяльнасцей. Рост колькасці будаўнікоў, а таксама спецыяльнасцей, звязаных з абслугоўваннем (краўцоў, шаўцоў і г. д.), быў выкліканы ростам гарадоў і гарадскога насельніцтва. Развіццё капіталістычных адносін узмацняла працэс дыферэнцыяцыі рамеснікаў. Змяншэнне колькасці і ўдзельнай вагі рамеснікаў-ткачоў тлумачыцца павелічэннем колькасці суконных мануфактур, якія ператваралі іх у наёмных рабочых.

Пералік прафесій і колькаснае размеркаванне рамеснікаў дазваляе зрабіць вывад, што беларуская рамесная вытворчасць на працягу першай

паловы XIX стагоддзя не была разлічана на вываз і продаж вырабаў у іншых губернях Расіі або за мяжой. Развіццё мануфактурнай і фабрычна-заводскай прамысловасці абмяжоўвала яе таварныя магчымасці. Даных аб прадукцыйнасці працы рамеснікаў, аб'ёме вытворчасці ў архіўных крыніцах няма, але некаторыя звесткі дазваляюць зрабіць вывад, што аб'ём сярэднегадавой вытворчасці аднаго рамесніка ў 30-я гады складаў каля 100 руб.⁶

У першай палове XIX стагоддзя рамеснікі гарадоў Беларусі па-ранейшаму аб'ядноўваліся ў цэхавыя арганізацыі. Цэхі, якія, як адзначаў Ф. Энгельс, былі параджэннем натуральнай гаспадаркі і абмежаванасці абмену, рынкаў, устойлівасці форм вытворчасці, мясцовай замкнёнасці⁷, зведалі ў вывучаемы перыяд змены, абумоўленыя сацыяльна-эканамічным развіццём гарадоў. У параўнанні з першай паловай XVIII стагоддзя на Беларусі скарачаецца колькасць цэхаў, новыя цэхавыя арганізацыі ствараюцца вельмі рэдка. Ліквідацыя цэхаў часцей за ўсё адбывалася не за кошт знікнення рамесных спецыяльнасцей, а за кошт аб'яднання аднародных спецыяльнасцей у адзіны цэх. Разам з тым павялічылася колькасць цэхаў, якія абслугоўвалі шырокае кола спажыўцоў. Перавага аб'яднаных цэхаў сведчыла пра тое, што колькасць рамеснікаў кожнай прафесіі пасобку была невялікай. Так, калі колькасць спецыяльнасцей у гарадах Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя вагалася ад 15 да 60, то колькасць цэхаў — ад 2 да 18⁸.

Дзейнасць цэхаў да пачатку 50-х гадоў XIX стагоддзя па-ранейшаму вызначалася асобнымі статутамі. Цэхавыя рамеснікі падзяляліся, як раней, на майстроў, чаляднікаў і вучняў. Крыніцы 30-х гадоў адзначаюць, што ў цэхі ўваходзілі «старшыні, чаляднікі, браты старэйшыя і браты малодшыя»⁹, гэта значыць вучні падзяляліся па ўзросту або стажу вучобы ў старшыні або майстра. Цэхавыя статут рэгламентаваў таксама ўзаемаадносіны паміж майстрамі, чаляднікамі і вучнямі. Чаляднікі і вучні поўнасцю падпарадкоўваліся майстру. Атрымаўшы атэстат майстра, рамеснік абавязаны быў заплаціць у цэхавую касу 7 рублёў, за што меў права ўтрымліваць любую колькасць чаляднікаў і вучняў без абмежавання тэрміну. Ліквідацыя абмежавання ў найме майстрам колькасці чаляднікаў і вучняў фактычна ператварала апошніх у наёмных рабочых. Вучні таксама падпісвалі з майстрам кантракт, у якім абумоўліваліся тэрмін вучобы і абавязацельствы майстра выплачваць за вучня казённым падатак. Тэрмін навучання ў кожным цэху быў розны. Напрыклад, у мінскім цяслярным цэху ў 1834 годзе тэрмін вучнёўства быў 4 гады, а каб стаць майстрам, неабходна было папрацаваць яшчэ 4 гады чаляднікам. У сталярным цэху тэрмін вучнёўства быў 8 гадоў і тэрмін працы чаляднікам — 7 гадоў. У кавальскім цэху тэрмін вучнёўства складаў 7—8 гадоў¹⁰. Аднак не кожны майстар меў вучняў і чаляднікаў. У Навагрудку, Кобрыне, Пружанах, Дзісне, Мазыры, Рэчыцы і Пінску ў 1797 годзе быў 31 цэх, у якім налічвалася 824 майстры, але не было ніводнага чалядніка і вучня. У 30-я гады XIX стагоддзя колькасць суадносіны паміж майстрамі, чаляднікамі амаль не мяняюцца. Так, напрыклад, у Мінску налічвалася 455 майстроў, 100 чаляднікаў і 187 вучняў, у Віцебску — 269 майстроў, 12 чаляднікаў і 132 вучня¹¹.

Разам з тым павялічылася колькасць няцэхавых рамеснікаў, асабліва ў невялікіх гарадах. Так, у 1828 годзе ў Гарадку Віцебскай губерні цэхавых рамеснікаў не было, а «вольных», якія не ўваходзілі ў цэхі, налічвалася 35 чалавек. Гэта відавочна тлумачылася тым, што ў невялікіх гарадах рамеснікаў адной або падобных спецыяльнасцей было недастаткова для арганізацыі цэха. На працягу першай трэці XIX стагоддзя мяняюцца суадносіны паміж цэхавымі і «вольнымі» рамеснікамі. Так, калі ў 1813 годзе ў гарадах Гродзенскай губерні гэтыя суадносіны складалі 8:1 на карысць цэхавых, то ў 1829 годзе — 3:1¹².

Узмацненне канкурэнцыі паміж майстрамі аднаго цэха або роднасных спецыяльнасцей, цэхавымі і няцэхавымі рамеснікамі, мануфактурнай і рамеснай вытворчасцю значна паслабляла цэхавую арганізацыю. Значны ўдар па цэхавай сістэме арганізацыі рамяства быў нанесены развіццём капіталістычных адносін у перыяд крызісу феадалізму. Старая цэхавая сістэма тармазіла развіццё вытворчасці. У 1850 годзе Міністэрствам унутраных спраў была распрацавана пастанова, якой рэгламентавалася колькасць рамесных цэхаў па гарадах і мястэчках заходніх, украінскіх і новарасійскіх губерняў. У буйных гарадах Беларусі дазвалялася мець не менш 15 і не больш 20 цэхаў.

16 красавіка 1852 года Сенат выдаў закон, у адпаведнасці з якім скасоўвалася цэхавая арганізацыя ў гарадах і мястэчках, дзе колькасць рамеснікаў была нязначнай. У гэтых гарадах рамяством мог займацца кожны, хто запісаўся ў рамеснае саслоўе¹³. Была ліквідавана адасобленасць і самастойнасць цэхаў у гаспадарчых і юрыдычных пытаннях. Агульнае кіраўніцтва ўсім цэхамі ажыццяўляў рамесны галава, які падпарадкоўваўся гарадскому маістру і рабіў справаздачу перад гарадской думай. Ён займаўся пытаннямі запісу і выключэння з цэху, сачыў за парадкам плацяжу падаткаў і выкананнем павіннасцей з боку рамеснікаў, разбіраў спрэчныя пытанні паміж членамі рамеснага таварыства, правяраў цэхавую казну.

Рамесныя пастановы знішчалі манапольнае права цэхаў на вытворчасць пэўнага віду прадукцыі. У іх адзначалася, што цэх не мае права «нікому забараніць дзённага пражытку працай». Акрамя таго, пастановы адмянялі абмежаванні на запіс у цэхі. Для значнай колькасці рамеснікаў запіс у цэхі адмяняўся зусім. Паводле новых пастаноў членам цэхаў дазвалялася наймацца на фабрыкі, заводы, гэта значыць у 50-я гады цэхавая арганізацыя не была ўжо замкнёнай карпарацыяй, якой яна была ў папярэдні перыяд. Рамесная вытворчасць вырвалася з вузкіх рамак цэхавых абмежаванняў, узмацнялася маёмасная дыферэнцыяцыя сярод рамеснага насельніцтва гарадоў. Усё большае значэнне набывала арганізацыя рамеснай вытворчасці, заснаваная на вольнанаёмнай працы, павялічвалася колькасць буйных майстэрняў, якія з цягам часу перарасталі ў мануфактурныя прадпрыемствы.

Рамяством займаўся не толькі жыхары гарадоў, але і насельніцтва мястэчкаў. Аднак гарадское і мястэчкавае рамяство істотна розніліся. Большая частка мястэчкаў належала памешчыкам, таму і рамеснікі былі ў асноўным прыгоннымі.

Такім чынам, рамесная вытворчасць у перыяд разлажэння і крызісу феадалізму зведала не толькі колькасныя, але і якасныя змяненні, выкліканыя працэсам фарміравання ў гарадах Беларусі капіталістычных адносін. Нягледзячы на перавагу ў першай палове XIX стагоддзя традыцыйных рамесных майстэрняў, назіраецца працэс перарастання іх у прадпрыемствы капіталістычнага тыпу.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 3. С. 285.

² Гл.: Болбас М. Ф. Развитие капиталистических форм в промышленности дореформенной Белоруссии // Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Минск, 1962. С. 243.

³ Гл.: Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963. С. 15; Болбас М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии 1795—1861 гг. Минск, 1966. С. 52.

⁴ Гл.: Чепко В. В. Города Белоруссии в первой половине XIX века (Экономическое развитие). Минск, 1981. С. 28.

⁵ Там жа. С. 26.

⁶ ЦДГА БССР. Ф. 1430, воп. 1, спр. 1684, л. 147.

⁷ Гл.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 336.

⁸ ЦДГА СССР. Ф. 1350, воп. 312, спр. 89, л. 4; спр. 90, л. 12—125; ЦДГА БССР. Ф. 295, воп. 1, спр. 3, л. 6; спр. 4, л. 14—15; ЦДГА БССР у Гродне. Ф. 1, воп. 1, спр. 115, л. 2—14.

⁹ ЦДГА БССР. Ф. 10, воп. 1, спр. 15, л. 18 об.

¹⁰ Там жа. Ф. 149, воп. 2, спр. 778, л. 1; Ф. 10, воп. 1, спр. 11, л. 1—9.

¹¹ ЦДГА СССР. Ф. 1350, воп. 312, спр. 89, л. 4 об; спр. 90, л. 12—125; ЦДГА БССР. Ф. 295, воп. 1, спр. 3, л. 6; спр. 4, л. 14—15; ЦДГА БССР у Гродне. Ф. 1, воп. 1, спр. 115, л. 2—14; ЦДГА БССР. Ф. 24, воп. 1, спр. 52, л. 14—23; спр. 53, л. 14—36; спр. 1430, воп. 1; спр. 1954, т. 1, л. 190; спр. 3203, л. 17 об.—18.

¹² Там жа. Ф. 1430, воп. 1, спр. 1684, л. 168; ЦДГА БССР у Гродне. Ф. 1, воп. 1, спр. 296, л. 8—135; воп. 3, спр. 422, л. 137.

¹³ Гл.: Полн. собр. законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1863. Т. 37. № 26. С. 171.

В. А. ФЕДОСИК
ГОНЕНИЕ ДЕЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В середине III века Римская империя включала три североафриканские провинции: Мавретанию, Нумидию и Проконсульскую Африку. Главным городом Проконсульской Африки был Карфаген, наиболее значительный из всех городов римской Северной Африки. Признаки кризиса здесь проявились позднее, а в III веке Африка, по мнению Т. Котули, находилась в апогее своего экономического и культурного развития¹. Североафриканские провинции были одним из наиболее урбанизованных регионов, а развитие земледелия привело к тому, что эти провинции стали важнейшей житницей империи.

Острые социальные противоречия в Северной Африке усугублялись и сложным этническим составом населения. В таких условиях здесь в середине III века при императоре Деции началось гонение на христиан. Гонение носило общеимперский характер, однако большинство сохранившихся письменных и документальных источников освещают особенности этого явления именно в Северной Африке. Главным источником, дающим нередко детальные сведения, являются послания карфагенского епископа Фасция Цецилия Киприана.

В данной, небольшой по объему, статье, рассматриваются лишь некоторые аспекты проблемы — неисследованные либо дискуссионные.

Эдикт Деция, узаконивший гонение на христиан, не сохранился. Это дало повод к появлению различных мнений о его содержании, порой откровенных фальсификаций. Многие богословы заявили, что эдикт Деция предписывал преследовать христиан, чтобы добиться их отречения от своей религии². Доходило до утверждений, что якобы эдиктом предписывалось «епископов казнить», а других клириков наказывать и пытать.

Следует заметить, что ни Киприан, ни Евсевий, ни Лактанций ничего не говорят о том, что эдикт Деция был направлен исключительно против христиан. Впервые это сделал в IV веке Григорий Нисский.

Подобного рода фальсификации уже не используют современные богословы. Ныне теологи все больше говорят о том, что эдикт предписывал всему населению империи совершать жертвоприношения перед специальной комиссией, что должно было символизировать их лояльность по отношению к государственной власти³.

В марксистской историографии преобладает мнение, что особого эдикта Деция против христиан не было, в частности, это убедительно доказала М. Е. Сергеевко⁴. Репрессии против христиан последовали из-за их отказа совершать официальную религиозно-политическую церемонию с жертвоприношением, что рассматривалось как проявление нелояльности.

Дискуссионными являются вопросы о масштабах и направленности антихристианских репрессий. Среди богословов распространено мнение о большом количестве репрессированных христиан⁵. Ряд из них утверждает, что гонение Деция было обращено преимущественно против епископов и других представителей клира⁶. Как правило, такой вывод делается на основании упоминания Евсеем в его «Церковной истории» имен нескольких казненных или бежавших епископов и пресвитеров.

В марксистской историографии отрицаются широкие масштабы репрессий против христиан⁷. Правда, только Е. М. Штаерман ссылается при этом на конкретные данные⁸. Но встречается и мнение о значительном масштабе репрессий⁹. По мнению А. Б. Рановича, эдикт Деция коснулся главным образом духовенства¹⁰.

Анализ посланий Киприана позволяет разрешить эти дискуссионные вопросы, правда, применительно к одному региону — Северной Африке. В посланиях Киприана названы имена лишь трех христиан, казненных или умерших в Карфагене от пыток в период гонения Деция. Это Павел, бабка произведенного в чтецы Целерина и жена Нумидика, которая была сожжена. Возможно умерли и еще двое (Лаврентий и Игнатий — деды того же Целерина) (Epist., 27, 39, 40). В приводимом традиционно вместе с посланиями Киприана письме Лукиана к Целерину сообщается, что 19 карфагенских христиан умерли в тюрьме.

Из подвергшихся истязаниям Киприан называет Оптата, Аврелия, Целерина, Нумидика, Рогациана, Маппалика, Лукиана — жителей Карфагена (Epist., 27, 38, 39, 40, 43). Он также сообщает, что в Северной Африке

трое мирян из Капсы после пыток приняли участие в официальной церемонии, предписанной императорским указом (Epist., 57).

Из упомянутых поименно Киприаном репрессированных карфагенских христиан четверо были клириками (чтец Опат, дьякон Фелициссим, пресвитеры Рогадиан и Нумидик, причем последний, возможно, был произведен в этот сан уже после истязания). Письмо Луккиана, судя по терминологии, не дает никаких оснований утверждать, что из упомянутых там репрессированных христиан кто-нибудь принадлежал к клиру. Симптоматично, что среди «деяний мучеников» нет таких, которые относились бы к Северной Африке времен гонения Деция.

Таким образом, нет оснований утверждать, что репрессии против христиан, последовавшие в ходе исполнения эдикта Деция, в Северной Африке носили массовый характер. Не были направлены репрессии своим острием и против христианского духовенства. Властям была важна не религиозная принадлежность, а лояльность к императорскому режиму.

Представители североафриканского клира вели себя в это время по-разному. Одни предпочли бежать. Из Карфагена тогда бежали епископ Киприан, иподьяконы Фортунат и Филумел, аколит Фаворин, причем трое последних вскоре вернулись в город, за что отсиживавшийся в укромном месте Киприан сурово осудил их (Epist., 34). Некоторые предпочли принять участие в официально-религиозной церемонии выражения лояльности императорской власти. Это сделали епископы Фортунатиан, Иовин, Репост, пресвитер Виктор (Epist., 45, 44, 59), пополняя ряды «падших» и увлекая за собой массы своих мирян. Характерно, что имена североафриканских епископов не встречаются ни в перечнях казненных, ни подвергнутых заключению либо пыткам, они упоминаются лишь среди беглецов и «падших».

Такой была ситуация в Северной Африке. В Риме же, если судить по данным посланий Киприана, доля клириков среди репрессированных была более значительной.

В посланиях Киприана есть фраза, где он пытается чисто теологическими средствами объяснить ущерб, который принесло «разрушительное опустошение настоящего гонения, истребившего большую часть стада нашего» (Epist., 11). Что же здесь подразумевается под «ущербом». Совсем не масштаб репрессий. Ущерб «стаду» Киприан усматривает в том, что число христиан, принявших участие в предписанных властями церемониях, было весьма велико. Сам Киприан возмущался тем, что карфагенские исповедники ежедневно давали «падшим» по тысяче (!) ходатайств о прощении (Epist., 20). По свидетельству Дионисия Александрийского, особенно много «падших» было среди богатых христиан и христиан, занимавших общественные должности, которые стремились в первую очередь сохранить свое положение (Euseb., Hist. eccl., VI, 41).

Христианская церковь стала на путь оправдания существовавшего строя социального угнетения («Раб не может быть больше господина своего», — заявлял Киприан), ее идеологи заверяли императоров в своей лояльности. И ничего нет удивительного в том, что массы мирян и некоторые клирики тоже публично демонстрировали свою лояльность.

И в то же время Киприан предпринимал попытки удержать бедняков-христиан от отступничества путем благотворительной деятельности. Он призывал клириков Карфагена опекать бедных, даже посылал деньги для раздачи их беднякам (Epist., 13, 14, 7, 41). Но этот жест — чисто практический, рассчитанный — помощь должна оказываться не всем, а только тем, «которые твердо стоят в вере, не оставили стада Христова». Киприан цинично поясняет смысл этого шага: «дабы чего не могло сделать преследование с верующими, того не сделала нужда с неимущими» (Epist., 14).

Исполнение эдикта Деция вызвало раскол среди христиан. Появились враждовавшие между собой группировки. В историографии обычно называют две группировки в Северной Африке: ортодоксы (во главе с Киприаном) и ригористы (во главе с Новатом и Фелициссимом). Богословы и буржуазные историки пытаются объяснить появление течения ригористов либо личными амбициями их руководителей, либо теологическими каверзами, нередко противоречиво излагая воззрения представителей этого течения¹¹. В марксистской же историографии отмечается, что ригористы-новатиане выражали интересы демократических слоев христианских общин, они были разочарованы податливостью церковных руководителей по отношению к враждебному им обществу¹². Хотелось бы обратить внимание на одну существенную деталь, которая может свидетельствовать о социаль-

ной базе новатиан. Эта группировка выступила в Карфагене против ортодоксов тогда, когда Киприан начал переманивать на свою сторону христиан-бедняков материальными подачками (Epist., 41).

Но была и третья группировка, которая почему-то до сих пор обойдена молчанием. Это группировка Фортуната, еще ранее отлученного от церкви. Его произвели в карфагенского епископа пятеро североафриканских епископов — отлученных либо «падших» во время гонения. Итак, в Карфагене стало сразу три епископа! Эта оппозиционная группа оказалась даже более лояльной к властям, чем ортодоксы Киприана. Фортунатовцы не считали нарушением христианских предписаний принесение жертв в честь императора, выступали против наказания «падших» (Epist., 59).

Киприан вынужден был искать гибкие варианты, чтобы не сыграть на руку одной из оппозиционных группировок. Отсюда и его позиция в вопросе о прощении «падших». Киприан высказался за прощение «падших» после их наказания и покаяния. Он откровенно заявил, что прощать «падших» необходимо, чтобы они не переметнулись к язычникам, их нельзя отталкивать от церкви (Epist., 55). Причем этим должен заниматься епископат (Epist., 17, 43), что должно еще более возвысить его авторитет. Но позиции клира как монополиста на выработку христианского вероучения, культа, социальной доктрины могут быть подорваны, если этот процесс будет протекать стихийно, и в нем главную роль начнут играть сами «падшие». Отсюда у Киприана и прощение «падших» через их покаяние и церковные наказания, налагаемые тем же епископатом. Епископ Киприан, один из богатейших людей Карфагена, верно служил епископальной церкви, давно уже отвергшей идеи социального протеста времен «Откровения Иоанна».

¹ См.: Kotula T. Znaczenie prowincji afrykańskich w systemie Imperium // *Provincje rzymskie i ich znaczenie w ramach Imperium*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 74.

² См.: Аллар П. Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. СПб., 1898. С. 93; Фаррар Ф. В. Жизнь и труды св. отцов и учителей церкви. СПб., 1891. С. 157. The Catholic Encyclopedia. New York, 1908. V. 4. P. 583.

³ См.: Kumor B. Historia Kościoła. Lublin, 1973. Cz. 1. S. 57; Saumagne Ch. Saint Cyprien, évêque de Cartage, "pape" d'Afrique (248—258). Paris, 1975. P. 24, 87, 96; Scipioni L. I. Vescovo e popolo. L'esercizio dell'autorità nella chiesa primitiva (III secolo). Milano, 1977. P. 51.

⁴ См.: Сергеев М. Е. Гонение Деция // Вестник древней истории. 1980. № 1. С. 171.

⁵ См.: Аллар П. Указ. соч. С. 97; Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине великом. М., 1897. С. 107; The Catholic Encyclopedia. V. 4. P. 584.

⁶ См.: Гапонов И. Церковная история с первых времен христианства до 2-й половины XIX века. Харьков, 1867. Ч. 1. С. 17—18; Kumor B. Op. cit. S. 58.

⁷ См.: Ранович А. Б. О раннем христианстве. М., 1959. С. 92; Keller J. Wczesny Kościół i jego organizacja // *Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa*. Warszawa, 1969. S. 163.

⁸ См.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 415, 417.

⁹ См.: Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979. С. 175.

¹⁰ См.: Ранович А. Б. Указ. соч. С. 413.

¹¹ См.: Фаррар Ф. В. Указ. соч. С. 6; Brauer G. The Age of the Soldier Emperors. New Jersey, 1975. P. 42.

¹² См.: Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961. С. 157; Донини А. У истоков христианства. М., 1979. С. 199; Ранович А. Б. Указ. соч. С. 416.

Е. Н. КОСМАЧ

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ (1927—1929)

В первой половине 1927 года английские реакционные круги, стремясь к разрыву дипломатических отношений между СССР и Великобританией и созданию единого антисоветского фронта западных держав, организовали серию провокаций, завершившихся незаконным полицейским обыском в здании англо-русского кооперативного общества в Лондоне.

Вскоре английское правительство порвало дипломатические отношения с СССР и аннулировало торговое соглашение 1921 года.

На XV съезде ВКП(б) подчеркивалось, что «наиболее пострадавшей стороной в обстановке развивающегося кризиса капитализма является английская буржуазия. Она и взяла на себя инициативу в деле усиления интервенционистских тенденций. Помощь советских рабочих английским углекопам и сочувствие рабочего класса СССР революционному движению в Китае не смогли не подлить масла в огонь. Все эти обстоятельства определили разрыв Англии с СССР и ухудшили отношения с рядом других государств»¹. Антисоветские акции английского правительства вызывали справедливое возмущение советских и британских деятелей науки и культуры. В июне 1927 года Академия наук СССР обратилась к английскому ученому с призывом выступить против свертывания научно-технических и культурных связей между Великобританией и Советским Союзом². Попытки консерваторов ликвидировать культурные контакты между двумя странами встретили отпор прогрессивной интеллигенции и рабочего класса Англии. Перед отъездом из Лондона советника полпредства СССР И. М. Майского в 1927 году выдающийся английский писатель Г. Уэллс, а также общественный деятель и философ Г. Н. Брайльсфорд заверили его в решимости деятелей науки и искусства сохранить дружественные отношения между народами двух стран³. В свою очередь И. М. Майский подчеркивал: «Сейчас ... особая ответственность ложится на представителей культуры обеих стран. Надо хотя бы в этой области сохранить общение между Англией и СССР»⁴.

Культурные и научные связи между Великобританией и СССР не прервались и в годы разрыва дипломатических отношений. Сохранились организационные формы этих взаимоотношений. Общество культурного сближения Англии и СССР (ОКС), созданное в 1924 году в Лондоне, продолжало свою деятельность, несмотря на то, что британское правительство организовало кампанию травли его руководства. Министр внутренних дел Великобритании потребовал выезда уполномоченного Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) в Лондоне В. Н. Половцевой. В письме в ВОКС 4 сентября 1927 года В. Н. Половцева сообщала: «Я не сомневалась в том, что это последует, так как мне была известна усиленная личная агитация против меня русской эмиграции и желтой прессы. Само собой разумеется, что для них всех культурная работа Советского Союза является одним из самых острых ножей, подрезывающих все их инсинуации и желания представить наш Союз страной диких, необразованных и некультурных варваров с момента происшедшей Революции»⁵. В. Н. Половцева вынуждена была покинуть Лондон и руководила деятельностью Общества из Кельна и Берлина.

Общество культурного сближения в первые месяцы после разрыва дипломатических отношений получило поддержку прогрессивной интеллигенции и части трезвомыслящих деловых кругов. «Бритиш-рашн газетт», орган русско-британской торговой палаты, в сентябре 1927 года призвала к урегулированию спорных вопросов между Англией и СССР, налаживанию торговых и научно-технических связей. В декабре эта же газета отмечала, что ОКС является «эффективным каналом связи между советским и английским народами, инструментом упрочения мирных отношений между ними»⁶, и призывала прогрессивные силы Англии поддерживать его работу. Большую помощь ОКС оказывала также либеральная газета «Манчестер Гардиан» и ее главный редактор Ч. П. Скотт.

В течение 1927—1929 годов СССР посетили несколько делегаций английских бизнесменов, которые установили экономические и научно-технические связи с рядом предприятий страны. В феврале 1929 года в Лондоне состоялось собрание крупнейших английских промышленников, на котором был образован комитет содействия расширению торговли и технического сотрудничества с СССР. Было принято решение послать в нашу страну делегацию, чтобы найти основу для развития торговых отношений между двумя государствами. Поездка делегации, в состав которой вошли представители 150 фирм, состоялась в марте 1929 года. В Москве делегаты обстоятельно ознакомились с работой предприятий, научных, лечебных и культурных учреждений столицы. Английские бизнесмены были удовлетворены всем увиденным и пришли к выводу о возможности широкого развития экономических отношений между двумя странами.

Принятие первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР выявило различное отношение к нему в Великобритании. Реакци-

онные круги буржуазии всеми силами старались противодействовать выполнению пятилетки. Прогрессивная часть английского общества приветствовала успехи советского народа. В одном из писем И. М. Майскому Г. Уэллс отмечал: «Подобно всему остальному миру я нахожусь в состоянии напряженного ожидания результатов пятилетнего плана. До того я воздерживаюсь от вынесения приговора. Пятилетний план — это самое важное из всего, что сейчас делается в мире»⁷.

Экономическая секция общества культурного сближения провела в эти годы ряд собраний, посвященных пропаганде успехов хозяйственного строительства в СССР. Так, 22 марта 1928 года состоялся вечер, на котором был прочитан доклад «Развитие промышленности в СССР», а 17 мая профессор Кембриджского университета коммунист М. Добб в зале Всемирной ассоциации по образованию взрослых выступил с сообщением «Проблемы экономического планирования в России». Он отметил исключительно быстрые темпы индустриализации в Советском Союзе. В 1928 году вышла из печати книга М. Добба «Русская экономика. Развитие после Революции», получившая высокую оценку в СССР.

Часто появлялись материалы, посвященные первой советской пятилетке, в коммунистической печати Англии. Так, в мае 1929 года журнал «Коммьюнист ревью» опубликовал статью Э. Ротштейна «Советская Россия — триумф социалистического управления». В ней использовались материалы XVI партийной конференции ВКП(б). Э. Ротштейн подчеркивал, что такой грандиозный пятилетний план немыслим в капиталистической стране из-за анархии в экономике⁸.

Культурные контакты между интеллигенцией двух стран в период отсутствия дипломатических отношений не только сохранялись, но и активно развивались. Особенно это заметно на примере литературных связей. Летом и осенью 1928 года в обеих странах широко отмечалось 100-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Журналы «Кантемпорари ревью» и «Фортнайтли ревью» опубликовали статьи главы толстовского общества Э. Мода «Лев Толстой» и «Место Л. Толстого в литературе». Автор подчеркнул, что необходим хороший перевод книг Л. Толстого на английский язык. Э. Мод привел в статье свидетельства материальной поддержки издания сочинений Л. Н. Толстого писателями Дж. Голсуорси, Г. Уэллсом, професором У. Г. Мэрреем и другими⁹. На толстовских торжествах в Москве присутствовал известный английский переводчик, профессор Эдуард Бернштейн, активно выступавший за литературный обмен между СССР и Великобританией. Он отметил большую заботу советского правительства о творческом наследии гения русской литературы. «Бритиш-рашн газетт» откликнулась на празднование 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого в СССР специальной статьей Джесси Ллойд. В течение 1928 года на сцене лондонских театров были поставлены пьесы по произведениям великого русского писателя («Власть тьмы», «Плоды просвещения» и др.)¹⁰.

В 1927—1929 годах начало развиваться сотрудничество между деятелями киноискусства двух стран. На Всемирном конгрессе независимой кинематографии в 1929 году советские режиссеры С. Эйзенштейн, Г. Александров познакомились с А. Монтегю — известным кинокритиком Великобритании, членом КПВ. По его приглашению они посетили Англию, где изучали опыт британской кинопромышленности. В апреле 1929 года кинокомпания «Бритиш Инстрэкшнел филмс» заключила с киноорганизациями СССР соглашение, по которому ей предоставлялось право распределять в Англии всю продукцию советской кинопромышленности.

Но антисоветизм британских правящих кругов препятствовал развитию контактов в области кино. В мае 1928 года английские таможенные власти задержали ящики с советскими фильмами, присланными обществом друзей СССР в Великобританию. Британская цензура по-прежнему запрещала демонстрацию некоторых советских фильмов. Прогрессивная печать Великобритании осудила дискриминационные меры цензуры и министра внутренних дел Дж. Хикса в отношении советских фильмов «Броненосец Потемкин», «Мать», «Октябрь», «Конец Санкт-Петербурга»¹¹. Единодушно подчеркивалось превосходство этих фильмов над американской кинопродукцией. Из английских кинофирм наиболее тесные связи с СССР установила «Филм Гвилд» во главе с Х. И. Маршаллом. Вместе с ОКС это кинообъединение организовало закрытый просмотр советских фильмов, запрещенных цензурой. Фирма «Филм Гвилд» выпускала бюллетень «Новости советского кино» и давала рецензии на фильмы из СССР в английской прессе. Например, в июне 1929 года в журнале «Филм-

Уикли» Х. И. Маршалл напечатал большую статью о Д. Вертове и основных тенденциях развития советского кинематографа.

Укреплению научно-технических и культурных связей между СССР и Великобританией способствовало также Общество друзей СССР, основанное в Лондоне в декабре 1927 года. Оно было тесно связано с Обществом культурного сближения и англо-русским парламентским комитетом.

Научно-технические и культурные связи в 1927—1929 годах сыграли важную роль в сохранении добрососедских отношений между английским и советским народами. В условиях отсутствия дипломатических контактов передовая интеллигенция и рабочий класс Великобритании выступили горячими защитниками СССР. Они активно пропагандировали успехи социалистического строительства в нашей стране, давали о ней правдивую информацию в противовес антисоветской кампании консерваторов. Часть деловых кругов Англии также высказалась за нормализацию политических отношений с СССР и усиление экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между двумя странами. Это в значительной степени способствовало тому, что второй лейбористский кабинет Р. Макдональда вынужден был в ноябре 1929 года восстановить дипломатические отношения между Великобританией и СССР.

¹ XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.: Л., 1928. С. 46.

² См.: Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 22. С. 5.

³ См.: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 109.

⁴ Майский И. М. Встречи с Гербертом Уэллсом // Иностранная литература. 1963. № 1. С. 240.

⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5283, оп. 5, д. 31, л. 30.

⁶ The British-Russian Gazette. 1927. September. P. 2.

⁷ Майский И. М. Б. Шоу и другие: Воспоминания. М., 1967. С. 70.

⁸ См.: Rotshtein A. P. Soviet Russia. A Triumph of Socialist Management // The Communist Review. 1929. No 5. P. 269.

⁹ The Fortnightly Review. 1928. No 741. P. 325.

¹⁰ См.: The New-Statesman. 1928. November 17. P. 188—189.

¹¹ См.: The New Leader. 1928. October 26. P. 10.

Н. Я. ЗАЙЦЕВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД И СРАВНЕНИЕ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Познавательный процесс в век НТР характеризуется ростом потока информации. Известно, что количество информации за каждые десять — пятнадцать лет удваивается, что создает существенные трудности в познании. В таких условиях, по мнению психологов и методистов высшей школы, «необходим новый способ хранения информации: вместо хранения большого числа готовых знаний, хранить метод, позволяющий анализировать и воссоздавать всю систему частных явлений»¹.

В данной ситуации роль способа, позволяющего успешно «анализировать и воссоздавать всю систему частных явлений» в растущем потоке информации, могут выполнять общенаучные (общелогические) методы и приемы исследования, среди которых можно выделить сравнение, аналогию и сравнительный метод в целом. Для подтверждения плодотворности применения указанных методов мы выбрали некоторые труды классиков марксизма-ленинизма, рекомендуемые программой курса марксистско-ленинской философии для вузов. Цель статьи — показать, какую роль в исследованиях может сыграть умелое применение общенаучных методов.

Стиль мышления классиков марксизма-ленинизма отличается применением разнообразных научных методов и приемов. Изучая их труды, мы убеждаемся, что анализ и синтез, историческое и логическое, выдвижение гипотез, аналогия и сравнение и другие методы научного исследования — это рабочие инструменты, при помощи которых они развивали революционную теорию вообще, материалистическую философию в частности.

На страницах работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина мы встречаемся со сравнением и сравнительным методом во всех его разновидностях: сравнительный образ, сравнение-анализ изучаемых теорий путем их сопоставления, синхроническое (сравнение одновременное) и диахроническое (сравнение в разное время, в развитии) и другие. К. Маркс уже в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» избирает сравнительный метод рабочим инструментом для воплощения своего замысла. В «Тезисах о Фейербахе» путем сравнения старого метафизического материализма, к которому принадлежал Фейербах, с новым диалектическим мировоззрением выявляются недостатки первого (созерцательность, метафизичность, односторонность) и определяется преимущество диалектико-материалистического метода (связь с практикой, революционность). Противопоставляются точки зрения старого и нового материализма на общество: старого — «гражданское» общество; нового — «человеческое общество». Сравнительный метод широко применен Марксом в «Капитале», в котором сопоставление вещей, товаров, потребительных, меновых стоимостей, денег, золота является основным логическим приемом. В «Манифесте Коммунистической партии» дается сравнение социальных классов: буржуазии и пролетариата, определяется их различие по месту и участию в общественно-историческом процессе и исторической миссии. Путем сравнения буржуазного и феодального общественного строя определяется преимущество нового, буржуазного, строя перед феодальным. Выявляются преимущества партии коммунистов перед другими партиями.

Определяя свое отношение к теоретическим предшественникам: идеалисту Гегелю и материалисту Фейербаху, Маркс и Энгельс указывали, что система великого идеалиста «и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически: на голову поставленный материализм»². В полемике с «системосозидающим Дюрингом» Ф. Энгельс «противопоставлял ложным или превратным утверждениям своего противника верные и неоспоримые факты»³. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс на основе сравнительного анализа доказал, что «сходные условия жизни народов порождают сходные институты... определенные закономерности в развитии человеческого общества»⁴.

Маркс и Энгельс считали большим достижением человеческой мысли создание сравнительных наук и формирование сравнительного метода. Ф. Энгельс поясняет, что путем сравнения в математике образовалось понятие числа, осуществляется познание качественной и количественной определенностей веществ⁵. Маркс и Энгельс видели положительную роль сравнительного метода в открытии связи и эволюции в органической природе, что способствовало формированию нового воззрения на природу. Не случайно классики марксизма определяли сравнительный метод как одну из брешей, пробитых в метафизическом методе мышления, т. е. считали его одним из элементов диалектики.

В. И. Ленин отмечал, что Маркс и Энгельс «во всех своих философских работах коротко и ясно противопоставляют по **всем** вопросам материалистическую и идеалистическую линию». Например, Энгельс всю борьбу с непоследовательным метафизиком Дюрингом «провел **целиком** под лозунгом последовательного проведения материализма»⁶. В. И. Ленин, развивая марксизм в новых условиях, широко и всесторонне использует сравнение и сравнительный метод в борьбе с реформистами и оппортунистами, поповщиной, идеализмом и их разновидностями. К примеру, в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин противопоставляет марксистский диалектико-материалистический метод анализа важнейших проблем теории (диалектики, материализма, общественно-экономической формации, детерминизма) субъективно-идеалистическому и метафизическому методу народничества 90-х годов во главе с Михайловским. В работе «Государство и революция» Ленин сопоставляет теорию государства, разработанную Марксом и Энгельсом, и оппортунистическую теорию государства Каутского и других социал-шовинистов. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин сравнивает тактики большевиков и меньшевиков и напоминает отзыв Маркса о старом, чуждом диалектике материализме, который страдал созерцательностью и не умел диалектически обосновать необходимость и пути изменения мира: «Философы лишь различным образом объясняли мир, — писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе», — но дело заключается в том, чтобы изменить его». Так и новоискровцы, замечает Ленин, могут описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга. Они принижают материалистическое понимание истории, игнорируют руководящую роль партии в революционной борьбе.

Однако особое внимание уделяет Ленин сравнительному методу в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Путем сравнения философии марксизма и эмпириокритицизма автор «показывает **по всей линии** гносеологических вопросов **сплошную реакционность** эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки **идеализма и агностицизма**»⁷.

Во вступлении к работе, которое называется «Как некоторые «марксисты» опровергали материализм в 1908 году и некоторые идеалисты в 1710 году», содержатся и сравнение, и аналогия «новейшего» и «современного» позитивизма с субъективным идеализмом епископа Беркли, в результате чего выясняется реакционная сущность нового философского течения эмпириокритицизма. Вопреки претензиям «новейшей» философии, с позиций которой русские махисты пытались «дополнить» и исправить материализм, а на деле же его опровергнуть, В. И. Ленин доказал на основе сходства основных признаков так называемой «новейшей» философии и субъективного идеализма епископа Беркли, что первая, т. е. эмпириокритицизм и махизм, есть не что иное, как перепев старых-престарых идеалистических учений, созданных задолго до тех естественнонаучных открытий, на которые впоследствии необоснованно ссылались как Мах и Авенариус, так и их последователи.

Во введении В. И. Ленин показывает, что еще в 1710 году субъективный идеалист Беркли, обосновывая новое направление в идеализме, отрицал реальность материи, считая ее равнозначной «ничто», и сводил все существующее к комбинациям ощущений. В теории познания Беркли развивал идеи агностицизма, ибо за объект познания принимал не объективную реальность, а «идеи» (чувства, ощущения) воспринимающего субъекта. Отрицание объективности объекта познания привело Беркли к отрицанию объективности мира, причинно-следственной связи, истины — все сводилось к субъективности (коллективная оценка, организованный опыт, экономное мышление и т. п.).

В итоге глубокого изучения «новейшей» философии махизма В. И. Ленин доказал, что «новейшие» махисты не привели «ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли»⁸, развенчал их потуги представить махистскую философию «новейшей» философией всего естествознания как «претенциозную галиматью».

Используя историко-генетическое сравнение, Ленин показывает, что Мах, начав с философии Канта — идеалиста и агностика, вернулся к взглядам английских философов XVIII века — идеалистов Беркли и Юма, что основные положения эмпириокритицизма были предвосхищены идеалистами. Например, концепция Маха и Авенариуса о том, что «чувственное представление **и есть** существующая вне нас действительность», за которую ухватились русские махисты Богданов, Базаров и другие, означает возвращение к юмизму или даже к берклианству⁹.

В борьбе за чистоту марксистской гносеологии, подвергавшейся ревизии со стороны махизма, Ленин вскрыл корни агностицизма и релятивизма. Он показал, что если марксистская теория познания признает диалектическое единство абсолютного и относительного, непреходящего и переходящего в познании, то махистская гносеология, отрицая абсолютность в познании, односторонне раздувает момент относительности знания, т. е. релятивизм. Мах, замечает Ленин, именно на этом свихнулся, не поняв, или не зная соотношения между релятивизмом и диалектикой. Не случайно Мах и другие эмпириокритики строят «гносеологическую теорию времени и пространства на принципе релятивизма»¹⁰. Идеалистическому принципу релятивизма В. И. Ленин противопоставляет единственно научный принцип — материалистическую диалектику.

В своей работе В. И. Ленин не только сопоставляет две линии в философии — материализм и идеализм, но и взгляды наиболее характерных представителей этих направлений. Так, рассматривая агностицизм, Ленин сопоставляет взгляды Юма, Канта, Маха, Авенариуса и других агностиков. Определяет то общее, что свойственно всему агностицизму, а именно: невозможность выхода за границы чувственных восприятий. Рассматривая идеалистическую концепцию принципиальной координации Авенариуса, Ленин сравнивает ее с идеализмом Фихте. Сравнивая идеализм Беркли 1710 года с идеализмом Фихте 1801 года и Авенариуса 1891 — 1894 годов, Ленин заключает, что при незначительных различиях и выражениях им присуща общность: признание того, что «мир есть мое ощущение»; мир есть моя иллюзия (Мах). Среди материалистов нового времени В. И. Ленин, наряду с Марксом и Энгельсом, выделяет Фейербаха и Чернышевского, «который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма», и противопоставляет им непоследовательных философов Бюхнера, Фохта, Мошотта, Дюринга, называя их пигмеями и жалкими кропотелями¹¹.

Сравнивая взгляды Канта и Маха на пространство и время, Ленин называет Маха «Кантом-наизнанку», так как Мах в противоположность Канту, для которого время и пространство априорны, выводит их из опыта. Априори для Маха является принцип простоты. По аналогии Ленин называет Богданова и К⁰ Бюхнерами и Дюрингами наизнанку за то, что «они желали бы быть материалистами вверху... не умеют избавиться от путаного идеализма внизу»¹². Ведя речь о материи, Ленин сопоставляет взгляды ряда идеалистов: Авенариуса, Маха, Пирсона, Милля и других, находит у них общее — отрицание объективности материи. Ленин обращает внимание на то, что идеалисты так же, как и материалисты при определении материи «идут от психического, или Я, к физическому... или от ощущения к материи»¹³, т. е. не выходят из рамок искомого гносеологического вопроса об отношении мышления к бытию, ощущения к физическому. Понятно, что идеалисты в определении материи исходят из первичности «психического».

Мастерское владение сравнительным методом и аналогией¹ позволяет Ленину раскрыть сущность изучаемой проблемы, сделать на основе глубокого анализа и всестороннего изучения проблемы глубокие выводы и умозаключения.

¹ Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы. Минск, 1981. С. 78.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 285.

³ Там же. Т. 20. С. 7.

⁴ Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978. С. 25.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 37.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 358, 359.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Там же. С. 384, 350.

¹² Там же. С. 350—351.

¹³ Там же. С. 150.

А. А. ГРИЦАНОВ

БУРЖУАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»: КРИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

В арсенале средств идеологического воздействия, используемых империализмом в борьбе против революционного учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, значительное место занимает буржуазная концепция «среднего класса» — эклектическая совокупность различных немарксистских и антимарксистских социально-философских теоретических построений, идеологических мифов и идей, постулирующих существование в качестве фундаментального элемента социальной структуры капиталистического общества особого растущего «среднего класса» и связывающих с ним иллюзорные перспективы бесконфликтного преодоления классовых противоречий капитализма на его собственной социально-экономической основе.

Выступая как философско-социологическое основание совокупности антимарксистских синтетических доктрин и теорий («индустриальное», «постиндустриальное общество» и др.), буржуазная концепция «среднего класса» в течение последних десятилетий исполняет роль социологической альтернативы марксистско-ленинскому учению о все возрастающей классовой поляризации буржуазного общества по мере эволюции капитализма. Кроме указанной социальной предпосылки значительная распространенность данной концепции обуславливается также причинами гносеологического порядка. Так, в частности, сторонники буржуазной концепции «среднего класса» опираются на достаточно разработанный категориально-понятийный аппарат западноевропейской социальной философии XIX века. Как известно, применительно к социальным группам, занимающим промежуточное положение в обществе эпохи перехода от феодализма к капитализму, термин «средний класс» употреблялся на всем протяжении прошлого столетия. Поэтому использование этого понятия для отображения социально-классовой структуры сложившегося буржуазного общества XX века носит видимость обычного применения традиционных, апробированных социологических терминов применительно к новой социальной ситуации. Более того, некоторые представители буржуазной концепции «среднего класса» причисляют к своим идейным предшественникам даже К. Маркса (!). Таким образом авторы данной концепции стремятся обеспечить собственным теоретическим построениям определенную наукообразность, респектабельность, «надклассовость», придать этой модели социальной структуры капиталистического общества «универсальный характер».

Становится очевидной необходимость доказательства ненаучности данной концепции посредством критического анализа ее центральной категории, а также выявления коренной противоположности содержания понятия

«средний класс» в марксистско-ленинской философии и буржуазных социальных концепциях.

Возникновение понятия «средний класс» и введение его в оборот западноевропейской социальной философии относится к началу XIX века. На протяжении данного столетия этот термин отражал специфику социальной позиции складывающегося класса буржуа — позиции «промежуточной», «средней», вне рамок остальных классов — крупных землевладельцев, крестьян и наемных рабочих. В данном контексте («средний класс» как синоним понятия «буржуазия») этот термин употребляли такие известные немарксистские социологи, как Г. Спенсер, Л. Гумплович, М. Вебер, Т. Веблен.

Для выяснения истинного содержания понятия «средний класс» в этот период необходимо специально рассмотреть употребление его в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Какие же социальные группы включали в состав «среднего класса» или «средних классов» основоположники исторического материализма? В начале 40-х годов XIX века к «среднему классу» К. Маркс и Ф. Энгельс относили всю буржуазию эпохи становления капитализма. Опираясь на безупречно точный анализ расстановки и состояния классовых сил, классики марксизма постоянно обогащали содержание данного понятия с учетом меняющихся объективных условий. Так, оценивая социально-политическую ситуацию в ряде государств Западной Европы, когда буржуазия захватывала бразды правления, К. Маркс и Ф. Энгельс отказываются от применения термина «средний класс» к буржуазии в целом. Буржуазия стала правящим, «высшим» классом и остается на положении «среднего сословия» лишь там, где у власти находятся полуфеодальные правительства. В то же время при анализе современной им домонополистической стадии развития капитализма классики марксизма применяют понятие «средний класс» для характеристики мелкой буржуазии.

Правомерен вывод: опираясь на достижения предшествующей социально-философской традиции, К. Маркс и Ф. Энгельс использовали термин «средний класс» («средние классы») в процессе разработки системы базисных категорий исторического материализма. Этим понятием обозначались буржуазные социальные группы эпохи разложения феодализма и складывания капитализма, располагавшиеся между землевладельцами и крестьянством. В дальнейшем при рассмотрении социально-классовой структуры сложившегося капитализма основоположники исторического материализма употребляют данный термин лишь спорадически, как рабочее обозначение «промежуточного» класса буржуазного общества — мелкой буржуазии.

Важно отметить, что, характеризуя «средний класс» эпохи перехода к капитализму — буржуазию, классики марксизма обращали особое внимание на единство социально-политических ориентаций ее главных отрядов в этот исторический период. «Средний класс» буржуазии той эпохи — класс сравнительно монолитный, преследующий цели одного порядка: ломки старого феодального уклада.

«Средний класс» сложившегося капитализма (мелкая буржуазия) характеризуется в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса уже иначе. Это класс, объединенный главным образом спецификой своего промежуточного положения социальной позиции между собственно буржуазией и пролетариатом. Классики марксизма неоднократно подчеркивали двойственность, противоречивость объективного положения мелких буржуа, неизбежность их «размывания», их раскола на различные прослойки в составе двух основных классов капитализма.

Одновременно в конце XIX века все более значимые количественные параметры в социальной структуре буржуазного общества начинают приобретать социально-профессиональные группы служащих и наемной интеллигенции. В. И. Ленин, анализируя классовый облик этих категорий самодетельного населения, подчеркивал: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число **служащих**, предьявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»². Предлагая рассматривать перспективы социально-классовой динамики этих общественных слоев

именно таким образом, В. И. Ленин не употребляет уже в принципе понятие «средний класс» применительно к «промежуточным» социальным группам эпохи империализма.

Тем не менее ряд буржуазных теоретиков выдвинул в этот период тезис о том, что заметный рост интеллектуальных «новых средних слоев» или «нового среднего класса» опровергает-де положение марксизма-ленинизма о растущей классовой поляризации капиталистической системы. Таким образом, теоретические построения о «среднем классе» приобретают открыто антимарксистскую направленность.

Первыми авторами таких теоретических «доказательств» жизнеспособности буржуазного общества явились идеологи ревизионизма. Причиной этого, разумеется, была их ведущая идейная установка: подвергнуть марксизм духовной коррозии «изнутри». Именно поэтому ряд первоначальных вариантов антимарксистской концепции «среднего класса» создавался в виде «новых» теоретических выводов в русле диалектико-материалистического видения социальной реальности. Так, например, Э. Бернштейн утверждал: «Либо все больше и больше сравнительное умножение числа капиталистов и все возрастающее благосостояние пролетариата, либо многочисленный «средний класс» — такова единственная альтернатива, которую оставляет нам растущее увеличение производства»³.

В дальнейшем исследовательские подходы и доминирующие трактовки немарксистских исследователей по данной проблеме не претерпели каких-либо качественных изменений. Т. Маршалл (Англия), Дж. Гэлбрейт (США) и многие другие западные социологи обосновывают различным образом идею о том, что общественная категория служащих представляет собой «средний класс» современного буржуазного общества и препятствует расколу этого общества на два социальных полюса.

С этой целью применяются самые различные приемы и методы конструирования этой «классовой» общности: и уровень доходов, и характер занятости, и субъективная оценка собственной классовой принадлежности. Но в любом случае игнорируется главный параметр: реальное отношение к собственности на средства производства. Причем разница в экономическом положении высших (менеджеры) и низших отрядов социальной категории служащих настолько велика, что, безусловно, позволяет говорить о достижении ею диапазона классового неравенства.

Таким образом, как отмечает ряд современных исследователей-марксистов, рост «нового среднего класса» — это не только эволюция «промежуточных» мелкобуржуазных социальных групп в условиях современного капитализма, но (главным образом) появление новых прослоек буржуазии и рабочего класса. Реальное место, которое занимают «новые» средние слои в производстве и обществе, зачастую тоже срединное (во многом кажущееся), как и у мелких буржуа. «Новые» средние слои — последняя вежа на пути эволюции мелкой буржуазии. Она в результате дает дорогу новым социальным силам — пролетариям умственного труда и высшим менеджерам — интеллектуальной элите монополистической буржуазии.

Следовательно, содержание понятия «средний класс» в рассматриваемой буржуазной концепции некорректно по ряду параметров. Во-первых, оно используется для обозначения таких социальных групп, которые в силу собственного объективного положения входят в состав ряда классов. Во-вторых, не являются сколько-нибудь обоснованными ссылки ни на авторитет классиков немарксистской социологии XIX века, ни на разработки К. Маркса. В-третьих, «новый» «средний класс» XX столетия имеет генетическую связь не с классом буржуазии зари капитализма, а с промежуточным классом мелкой буржуазии середины — конца XIX века, т. е. с теми социальными группами, история которых является образцовым подтверждением истинности марксистского анализа эволюции капиталистического общества. Как отмечается в Программе КПСС, «монополии захватили господствующие позиции в аграрном секторе экономики. Из производства вытесняется масса фермеров, те же, кому удастся уцелеть, держатся ценой чрезмерного труда и лишений... Мелкие и средние городские предприниматели все сильнее эксплуатируются крупным капиталом, опутаны сетью финансовой зависимости»⁴.

Таким образом, становится очевидной классовая, партийная направленность буржуазной трактовки места и роли средних слоев в системе современного капиталистического общества, активная ориентация концепции «среднего класса» на реализацию социального заказа монополистического капитала. Тем самым предпринимаются попытки не только полемизи-

ровать с марксистско-ленинским пониманием социально-классовой структуры капитализма, но и путем идейного давления ослабить размах анти-монополистической борьбы различных отрядов армии наемного труда.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 240.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 209.

³ Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1906. С. 68.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 131.

Г. В. ГРУШЕВОЙ

РОЛЬ «СИСТЕМЫ ФИЛОСОФИИ» П. РЕЖИ В ИСТОРИИ КАРТЕЗИАНСТВА

Появление в 1671 году «Трактата по физике» Рого вызвало изменение естественнонаучных концепций во французском картезианстве, повлекло за собой резкую поляризацию сторонников учения Декарта. Ученые восприняли идеи Рого как необходимое развитие картезианской физики, отвечающее духу научного прогресса. Влияние «Трактата» было так велико, что для современников «быть картезианцем означало, в некотором роде, являться учеником Рого»¹. Вместе с тем расширение материалистического воздействия картезианской науки стимулировало усилия метафизически ориентированных учеников Декарта, направленные на мировоззренческую нейтрализацию механистического естествознания.

От лица теологизированной метафизики Декарта в крестовый поход против механико-материалистического миропонимания выступила философия окказионализма. Усиливая спекулятивные аспекты геометризации физики, Мальбранш одновременно подрывал объективную основу картезианского кинетизма. Естествознание «вписывалось» им в теоцентристскую картину мира, превращаясь в «механическую иллюстрацию» могущества первотворца. В эпоху вызревания просветительской идеологии учение окказионалистов становилось прибежищем адептов религиозного спиритуализма.

Ядро оппозиции фидеистской реакции составили картезианцы-материалисты, во главе которых в конце XVII века встал П. Режи (1632 — 1707). Он не только продолжил материалистические традиции физики Декарта, но и создал универсальный свод его философии, подытоживший полувековой период развития научной и философской мысли в условиях «картезианской революции». Его трехтомная «Система философии» (1690) охватила все области тогдашнего знания о природе и человеке.

Хотя три четверти сочинения Режи посвящены вопросам естествознания, тем не менее это уже не физический трактат, и здесь автор отступает от линии своих предшественников. Более того, он вновь возвращает метафизику во главу системы и среди прочих спекулятивных вопросов рассматривает даже «состояние души после смерти». В физическом разделе трактата он не забывает напомнить, что все излагаемое им согласуется с вышеизложенными метафизическими рефлексиями, и что «все природные истины могут быть сведены к принципам, которые мы предложили в рассуждениях о метафизике»². И несмотря на то, что сама по себе структура работы еще не раскрывает существа концепции, налицо явный шаг в сторону спекулятивно-метафизического обоснования картезианского механицизма. Объяснить его можно двумя причинами.

Прежде всего сам Режи, несмотря на обширные естественнонаучные познания, никогда не был, в отличие от Декарта или Рого, ученым-естествоиспытателем. Из-за недостаточной математической подготовки ряд научных концепций был ему недоступен. Вот почему в воззрениях Режи на науку и научную картину мира доминирует умозрительно-теоретический аспект, ограниченный метафизической проблематикой, унаследованной от предшествовавшего этапа философского и научного развития. Это своеобразная, «методологическая» метафизика, далекая от идеалистических спекуляций окказионализма, да и отношения ее с физическими концепциями имеют отпечаток дополнительности. Однако она ощутимо расходится с изменившимися нормами экспериментального естествознания и маскирует общую антиметафизическую направленность картезианской физики.

Другой причиной уступок со стороны Режи спекулятивно-теологической традиции является рост активности в 80-е годы XVII века окказионалистской школы в картезианстве, попытавшейся с помощью идеалистической метафизики подчинить картезианское естествознание, механицизм христианскому теоцентризму. Не будучи в состоянии полностью устранить внеприродные условия естественнонаучного объяснения мира (прежде всего в вопросе об источнике движения) и решительно отвергая трактовку этих условий как с помощью традиционного перипатетизма, так и картезианского окказионализма, Режи считает необходимым обосновать механицизм, по примеру Декарта, метафизической концепцией. К этому побуждало его и стремление противопоставить системе Мальбранша столь же всеохватывающее учение.

Задумав представить именно систему человеческих знаний, Режи вынужденно сталкивается с господствующей в общественном сознании мировоззренческой схемой, построенной на фундаментальных теологических идеях. Его метафизика сохраняет приметы общепринятого способа толкования подобного рода предмета, включая пиетет к божественной первооснове, демонстрацию верноподданических чувств церкви, богословский лексикон и т. п. Однако сквозь внешнюю показную благообразность проступает весьма неортодоксальная ориентация мыслей Режи. То, что он рассматривает «познание души как главную и высшую часть метафизики», не вызывало беспокойства ревнителей веры. Но если, согласно Режи, «опыт отчетливо показывает, что **все** функции души... абсолютно зависят от движений тела, с которым она соединена» (63—64), то это придает его метафизике четко выраженный материалистический оттенок.

Философ рассматривает весь спектр спекулятивных проблем этой дисциплины с картезианских позиций, рассуждая и о субстанции, и о чистой мысли, и о совершенном бытии, и о первопричине, и о множестве других подобных проблем. Но при этом он вновь и вновь возвращается к ключевой гносеологической посылке своей метафизики, объявляя, что «дух, чтобы мыслить, зависит от тела», и это есть «физическая зависимость» (113, 129). Хотя всевышний—основа всего происходящего в нашем мире, тем не менее для Режи «бог не является непосредственной причиной этой зависимости... она непосредственное следствие вторичных причин». Каких? «Органические части тела суть общие вторичные причины связи души и тела, а специфические условия, которые встречаются в теле каждого человека... суть частные вторичные причины»; и неизбежный вывод: «душа мыслит посредством тела» (130—131). А если принять во внимание еще и то, что «бог в природных вещах не действует непосредственно сам» (214), главная часть метафизики философа вполне может стать разделом его физиологии. Не только может, но и становится, когда Режи рассуждает, что «представлять означает нечто иное, как иметь идею некоторого тела, вызванную одним лишь движением животных духов, которые колеблют внутренние окончания нервных волокон» (163). Правда, он спохватывается, оговариваясь, что рассматривает здесь лишь то, что принадлежит мышлению со стороны души, а то, что относится к телу, будет разбираться в физике. Но ведь душа у Режи может действовать только посредством тела, так что правы были те проницательные читатели, которые усмотрели за заслоном ортодоксально-религиозной фразеологии философа материалистические импликации метафизических воззрений на человека и его мышление.

Отмечая этот существенный аспект «Системы философии», не следует вместе с тем делать натяжку и превращать ее метафизический раздел в апологию материализма. Апологетика там в основном традиционная, но те принципы, которые определяют мышление Режи в естественнонаучной области, закладывают зерна живого содержания в традиционную вязь схоластических формулировок. Однако в целом метафизика Режи явилась скорее негативным опытом в материалистической традиции картезианства, скрыв принципиально новое философско-мировоззренческое основание механистического естествознания.

Физика занимает большую часть произведения Режи и уже это позволяет отнести «Систему философии» к материалистической традиции картезианства. Механистическое миропонимание, базирующееся на принципах картезианского материализма, достаточно последовательно проводится мыслителем в его воззрениях на природу. Физика, согласно Режи, изучает природные тела и их свойства. Исследованием естественных процессов и явлений занимается практическая физика, а их причины выясняет спе-

кулятивная. «Чтобы сделать физику более совершенной, — считает философ, — необходимо соединить спекулятивную часть с практической». И хотя спекулятивность накладывает на естествознание гипотетический характер, это не мешает физике «занимать одно из первых мест среди человеческих познаний» (275). Достоверность научным гипотезам придает их строгое соответствие основополагающим «принципам природы» и «первым истинам» естественнонаучного миропонимания. К принципам Режи относятся материя и движение, а первые истины указывают на пространственную сущность физического мира и локальный характер движения, подчиняющегося определенным естественным законам и обуславливающего развитие и строение природы (277). Таким образом, устанавливая философские основания науки, Режи ориентируется на требования картезианского материализма и вслед за Декартом строит кинетическую модель физической реальности.

Поскольку в картезианской механике отсутствует понятие пустоты, ключевое значение приобретает проблема соударения тел. Со времени Декарта наука существенно продвинулась в изучении законов движения сталкивающихся тел, прежде всего благодаря работам Дж. Уоллиса и Х. Гюйгенса. Их исследования были обобщены в 1678 году в «Трактате об ударе или соударении тел» Мариотта, идеи которого попытался освоить Режи. Однако преимущественно качественный характер физических представлений и отсутствие навыка самостоятельного экспериментирования не позволили философу не только развить дальше новые научные концепции, но и вполне корректно изложить их, особенно в части математического описания. Вероятно, он был совсем незнаком с работами Ньютона («Математические начала натуральной философии» появились в 1687 году). Это одно из свидетельств внутреннего кризиса, переживаемого картезианской натурфилософией конца XVII века, перед которой прогресс естествознания все категоричнее выдвигал требование полного слияния с экспериментальной наукой или вырождения в спекулятивную доктрину, компилирующую чужие открытия.

Механистическое миропонимание, обосновываемое картезианским материализмом, глубоко проникло в мышление естествоиспытателей и его дальнейшее развитие было связано с устранением метода умозрительного проецирования исходных принципов на растущее множество экспериментальных данных. Картезианская «система» превращалась в этих условиях в тормоз научного прогресса, и творчески продуктивное начало физики Декарта все более освобождалось от метафизических спекуляций. Это исторически необходимый процесс, поскольку «у всех философов переходящей оказывается как раз «система» (Ф. Энгельс). Вот почему Режи, сохранивший материалистическую основу картезианской физики, но стесненный рамками философской системы Декарта, ощутимо отстает от уровня развития современной ему науки. Образцом и главным источником физических объяснений для него выступает Ж. Рого, чьи идеи дополняются некоторыми новейшими открытиями в гидростатике, пневматике, эмбриологии и др. Показательно, что Режи сравнительно с «Трактатом по физике» Рого в своей «Системе» вновь возвращается к космогонической теории Декарта, объясняющей естественное образование вселенной из первичного хаотического состояния. Однако в отличие от Де Руа философ усиливает гипотетический, или, как он сам говорит, «проблематический», характер этой концепции.

Картезианская идея вихревого строения мира получила к концу XVII века широкое распространение среди французских физиков, которые на ее основе значительно модифицировали и усовершенствовали многие научные теории. Так, в частности, Ж. Сорен, развивая картезианскую теорию тяжести, выдвинул новую концепцию эфирной материи. Как считает Э. Айтон, «признание гипотезы Сорена, в которой эфир рассматривается как среда, почти не имеющая сопротивления и в то же время развивающая силу, могло привести к раннему примирению Декартовой и Ньютоновой систем»³.

Особое место в картезианской физике отводилось вопросам биологии и физиологии. К концу XVII века ятромеханическая школа в науках о живой природе заняла ведущее место в Западной Европе. В течение 1680/81 годов вышла из печати двухтомная работа Д. Борелли «О движении животных», где на основе законов механики давалось объяснение всем функциям организма животного. Эмбриология усилиями Мальпиги, Хартзекера, Левенгука превратилась в экспериментальную науку. Были

сделаны новые открытия в анатомии, неврологии, физиологии. «Система философии» Режи в значительной мере отразила прогресс в этой области естествознания.

Продолжая линию картезианского биомеханизма, философ последовательно рассматривает внутреннее устройство и принцип работы растительных и животных организмов, отвергая любые представления о скрытых «витальных» силах. Касаясь весьма актуального в тогдашней биологии вопроса о зародыше, Режи присоединяется к концепции Мальпиги, отказываясь от декартовой теории зарождения жизни. Он считает, что в женском зародыше уже содержится животное, которое развивается благодаря проникновению тонкой материи в результате оплодотворения⁴. Механический процесс увеличения органов и частей тела, количественный рост приводит к образованию нормального животного организма. Выводя функции тела из строения его органов, Режи трактует животное как сложную машину, лишенную какой-либо души. Столь же механистично он понимает и жизнедеятельность человеческого организма. Причем идет дальше Рого, выясняя физиологические основания и физические причины духовных способностей человека, устанавливая зависимость идей от течения животных духов, рассуждая о связи душевных страстей с потребностями тела⁵. Говоря о природной физиологической обусловленности душевного мира человека, натуралистически объясняя побуждения и эмоции, ставя в зависимость от объективных условий интеллектуальную деятельность и, наконец, фактически отрицая бессмертие души, Режи вплотную подходит к воззрениям голландского материалиста Де Руа. Пока еще только в физиологии и со многими метафизическими оговорками картезианец предвосхищает будущую концепцию «Человека-машины» Ламетри. В этой части «Системы» в мышлении Режи наиболее полно и ярко отразились традиции картезианского материализма.

Вместе с тем этот свод картезианской философии стал вехой, обозначившей переломный момент в истории картезианства. Механистическая физика, заложенная Декартом, к концу века усваивается и перерабатывается развивающимся естествознанием. Попытка вернуть ее к первоначальному альянсу со спиритуалистской метафизикой, даже при условии существенной перестройки последней, была расценена передовой наукой в контексте происходившей догматизации картезианской ортодоксии. Поэтому «Система» Режи, при всей ее обращенности к естественным наукам, открытой оппозиционности религиозному окказионализму, в начале XVIII века выглядела довольно эклектичным сооружением, не свободным от спекулятивной архаики. Ранним просветителям в ней отчетливо виделась чужеродность научно-механистического и теолого-метафизического способов миропонимания. Окончательно отбросить метафизические предрассудки своих предшественников сумел лишь картезианский материалист Фонтенель, много сделавший для «подготовки того идейного революционного потока, которому суждено было стать введением к французской революции конца XVIII века»⁶.

¹ Mony P. Le développement de la physique cartésienne. Paris, 1934. P. 142.

² Régis P. Système de Philosophie. Paris, 1690. T. 1. P. 291. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи.

³ У истоков классической науки. М., 1968. С. 54.

⁴ См.: Régis P. Op. cit. T. 2. P. 642.

⁵ Ibid. P. 293.

⁶ Момджян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века. М., 1983. С. 44.

А. А. МИХАЙЛОВ

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

(К 200-летию со дня выхода в свет
«Критики практического разума»)

Появление в 1788 году работы Канта «Критика практического разума» представляет собой событие историко-философской традиции, подлинное значение которого для дальнейшего развития философского мышления в полной мере еще предстоит оценить.

Анализ логики кантовской мысли свидетельствует о том, что в этом

произведении не просто используется разработанная в «Критике чистого разума» система трансцендентальной философии для анализа одной из очередных проблем. Традиционное представление о философии Канта, в соответствии с которым основное внимание в ней уделяется вопросам теории познания¹, нуждается в уточнении.

Дело заключается не только в том, что уже простое перечисление произведений позднего этапа творчества Канта свидетельствует о все большем смещении его интересов в сторону проблем, связанных с анализом самых разнообразных аспектов общественного развития (история, философия права, антропология, педагогика, политика и т. п.). Из знакомства с перепиской Канта, относящейся к 60-м годам XVIII столетия, явствует, что ничто другое не занимало его в то время в такой степени, как разработка этической системы. Однако к осуществлению своего замысла ему удастся приступить только в 80-е годы, когда была завершена необходимая предварительная работа по критическому исследованию природы познавательной деятельности человека и лежащих в ее основании принципов.

Отныне внимание Канта сосредоточивается на проблематике практической философии, разработка которой происходит в рамках антропологически ориентированной метафизики. Сам Кант в одной из последних работ, представляющей пособие к лекциям по логике, отмечает, что сферу философии можно свести к следующим вопросам: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?..

Но, в сущности, — резюмирует Кант, — все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему»².

Обращение Канта к проблеме человека как важнейшей проблеме философского мышления позволяет сделать вывод о том, что, в конечном счете, само разделение его философии на теоретическую и практическую является достаточно условным. В центре внимания Канта находится один и тот же разум, который реализует свои собственные принципы в различных сферах. В первом случае мы имеем дело с теоретическим, или познающим, разумом, во-втором — с практическим, или действующим. Этот принцип единства предопределяет и архитеконику обеих кантовских критик.

Если в «Критике чистого разума» обращение к миру явлений призвано способствовать обнаружению природной действительности, то сходным образом к ноуменальной сфере относятся человеческие поступки и действия, являющиеся предметом анализа «Критики практического разума». И подобно тому, как конечной целью теоретической философии является обнаружение всеобщих и необходимых форм деятельности нашего разума, обеспечивающих саму возможность формулирования закономерностей природы, цель философии практической заключается в ответе на вопрос о том, при каких всеобщих и общезначимых законах нравственности совершаются человеческие поступки. Вопрос может быть также переформулирован следующим образом: что такое мораль и возможна ли она как наука?

В полном соответствии с принципами своей философии Кант стремится обосновать программу практического разума посредством выявления нравственных норм, которые обладают значимостью не только для отдельных, конкретных случаев человеческого поведения, но являются пригодными для всех возможных случаев и всех человеческих существ, вне зависимости от конкретных обстоятельств, в которых они совершают свои поступки.

Обращаясь к анализу этических теорий, Кант не находит возможным солидаризироваться с какой-либо из них, ибо они, по его мнению, являются либо ограниченными, в силу своей зависимости от эмпирических обстоятельств, природу которых они выражают, либо представляют собой оторванные от жизни и утратившие смысл конструкции, не способные выступать в качестве принципов человеческого поведения. В этих условиях Кант видит свою цель в том, чтобы сформулировать такой основополагающий принцип нравственной жизни, который, будучи общеобязательным, мог бы одновременно являться практически реализуемой нормой жизнедеятельности.

Как известно, этот моральный закон Кант называет категорическим императивом, т. е. правилом, которое предписывает человеку действовать строго определенным образом, невзирая ни на какие внешние обстоя-

ства, руководствуясь исключительно побуждениями долга. В наиболее общем виде содержание категорического императива может быть изложено следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»³. Сформулированный подобным образом категорический императив не содержит каких-либо конкретных предписаний, помимо требования, адресованного каждому человеческому поступку: **ты должен**. Следование категорическому императиву является обязанностью человека даже в том случае, если он побуждает к действиям, противоречащим общепринятым нормам благоразумия, личным интересам и наклонностям человека.

Однако при всем своем внешне формальном определении категорический императив содержит крайне важный для человеческого поведения регулятивный принцип: он требует от практической воли безусловного соблюдения лишь такого закона, необходимость следования которому осознает она сама.

А это означает, что основным понятием, лежащим в основе кантовской моральной философии, является понятие автономии духовного мира человека. Сфере естественной необходимости теоретического разума Кант противопоставляет безусловную самодостаточность ценностей разума практического. Кант сознает, что в реальной жизни эмпирическая индивидуальная воля человека может преступать нравственные законы. Более того, существуют этические теории, которые оказываются, в конечном счете, губительными для воспитания нравственного достоинства личности, поскольку в них природа нравственного поведения выводится из внешних по отношению к личности принципов. В связи с этим Кант резко выступает против эвдемонических и утилитаристских концепций нравственности, связывающих нравственный образ действий с возможностью достижения благополучия или счастья как для отдельной личности, так и для общества в целом. С такого рода обоснованием нравственного поведения Кант не согласен, во-первых, потому, что он осознает исторически преходящий характер эмпирических представлений о счастье, а, во-вторых, и это, по мнению Канта, является решающим аргументом потому, что тем самым уничтожается само достоинство и самостоятельность морального поступка, подчиняющего себя внешней и чуждой цели. Точно так же неправомерно, по Канту, связывать содержание нравственности с подчинением жизни предписаниям, исходящим от внешних авторитетов, в том числе и божественного. Во всех этих случаях нравственная жизнь низводится до средства и перестает быть автономной и абсолютной целью, в то время как в соответствии с содержанием категорического императива личность должна быть целью самой по себе и никогда не должна быть средством.

Такое представление о достоинстве личности, характерное для идеологии утверждавшего буржуазного общества, четко выражено Кантом в опубликованных в 1785 году «Основах метафизики нравственности»: **«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»**⁴.

Развитие этого тезиса в «Критике практического разума» позволяет Канту обосновать учение о всеобщем равенстве всех разумных существ, суть которого заключается в том, что человек никогда не должен видеть в другом человеке средство для достижения своих целей, но обязан уважать в нем достоинство личности.

Нетрудно заметить, что, при всей противоречивости, этическая система Канта приобретает революционный характер именно в силу абсолютности полагания категорического императива, который, по меткому замечанию В. Виндельбанда, превратился в «закон охранения человеческого достоинства»⁵.

Вместе с тем формальный характер категорического императива отнюдь не приводит, как это представлялось М. Шелеру, к «абстрактности и внутренней пустоте» кантовской этики, основная цель которой якобы заключается в формулировании внешних, по отношению к ценностям конкретной личности, принципов поведения⁶.

Такая трактовка кантовского учения о нравственности существенным образом искажает замысел философа. Уже в «Критике чистого разума» Кант, указывая на существование «чистых нравственных законов», с необходимостью определяющих «все наше поведение», подчеркивает, что он допускает «это положение с полным правом, ссылаясь не только на доказательство самых просвещенных моралистов, но и на **нравственное**

суждение всякого человека (выделено нами — А. М.), если он стремится отчетливо мыслить себе подобный закон»⁷.

Итак, основная задача этики, в понимании Канта, заключается не просто в том, чтобы отстаивать определенную совокупность принципов морали в противовес другим или максимально убедительно аргументировать лежащие в основе морали постулаты. Исходным пунктом кантовских рассуждений является не внешний, навязываемый индивидуальному сознанию принцип нравственного поведения, а то представление об этом поведении, которым изначально обладает «природный здравый рассудок», «обыденный человеческий разум». Характеризуя фактическое моральное сознание, Кант еще в «Основах метафизики нравственности» высказывает точку зрения, согласно которой обыденный человеческий рассудок обладает более искусной способностью оперировать практической способностью суждения, чем это свойственно даже философскому сознанию⁸.

Акцентирование этого присущего природе человека нравственного чувства, отмечает К. Фишер в своем исследовании кантовской философии, приводит к тому, что моральный характер человека оказывается совершенно независимым от науки и философии: «Он не только образуется независимо от всякой мудрости и учености, но и обсуждается независимо от них. Способность судить о моральности — этот моральный смысл — не нуждается для своей верности ни в какой **моральной философии**. Эта способность основывается на правильном чувстве, на произвольном, независимом от какого бы то ни было научного понимания инстинкте, и нигде нельзя настолько довериться своему инстинкту, как в моральных суждениях»⁹.

Вместе с тем цель кантовской программы обоснования практического разума отнюдь не сводится к стремлению продемонстрировать эволюцию нравственного сознания от его простейших форм до достижения им сферы практической философии. Напротив, в ходе этой эволюции, в результате подчинения внешним обстоятельствам или следования порабоощающим волю желаниям и склонностям, по мнению Канта, все более реальной для человека может стать опасность утраты способности действовать в соответствии с законами нравственного долга. Основной пафос моральной философии Канта заключается в том, чтобы осуществить анализ мотивации человеческой деятельности, которая возможна лишь в том случае, если человек понимает себя как свободный, самостоятельный и определяющий законы своего поведения субъект. Это означает, что исходным пунктом метафизики нравственности является идея свободы, а сама свобода — необходимое условие существования нравственного закона.

Как известно, на фундаментальное значение проблемы свободы в кантовской философии обращал внимание еще Гегель¹⁰. Однако дело заключается не только в том, что, как это полагал Гегель, Кант осуществил более глубокую теоретическую проработку принципа свободы, чем его идейный предшественник Руссо. Сама проблема была поставлена Кантом в принципиально иной плоскости. Если у Руссо реализация свободы оказывается возможной лишь в результате заключения общественного договора, суть которого заключается в том, что **«каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы»**¹¹, то для Канта главным оказывается то, как возможно сохранение индивидуальной свободы, независимо от воздействия внешних обстоятельств. Кант не без основания увидел в концепциях общественного развития французских просветителей абсолютизацию законов природы, которые, будучи распространенными на жизнь общества, по существу, не оставляли места для личной свободы. Человек понимался ими как одно из звеньев естественной цепи причин и следствий, как существо, поведение которого предопределяется факторами, целиком находящимися вне его власти. Если бы мы согласились с такой трактовкой свободы, иронически замечает Кант, «то, в сущности, она была бы не лучше свободы приспосабливания для вращения вертела, которое, однажды заведенное, само собой совершает свои движения»¹².

Вместе с тем Кант понимает и то, что крайне иллюзорным было бы провозглашение такой свободы, которая игнорирует реальные эмпирические обстоятельства существования человека. Выход из этого затруднительного положения он находит в идее антиномичности необходимости и свободы. Человек в рамках этой концепции выступает как гражданин двух миров. Подобно тому, как в теоретической философии мир казался разделенным на две части: на вещи в себе и явления, в человеке оказываются

объединенными два существа: эмпирическое, наделенное разумом, которое действует сообразно законам необходимости, и интеллигибельное, духовное, принадлежащее миру свободы.

И хотя, по Канту, реализация свободы невозможна в ноуменальном мире, из этого нельзя делать вывод о том, что она вообще не имеет практического значения и эмпирического применения. Поскольку человеческая природа едина и она характеризуется приматом практического разума, синтез эмпирического и интеллигибельного начал выражается в постоянном подчинении чувственной сферы сфере сверхчувственной. Иными словами, выводимые из категорического императива нормы нравственной жизни предопределяют не только поступки конкретного человека, но и совершенствование человеческого рода в целом.

В стремлении изобразить развитие человеческого общества как закономерный процесс, Кант все в большей мере проявляет себя «исторически ориентированным мыслителем», — отмечает философ из ГДР Мартина Том. Это происходит потому, что у Канта «человек всегда интерпретируется как **общественное** существо»¹³.

Таким образом, несмотря на своеобразие форм своего выражения, подлинный смысл кантовской системы нравственности как основы практического поведения человека является выражением насущных общественно-политических проблем своего времени. «Мы здесь, несомненно, имеем дело с основной задачей учения Канта. Она сформулирована под впечатлением существующего идейного материала, но она выражает нечто гораздо большее, чем новую постановку философского вопроса. Она одновременно является теоретической фиксацией общественно основной проблемы эпохи. Стремление Канта найти подле объективной закономерности процессов природы место для свободы человеческой воли и согласовать оба момента, в равной степени определяющие человеческое бытие, обусловлено общественными фактами экономической и политической деятельности прогрессивной буржуазии в рамках феодально-абсолютистского общества и направлено на их философское обоснование. Тот факт, что Кант всеобъемлюще затрагивает эту проблематику в своей философии, делает его родоначальником немецкой классической буржуазной философии. Дальнейший прогресс в области философии в Германии протекает в тех границах, которые Кант определил своей постановкой вопроса, отражавшей общественно-социальную динамику того времени»¹⁴.

Появление работы Канта «Критика практического разума» ознаменовало новый этап в развитии философской мысли. Отныне философия все в большей мере сосредоточивает свое внимание на анализе проблемы активной творческой природы человеческой деятельности — проблемы, имеющей особое значение для понимания роли немецкой классической философии как теоретического источника марксизма.

¹ См., например: Абрамян Л. А. Главный труд Канта: К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума». Ереван, 1981.

² Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 332.

³ Кант И. Соч. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 347.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Виндельбанд В. История новой философии. СПб., 1905. Т. 2. С. 98.

⁶ См.: Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materielle Wertethik. Halle, 1913—1916. Tl 1—2.

⁷ Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 663.

⁸ См.: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 240—242.

⁹ Фишер К. История новой философии. СПб., 1910. Т. 5. С. 82—83. В связи с этим вполне уместным представляется замечание А. В. Гулыги о расхождении в понимании морали между Кантом и Сократом. Для последнего, как известно, добро отождествляется со знанием, а отсутствие знания являлось единственным источником морального несовершенства. (См.: Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 65). С другой стороны, в надлежащем прояснении нуждается напрашивающаяся аналогия между кантовской практической способностью суждения и аристотелевской идеей конкретного этического сознания.

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1935. Т. 11. С. 417.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 172.

¹² Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 426.

¹³ Thom M. Nachwort // Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig, 1983. S. 297.

¹⁴ Бур М., Иррлитц Г. Притязание разума: Из истории немецкой классической философии и литературы. М., 1978. С. 32.

Навуковы камунізм

А. В. СОКОЛОВА

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЕЕ ПРИНЦИПЫ И ЧЕРТЫ

Социальная справедливость отражает меру сочетания экономических и социальных критериев общественного развития, являясь важнейшим фактором единства и стабильности социалистического общества. «Ничто так не развивает активность человека труда, как его уверенность в неуклонном осуществлении принципов социальной справедливости»¹. В. И. Ленин, в частности, связывал понятие данной категории с общественным идеалом, являющимся стимулом, принципом, нормой социальной активности людей. Это характеризует справедливость как этическую категорию. В сущности, социальная справедливость представляет собой внутренне присущее социализму конкретно-историческое явление и социально-политическую категорию, отражающую реально существующее соответствие экономических, социально-политических и духовных условий жизни людей потребностям и интересам всестороннего развития членов социалистического общества.

Содержание, вкладываемое в понятие справедливости, меняется от одной социально-экономической формации к другой. Социалистическое понимание справедливости включает равенство людей по отношению к средствам производства, их реальным политическим и юридическим правам. «Маркс, — писал В. И. Ленин, — показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»². Скорейшей реализации принципов полной социальной справедливости будет способствовать развитие производительных сил и неуклонное повышение производительности общественного труда.

Каковы же принципы социальной справедливости? По утверждению Ф. Энгельса, принципы представляют собой не исходный пункт исследования, а его заключительный результат³. Иными словами, принципы — это правила, соблюдение которых позволяет постепенно достигать желаемого результата, в нашем случае — социальной справедливости. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в научных трудах, исследующих понятие социальной справедливости, отсутствует единство в определении принципов данной категории. Так, профессор В. Давидович описывает лишь черты, особенности, направления использования социальной справедливости, ибо считает, что сама справедливость и есть принцип деятельности, программная цель, идеал повседневной жизни⁴. В ряде других источников выделяется лишь один, присущий социализму принцип социальной справедливости, а именно: «От каждого — по способностям, каждому — по труду»⁵. Поэтому возникает необходимость в четкой определенности конкретных принципов социальной справедливости.

По нашему мнению, социальная справедливость основана на принципах конкретно-исторической определенности, классового подхода, социалистического гуманизма и социального равенства. Последний является основополагающим. Это наиболее общие характеристики исследуемой категории.

Конкретно-историческая определенность предполагает анализ происходящих общественных явлений на протяжении всей истории человечества. Справедливость как действенный принцип возникла на определенном этапе исторического прогресса. Со сменой одной общественно-экономической формации другой происходило развитие, изменение представлений о данной категории. То, что казалось справедливым в прошлом, в настоящем могло казаться несправедливым. П. Лафарг указывал на два источника социальной справедливости⁶. Один источник сокрыт в условиях существования первобытного общества, другой — в обществе, основанном на господстве частной собственности. С появлением государства и делением общества на классы принципы справедливости приобретают классовый характер, т. е. трактуются с позиции господствующего класса. Так, рабовладельцы считали справедливым деление общества на господ и рабов. Как в рабовладельческом, феодальном, так и в капиталистическом обществе существовал единый, присущий данным формациям «справедливый» принцип — «каждому свое».

В период строительства социализма в нашей стране происходила выработка принципов социальной справедливости нового типа. На первой ступени коммунистического способа производства выдвигаются такие правила, следуя которым можно достичь высшей коммунистической справедливости. Это принцип социалистического гуманизма и социального равенства. Понятие социалистического гуманизма выражается в программном требовании нашей партии: «Все во имя человека, все на благо человека». Конечной целью реализации принципа социалистического гуманизма является достижение «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»⁷.

Однако главенствующим принципом является принцип социального равенства, основу которого составляет равенство экономическое. Данный принцип определяется системой общественных, прежде всего производственных отношений. Реализация социального равенства на первой ступени коммунистической формации предполагает ликвидацию частной собственности и равенство всех членов общества по отношению к средствам производства, право на труд и его справедливую оплату. Принцип социального равенства реализует справедливость на первой ступени коммунистической формации через основное правило социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

В коммунистическом обществе утвердится полное социальное равенство. Основой справедливости станет главный принцип коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Социальная справедливость как побудительный мотив обладает рядом характерных черт. Наиболее значимой из них является объективность или беспристрастность. Справедливыми могут быть лишь те социально-экономические или социально-политические действия, которые осуществляются без гнева и пристрастия. Объективность утверждает достигнутый уровень социальной справедливости, который определяется оптимальным совпадением ожиданий личности и требований общества⁸.

Объективность неразрывно связана с реалистичностью принципов социальной справедливости. Реалистичность предполагает объективный анализ любых моментов жизни общества и, в первую очередь, анализ достигнутого уровня развития производительных сил и производственных отношений. Принятие оптимально справедливых решений происходит с учетом достижений во всех сферах общественной жизни. Реалистичность не позволяет смешивать желаемое и возможное, идеал и действительность.

Следующая черта социальной справедливости — своевременность. Акты и решения, которые принимались вчера, к какой бы сфере общественных отношений они не относились, сегодня могут быть несвоевременны и несправедливы. «Справедливость, которая, по словам философов, творила чудеса в прошлом, есть, наоборот, плодovitая мать социальных несправедливостей»⁹.

Справедливость предполагает и обоснованность ее принципов, которая определяется научным доказательством необходимости их действия. Еще одной чертой, тесно связанной с остальными, является универсальность или широкая сфера применимости принципов исследуемой категории.

Поле действия социальной справедливости включает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, духовную. Однако от утверждения ее принципов в экономике зависит реализация социальной справедливости в остальных сферах общественной жизни. «Марксизм

исходит из того, что экономическое (область производства, распределения и потребления материальных благ), политическое (область классовых, национальных и межгосударственных отношений) и культурное (область производства, распределения и потребления духовных благ) равенство невозможно без уничтожения частной собственности на средства производства и ликвидации эксплуататорских классов»¹⁰.

Таким образом, приоритетная роль в утверждении полной социальной справедливости принадлежит экономической сфере общественного устройства. Экономической основой социалистической социальной справедливости является общественная собственность. Постепенное утверждение и упрочение основ полной социальной справедливости достигается, прежде всего, повышением уровня развития производительных сил и упрочением социалистической собственности. На этой основе происходит и совершенствование распределительных отношений. Из этих отношений в итоге вытекает осознанное восприятие самого понятия социальной справедливости.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 44.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 34.

⁴ См.: На основах социальной справедливости // Правда. 1985. 5 декабря.

⁵ См.: Социалистический образ жизни: Политико-экономический справочник. М., 1986. С. 44, 46.

⁶ См.: Лафарг П. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 13.

⁷ Давидович В. На основах социальной справедливости // Правда. 1985. 5 декабря.

⁸ См.: Давидович В. Слагаемые социальной справедливости // Коммунист. 1983. № 5.

⁹ Гринберг Л. Г., Новикова А. И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л., 1977. С. 162.

¹⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 650.

П. П. ДРОНЬ, Л. В. СТАРОВОЙТОВА

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перевод сельского хозяйства на индустриальную основу, развитие агропромышленного комплекса страны по-новому поставили вопрос о соотношении экономических и социальных факторов развития современного села. Социальная цель аграрной политики — улучшить всю совокупность условий жизнедеятельности сельских тружеников, их социальное самочувствие, сблизить материальные, социально-культурные, бытовые условия жизни деревни с городскими — признана партией столь же важной, что и производственные задачи. Только изменив социально-экономическую ситуацию на селе, отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, мы можем добиться решительного перелома в развитии сельскохозяйственного производства, решении продовольственной проблемы¹.

В решениях XXVII съезда КПСС предусмотрено всестороннее участие местных Советов в практическом воплощении аграрной политики. Это закономерно. Как полномочные органы государственной власти местные Советы сосредоточивают свое внимание на практическом разрешении не только разнообразных вопросов местного значения. Они, по существу, обеспечивают проведение единой общегосударственной линии по всем вопросам развития агропромышленного комплекса, гарантируют упрочение государственно-правовых основ реализации аграрной политики.

Изменение социально-экономической обстановки на селе в значительной степени зависит от эффективного использования всего совокупного потенциала сельского региона, совершенствования территориальной организации производительных сил сельского хозяйства и связанных с ним отраслей, производственной и социальной инфраструктуры. В этой связи все большее значение приобретает функция местных Советов по обеспечению комплексности экономического и социального развития сельского региона.

Главным инструментом эффективного управления областью, районом, сельским и поселковым Советом как единым целым должны стать планы экономического и социального развития. Целый ряд обстоятельств как

объективного, так и субъективного характера обуславливают дальнейшее повышение роли местных Советов в планировании социального развития сельских регионов. Конституционное закрепление получило положение местных Советов народных депутатов как единого субъекта социального планирования на соответствующей территории, расширение их полномочий в области планирования, сельского строительства, планировки и застройки сельских населенных пунктов, охраны природы и рационального использования природных ресурсов, жилищного, коммунального хозяйства, благоустройства, бытового обслуживания. На повышение созидательной, организующей роли Советов направлено постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, принятое в июле 1986 года ². В соответствии с постановлением местные Советы получили дополнительные возможности для усиления своей координирующей деятельности в комплексном решении экономических и социальных задач.

Создание единой межотраслевой системы управления всеми структурными звеньями агропромышленного комплекса в центре и на местах, развитие современных организационно-экономических форм агропромышленной интеграции объективно облегчают областным и районным Советам координацию деятельности предприятий и организаций по углублению социальной направленности их хозяйственной работы. Однако, отмечалось на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, ошибочно думать, что структурная перестройка автоматически даст желаемые результаты ³. Нужна перестройка стиля, методов руководства колхозами и совхозами, всеми предприятиями агропрома. При этом местные органы власти должны усилить социально-экономическое единство интеграционных процессов, формировать с помощью комплексных планов оптимальную систему удовлетворения социальных потребностей сельского населения.

В соответствии с законодательством укрепились финансовые возможности Советов. В их распоряжении остаются все доходы, дополнительно полученные при исполнении их бюджета, а также суммы превышения доходов над расходами. В местные бюджеты передается часть прибылей ряда предприятий и организаций вышестоящего подчинения, расположенных на территории соответствующего Совета. Местные бюджеты стали теснее увязываться с развитием совхозов, пищевых и перерабатывающих предприятий.

Усилившаяся взаимосвязь экономических и социальных процессов вызвала необходимость эффективного использования социальных факторов роста экономики и непосредственного осуществления на местном уровне целевых социальных программ по созданию наиболее благоприятных условий для высокопроизводительного труда сельских тружеников. Это потребовало укрепления плановых комиссий местных Советов, расширения и углубления научных основ государственного руководства и управления конкретными сферами общественных отношений на региональном уровне.

Главным звеном реализации социальных задач аграрной политики КПСС выступает планирование экономического и социального развития сельского района. Социальное планирование на данном территориальном уровне значительно отличается от социального планирования в городах и городских районах. Это обусловлено спецификой сельского расселения, степенью развития социальной инфраструктуры, наличием нескольких уровней бытового обслуживания населения, демографической ситуацией. В научной литературе уже определен ряд принципов, на основе которых разрабатывается социальный план региона: системный подход к планированию социального развития; подчиненность планов социального развития предприятий и учреждений региональному плану; ориентация планов на общенародные цели и конечные качественные результаты.

Успешно разрабатываются и реализуются планы экономического и социального развития в Мостовском, Кобринском и ряде других районов республики. Широкое обсуждение и изучение этих планов позволило выделить в них следующие разделы: основные экономические показатели и перспективы развития хозяйств района; развитие социальной структуры трудовых коллективов; рост материального благосостояния, улучшение культурно-бытовых и жилищных условий; улучшение социально-психологического климата в трудовых коллективах; коммунистическое воспитание и развитие социальной активности трудящихся; финансирование запланированных мероприятий.

В планах экономического и социального развития сельских районов можно выделить ряд особенностей. В частности, они включают показатели

по совершенствованию развития двух форм социалистической собственности, углублению интеграционных процессов, специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Особое место отводится широкому комплексу мер по преодолению существенных различий между городом и деревней, последовательному осуществлению программы преобразования сел и деревень в благоустроенные поселки.

Верховный Совет БССР ориентирует местные Советы на гибкость планирования. План, его структура, содержание и цели — не нечто неизменное, застывшее. С развитием общественных отношений план, его характеристики, соотношение отраслевой и территориальной частей должно меняться. Горизонтальное комплексное планирование развития территории постепенно становится приоритетным. И уже сейчас соединение в одно целое интересов отрасли и территории — обязательное условие, предъявляемое к плану. Иначе невозможно превратить план в действенный рычаг коренного переустройства социально-экономического развития.

Президиум Верховного Совета республики обосновывает предложение и об изменении порядка утверждения планов, считая, что принцип «снизу вверх» сегодня эффективнее принципа «сверху вниз»⁴. Первоначальное утверждение планов местными Советами повысит их самостоятельность в планировании, определении цели. План действительно станет аккумулятором местных возможностей, местной инициативы, повысится и социальная ориентированность плана, его конечная общественная эффективность.

В последние годы одной из характерных черт в деятельности местных Советов становится программно-целевое решение наиболее актуальных проблем социального развития. Учитывая высокую эффективность целевых программ в ускорении социального развития села, партийные организации республики нацеливают местные Советы на широкое применение и глубокую научную разработку таких программ. В центре целевых программ находятся наиболее острые проблемы социального развития района, сельского Совета. Одной из первых в республике была разработана и принята к реализации долгосрочная целевая комплексная программа использования трудовых ресурсов, подготовки и закрепления кадров на селе в Городокском районе Витебской области. Ценный опыт накопил в процессе осуществления комплексной программы социального переустройства села Каменский сельский Совет Логойского района.

Анализ деятельности местных Советов республики показывает, что их работа приносит ощутимые результаты, когда охватывает всю совокупность социальных факторов. А в этом направлении, как отмечалось на шестой сессии Верховного Совета БССР одиннадцатого созыва, существенного перелома в отношении к социальной сфере со стороны местных Советов пока не произошло⁵.

Интересы социального переустройства села требуют и совершенствования распределения средств, направляемых в агропромышленный комплекс, прежде всего в сторону увеличения ассигнований на строительство объектов социального назначения. Тем более, что разрыв между затратами на производственное и социальное строительство в хозяйствах республик еще велик. При этом важно учитывать, что только объем жилищного строительства на селе увеличивается вдвое.

Важным фактором укрепления социальной инфраструктуры села является расширение прав районных агропромышленных объединений и агропромышленных комитетов областей в сельском строительстве. Изменен порядок утверждения титульных списков, при этом повышена самостоятельность колхозов, совхозов, органов агропрома. Создание единых строительных организаций и подчинение их органам агропрома на местах открывает широкие возможности для расширения масштабов работ по социальному переустройству села.

Одной из сложнейших проблем перестройки государственной работы на местах остается трудно изживаемый формализм, пресловутые валовые оценки, когда эффективность предпринимаемых усилий измеряется лишь количеством принятых решений. Ключевым вопросом развития и совершенствования социалистической демократии был и остается вопрос о превращении Советов народных депутатов в такие органы государственного управления, которые работают не только «для трудящихся», но и «через трудящихся»⁶. В этом заключается реализация творческих возможностей социалистического самоуправления. Успех перестройки находится в прямой зависимости от политической инициативы, творческой активности, уровня гражданской зрелости масс. Именно Советы, являясь органами

власти, обеспечивают объединение, сплочение, самоуправление трудящихся. В их реальных делах и раскрывается демократический потенциал социалистической государственности.

Полное понятие огромное воспитательное значение хозяйственно-организаторской и социально-культурной деятельности Советов. Чем лучше отлажен хозяйственный механизм, четче поставлено управление экономическими и социальными процессами, тем благоприятнее условия для общественно-политической и трудовой активности масс. Осуществляя практическое руководство и управление на региональном уровне, местные Советы во многом формируют общественное мнение о правильности, научной обоснованности политики партии. Вместе с тем возрастает значение и повышаются требования к правовому, хозяйственному, политическому обеспечению деятельности Советов. Это связано и с необходимостью преодолеть определенный психологический барьер, силу привычки, инерцию ранее сложившихся взглядов, методов работы. По существу, речь идет о перестройке политического мышления и психологии депутатов и работников государственного аппарата на местах, об овладении ими новыми методами хозяйствования, глубоким пониманием единства экономических и социальных процессов. «Получая мандат от избирателей, местные органы власти берут на себя ответственность за все сферы жизни на своей территории, — подчеркивается в материалах XXVII съезда КПСС. — Если кто-то и может сказать: это не мой вопрос, то для Советов такая постановка не приемлема»¹.

Обладая всей полнотой власти на подведомственной территории, опираясь на широкие массы трудящихся, местные Советы в условиях коренной перестройки социально-экономических отношений обеспечивают тесную взаимосвязь экономического и социального развития регионов, сочетая широту направлений государственной работы с выделением узловых проблем хозяйственно-организаторской и социально-культурной деятельности.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 30.

² См.: О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР // Правда. 1986. 30 июля.

³ См.: Правда. 1987. 28 января.

⁴ См.: Правда. 1987. 30 августа.

⁵ См.: Советская Белоруссия. 1987. 31 мая.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 56.

Н. Е. ПОТАПЕНКО

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВА УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ГРУППЫ В НАВЯСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ ПТУ

Стержнем Программы КПСС является стратегия ускорения социально-экономического развития нашей страны, нацеленная на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества. Осуществление намеченных задач партия органически связывает с перестройкой духовно-нравственной жизни общества, повышением эффективности нравственного воспитания. Как подчеркивалось на Январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, «без укрепления морального здоровья общества нам не удастся решить задачи перестройки»¹. Объясняется это тем, что в условиях интенсификации производства, расширения демократии и гласности все более возрастает степень нравственной свободы личности, а вместе с тем и ее ответственность, увеличивается сфера действия морального фактора в жизнедеятельности людей. Кроме того, необходимость ускорения социально-экономического развития вызвана упущениями и недостатками не только в экономике, но и в сфере духовной жизни, нравственном воспитании. Важнейшая задача, которую решает нравственное воспитание, заключается в формировании высокого уровня самосознания, чувства общественного долга, коллективизма и ответственного отношения к делу.

Особую значимость приобретает нравственное воспитание молодого пополнения кадровых рабочих, подготовка которого осуществляется через систему профессионально-технического образования. От того, какие знания,

эталонны нравственности, отношения к трудовой и общественно-политической деятельности закладываются в сознание и поведение будущих рабочих, зависит наше завтра. Научно-техническая революция, демократизация нашей жизни объективно требуют роста не только профессиональной квалификации, но и культурно-технического уровня, духовного богатства и моральной надежности молодых рабочих, воспитания у них внутренней потребности «жить и действовать по принципам коммунистической морали, неукоснительно соблюдать правила социалистического общежития»².

В организации нравственного воспитания в профессионально-техническом училище следует учитывать специфику самого учебного заведения и особенности контингента обучающихся. Профессионально-техническое училище — это связующее звено между школой и производством, интегрирующее процесс получения будущими рабочими общего образования и профессионально-квалификационной подготовки. Оно имеет выход на реальные производственные отношения. Вовлечение учащихся в производственный труд на базовом предприятии способствует углублению их представлений о моральных нормах, воспитанию творческого отношения к труду. В то же время процесс нравственного воспитания усложняется кратковременностью пребывания молодых людей в ПТУ, когда за 1,5—2,5 года надо дать общеобразовательные знания, обучить профессии, воспитать, а нередко и перевоспитать их.

У юношей и девушек, обучающихся в ПТУ, тенденции к самоутверждению, самоопределению личности и самопознанию проявляются более четко, чем у учащихся средней школы того же возраста. С поступлением в профессионально-техническое училище подростки определяют свой дальнейший жизненный путь, осваиваются от жесткой регламентации психической и практической деятельности со стороны родителей, они объективно и субъективно более самостоятельны. Но вместе с тем личность подростка еще отличается неустойчивостью, у нее нет достаточно четких нравственных критериев, еще не сложилась определенная система интересов. Неустойчивость личности учащегося ПТУ обуславливается как нестабильностью семьи (часть поступающих в ПТУ — выходцы из неблагополучных семей), так и негативным прошлым опытом, который складывался в ситуации неуспеха в школе, сопровождающейся конфликтами с учителями, родителями. Ведь не секрет, что школа старается отдать в ПТУ «трудных» и слабоуспевающих учеников. В силу этого у подростков возникает невосприимчивость к положительному влиянию взрослых, нередко воспитательные воздействия педагогов профессионально-технических училищ встречают противодействие или не принимаются вообще. С другой стороны, здесь, конечно, сказываются и возрастные особенности. Ибо 15—17 лет — это возраст становления личности, повышенной эмоциональной возбудимости, характеризующийся стремлением к самостоятельности и независимости, самоутверждению себя как личности.

Поэтому нравственное воспитание в профессионально-техническом училище должно быть направлено на то, чтобы развить и закрепить высокие нравственные качества, ценностные ориентации и освободить сознание юношей и девушек от наслоений, чуждых нравственным принципам социалистического общества.

В системе факторов, влияющих на формирование нравственного облика будущих рабочих, важное место принадлежит коллективу учебно-производственной группы. В период интенсивного развития подростки испытывают настоятельную потребность в адекватной среде. Ее может дать сплоченный, высокоорганизованный, жизнеспособный коллектив учебно-производственной группы. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»³. Выделение коллектива как основного фактора нравственного воспитания обусловлено тем, что это объединение учащихся характеризуется общностью целей, единством интересов и совместной общественно-значимой деятельностью. Коллектив опосредует воздействие на личность нравственного просвещения и образования, именно в коллективе личность учащегося субъективирует исходящие от общества требования. В коллективе актуализируются деятельность и общение, объективные и субъективные отношения, духовно-нравственный потенциал коллектива и личности. Участие в этом процессе делает личность учащегося наиболее восприимчивой к социально-нравственным ценностям, требованиям коллектива.

Нравственное формирование учащегося осуществляется в процессе развития коллектива, включающего три стадии. На первой стадии подростки изучают друг друга, адаптируются к новым условиям. Поддерживается внешняя принудительная дисциплина и воздействие на личность осуществляется через формальное давление. На второй стадии заканчивается процесс взаимного изучения, при благоприятных условиях создается хорошо организованный и действенный актив, появляются элементы самоуправления. Общественное мнение и требовательность становятся важными факторами воздействия. На третьей стадии все члены коллектива подчиняются его требованиям без нажима, утверждаются взаимоотношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, группа становится самоуправляемой организацией, субъектом воспитания. Коллектив на этой стадии отличается устойчивостью и способностью преодолевать трудности, возникающие в процессе его жизнедеятельности⁴.

Решающим средством нравственного воспитания личности и формирования коллектива служит совместная социально-значимая трудовая и общественная деятельность, которая формирует у ее участников коллективное сознание, воспитывает устойчивую установку на коллективный образ действия, приобщает юношей и девушек к высоким нравственным идеалам рабочего класса. Воспитание этих качеств зависит также от отношений, складывающихся между учащимися в процессе общения.

Исследование, проведенное социологами БПИ в 1985 году в десяти профессионально-технических училищах Минска, позволило выявить прямую зависимость организованности коллектива от характера отношений, складывающихся между его членами. Так, половина опрошенных не имеет друзей в училище, не общается с сокурсниками в свободное время и соответственно не удовлетворена взаимоотношениями с товарищами по учебе. Неудовлетворенность же взаимоотношениями замедляет развитие интереса к профессии и общественно-трудовой деятельности у учащихся, приводит к внутренней нестабильности в большинстве учебно-производственных групп и неспособности к самоуправлению. Отсутствие во многих учебно-производственных группах единства и сплоченности свидетельствует о недостаточном внимании со стороны педагогов к созданию здоровой морально-психологической обстановки в них, развитию общения учащихся.

Следует обратить внимание на то, что уровень удовлетворенности взаимоотношениями между учащимися к третьему году обучения существенно меняется. На первом году он гораздо выше, чем на втором и третьем. К третьему курсу удовлетворенность взаимоотношениями, казалось бы, должна повышаться, но она снижается вдвое. Этот противоречивый процесс имеет объективную основу. Начиная со второго курса, учащиеся проходят производственную практику на предприятиях и проводят там большую часть учебного времени (на третьем курсе — три дня в неделю). Они распределяются по бригадам, цехам и участкам. Нарушается организационное единство коллектива. А для него важное значение имеет групповая деятельность по реализации коллективных целей и задач, соотносенных с целями общества. И здесь главным моментом выступает характер связи индивидуального и группового результатов. Кроме того, подростки в этот период частично выходят из-под влияния педагогического коллектива училища, что сказывается на возрастании количества правонарушений и преступлений в период производственной практики⁵.

Необходимо заинтересованное участие базовых предприятий в процессе подготовки своих кадровых рабочих, которое должно проявляться, прежде всего, в организации производственной практики по принципу производственных бригад, в которых устанавливается взаимозависимость между будущими рабочими как участниками единого трудового процесса, заинтересованными в общих результатах труда. Только тогда учебно-производственная группа сможет стать действительным субъектом воспитания, научить молодых людей жить и работать в коллективе.

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987. М., 1987. С. 50.

² Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Сборник документов и материалов. М., 1984. С. 48.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75.

⁴ См.: Сейтешев А. П. Пути формирования личности будущего рабочего. М., 1982. С. 53.

⁵ См.: Укреплять законность и правопорядок. Вторая сессия Минского городского Совета народных депутатов // Вечерний Минск. 1987. 25 сентября.

А. И. ГАВУРА

К. МАРКС О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

К. Маркс впервые в науке отметил, что необходимо брать за основу определения технического прогресса вообще и технической революции в частности. Технический прогресс представляет собой постоянное совершенствование орудий и предметов труда, технологических процессов и связанных с ними изменений в способах организации производства. Развитие орудий труда К. Маркс выделил как определяющее по отношению к развитию остальных компонентов этой взаимосвязи¹.

Он разработал схему, характеризующую развитие орудий труда: «Простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, — вот ход развития машин»². Следовательно, сущность технического прогресса, по Марксу, это непрерывный процесс совершенствования различных орудий труда, которые отличаются друг от друга не только количественными, но и качественными характеристиками.

Технический прогресс представляет собой постоянное эволюционное и революционное изменение орудий труда. Эволюционное развитие орудий труда следует рассматривать как определенность данного предмета с количественной стороны. Количественное изменение не затрагивает существенной стороны орудий труда, принципов взаимодействия их составных частей.

Нарушение количественной меры приводит к превращению одного предмета (орудия труда) в другой, т. е. осуществляется революционный переход количественных изменений в качественные. Данный закон диалектики непосредственно связан с законом все возрастающих потребностей в обществе, выступающих как специфическая причина, следствием которой является техническая революция. В этой связи К. Маркс отмечал, что «...человечество ставит только такие задачи, которые оно может разрешать, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»³.

Постоянно развивающиеся потребности общества являются двигателем технического прогресса. На определенном уровне технического совершенствования орудие труда уже не в состоянии подвергаться дальнейшим количественным изменениям или это становится экономически невыгодно, тогда противоречия между растущими потребностями и техническими возможностями разрешаются революционным путем, т. е. на основе вновь открытых законов естествознания создаются принципиально новые по своему содержанию конструкции орудий труда.

Следовательно, революция в области техники совершается на основе как возникающих в обществе потребностей, так и его технических возможностей.

К. Маркс придавал большое значение исследованию истории развития техники, которую рассматривал как основу для познания производитель-

ных сил и соответствующих им новых социальных явлений, рассматривал не только как «предметное бытие промышленности», но и как представление о развитии человеческих сущностных сил⁴.

Разработанная К. Марксом схема истории развития техники и убедительное обоснование им необходимости ее изучения для выявления закономерных связей между объективными и субъективными факторами общественного производства предопределили основные направления исследования технического прогресса.

Революционный переворот в орудиях труда впервые в истории наблюдался в середине XIX века. Прогресс тяжелой индустрии в промышленно развитых странах привел к изменению технологии производства, изменению содержания труда. Работник был поставлен в такие условия, когда более 11 % рабочего дня он затрачивал на умственный труд. Это потребовало от работника начального образования. Через 15 лет после технической революции развитые страны начали вводить всеобщее начальное образование (в Англии с 1865 года). Второй крупный технический переворот произошел на пороге XX века (век электричества и двигателя внутреннего сгорания). Доля умственного труда стала составлять почти четверть продолжительности рабочего дня отдельного работника.

Обогащение содержания труда потребовало от работника более высокого общеобразовательного уровня. Через 15 лет в развитых капиталистических странах начался переход ко всеобщему неполному среднему образованию.

Научно-техническая революция в середине XX века (век автоматов и атома) еще более повысила долю умственного труда. Он стал составлять почти половину рабочего дня (на полуавтоматах — 49,4 %, а на автоматических линиях с применением ЭВМ — 95 %), что потребовало от работника среднего общеобразовательного уровня. В 60-х годах XX века развитые страны начали переходить ко всеобщему среднему образованию.

Тенденция технического прогресса проявляется как постоянно повторяющаяся устойчивая связь и взаимозависимость между объективными и субъективными факторами общественного производства. Она позволяет обоснованно предположить, что после технической революции 50-х годов XX века, где-то на пороге третьего тысячелетия, начнется следующая научно-техническая революция.

Советские ученые создали в лабораторных условиях сверхпроводимые турбогенераторы. Сверхпроводимость, по расчетам специалистов, позволит задержать то количество энергии (около 25 %), которое теряется в процессе выработки электротока в генераторе и при передаче электроэнергии по проводам до потребителя. Внедрение данного научного открытия в народное хозяйство приведет к подлинному перевороту в технике, в несколько раз повысит производительность труда. Ученые успешно работают над проблемой обуздания термоядерной энергии. При ее разрешении будет создан новый колоссальный источник энергии для народного хозяйства. Предполагается, что сверхпроводимый турбогенератор будет применяться на практике в конце второго тысячелетия, строительство электростанций на термоядерном горючем начнется в начале третьего тысячелетия⁵. Новые орудия труда и источники энергии, естественно, еще более обогатят содержание труда и потребуют от работников высшего образования. Приблизительно в начале третьего тысячелетия развитые страны вынуждены будут перейти ко всеобщему высшему образованию.

Следует обратить внимание на выдвинутое К. Марксом положение о возрастании роли объективного и субъективного факторов в развитии общественного производства и в ускорении социально-экономического прогресса общества. К. Маркс рассматривал изменение технического уровня орудий труда в составе производительных сил на протяжении длительного исторического времени как первичное отношение к труду и работнику. В этой связи он отмечал, что средства производства «...как предметные органы производительных сил труда... есть подлинное *prais* (первичное — А. Г.), образующее исходный пункт, и это *prais* является результатом определенного хода развития»⁶. Следовательно, изменения в орудиях труда являются объективным и исходным фактором развития общества.

Апрельский (1985) Пленум ЦК КПСС выдвинул стратегию ускорения социально-экономического развития СССР. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что ускорение немыслимо без повышения темпов экономического роста, которые «в решающей мере зависят от машиностроения. Именно в нем материализуются основополагающие научно-технические идеи, созда-

ются новые орудия труда, системы машин, определяющие прогресс в других отраслях народного хозяйства»⁷. Таким образом, XXVII съезд КПСС орудия труда принял как исходный материальный фактор в экономической стратегии дальнейшего совершенствования социализма.

К. Маркс рассматривал развитие производительных сил и науки в тесной взаимосвязи с развитием главной производительной силы — человека, а повышение его интеллектуального уровня считал условием развития производительных сил⁸. Ибо реализация конкретного труда в производственном процессе всецело зависит от эффективности человеческой деятельности. Работник превращается в главную производительную силу материального производства.

В реализации концепции ускорения социально-экономического развития XXVII съезд КПСС выделил в качестве главного и определяющего «усиление роли человеческого фактора»⁹. Однако работник всегда выступает не как абстрактный индивидуум, а как общественное существо. Будучи активной силой во взаимодействии субъективного и объективного, человек тем не менее ограничен в своей деятельности объективно действующими законами производства. В этой связи возникает необходимость познания сущности объективно действующих законов для согласования с ними человеческой деятельности. Деятельность субъекта объективно обусловлена его потребностями и уровнем развития производства. В зависимости от этого и от уровня познания объективных закономерностей человек ставит сознательные цели, в ходе достижения которых изменяет объективную реальность, вместе с тем изменяя самого себя. При социализме, когда общественное развитие контролируется людьми, роль субъективного фактора возрастает.

Заслуга К. Маркса состоит в том, что он определил роль науки в развитии общественного производства, ее связь и взаимодействие с развитием производительных сил. Наука является одним из рычагов социального преобразования общества с целью создания необходимых условий для свободного и всестороннего развития личности, постоянного совершенствования способностей человека.

К. Маркс доказал, что наука находится в тесной связи с практикой, вытекает из практики, подчиняется ее потребностям и представляет собой особое явление в хозяйственной жизни общества. На определенном уровне развития хозяйства и науки произойдет слияние науки с производством, и наука превратится в непосредственную производительную силу общества.

Итак, К. Маркс определил закономерности технического прогресса, выработал научный методологический подход к исследованию данной проблемы, раскрыл роль объективного и субъективного факторов в развитии общества и производства, указал место и роль науки в материальном производстве и формировании свободного и гармонически развитого человека. Ход развития истории подтвердил верность идей К. Маркса, которые нашли свое практическое применение в нашей стране и в странах социализма.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 384.

² Там же. Т. 4. С. 156.

³ Там же. Т. 13. С. 7.

⁴ Там же. Т. 23. С. 383.

⁵ См.: Правда. 1976. 24 февр.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 305.

⁷ XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 42, 46.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. III. С. 34.

⁹ XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. С. 60.

В. А. КУЛАЖЕНКО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЗЕМЛИ И ЕЕ РОЛЬ

По мере развития производства, увеличения численности населения и его урбанизации, строительства всевозможных коммуникаций возрастает спрос на сельскохозяйственную продукцию и общество все более ощущает ограниченность пригодных для сельского хозяйства земельных ресурсов. В этих условиях возникает необходимость не только искусственного воз-

мещения используемого плодородия почвы, но и повышения его путем дополнительных вложений средств и труда. Это достигается улучшением обработки почвы, мелиорацией, применением научно обоснованных доз органических и минеральных удобрений и других элементов рациональной системы земледелия. Такие меры с экономической точки зрения эквивалентны хозяйственному освоению новых земель. Оно может происходить лишь при интенсификации и индустриализации сельскохозяйственного производства, которые одновременно компенсируют относительный недостаток рабочей силы. При этом значительная часть капиталовложений лишь возмещает затраты труда выбывших работников. По расчетам В. С. Шаманаева, из 400 млн руб. капиталовложений в девятой пятилетке в сельское хозяйство Краснодарского края почти половина (180 млн руб.) была направлена на замещение результатов труда 56 тыс. работников, выбывших из сельского хозяйства, а непосредственно на расширение производства направлено 220 млн руб.¹

Определенные В. С. Шаманаевым нормативы замещения плодородия почвы основными производственными фондами растениеводства в колхозах Краснодарского края показывают, что они более высокие в условиях низкой фондообеспеченности и на землях лучшего качества. Так, при фондообеспеченности растениеводства 100 руб. на 1 га сельскохозяйственных угодий и плодородия почвы 80 баллов дополнительный рубль основных фондов на 1 га позволяет компенсировать 0,41 балла плодородия почвы, а при фондообеспеченности 400 руб. — 0,11 балла. При повышении плодородия с 80 до 95 баллов, но при той же стоимости фондов растениеводства на 1 га сельскохозяйственных угодий (100 руб.) дополнительный рубль основных фондов компенсируется 0,48 балла плодородия почвы.

Следовательно, цена одного балла плодородия почвы как средства производства при повышении плодородия снижается $\left(\frac{1}{0,41} \cdot 100 > \frac{1}{0,48} \times 100 = 2,44 \text{ руб.} > 2,08 \text{ руб.}\right)$ и, напротив, повышается при росте интенсификации производства $\left(\frac{1}{0,41} \cdot 100 < \frac{1}{0,11} \cdot 100 = 2,44 \text{ руб.} < 9,09\right)$.

Отсюда напрашивается вывод, что метод экономической оценки земли как фактора производства, предложенный В. С. Шаманаевым, страдает существенным недостатком. Он не улавливает результатов производства на лучших землях, т. е. реально не отражает дифференциальный доход. Ведь когда мы говорим о замещении плодородия почвы, то подразумеваем замещение производства продукции, а не оценку качества земли. В этом суть проблемы. Поэтому метод В. С. Шаманаева, который в целом мы считаем положительным и поддерживаем, следует дополнить исчислением оценки земли по дифференциальному доходу при определенном нормативе эффективности фондов (метод Е. Карнауховой и др.). Представляется, что поскольку земля оценивается как фактор производства, то из трех способов «капитализации» дифференциального дохода (по ставке процента за кредит, по нормативному коэффициенту эффективности капитальных вложений и исходя из среднего срока оборачиваемости основных производственных фондов в сельском хозяйстве) следует избрать последний.

В условиях перехода к интенсивным формам производства и ограниченности природных ресурсов особую актуальность приобретает проблема стоимостной оценки земли. Земля, ее верхний слой — почва как природное тело, конечно, не имеет стоимости. Но земля возделанная, профильтрованная трудом, думается, имеет стоимость. Прежде всего в стоимости земли входят затраты на освоение, осушение, раскорчевку, орошение, коренное улучшение земельных угодий, строительство дорог, мостов, колодцев и т. д.

Положительно, что с 1965 по 1967 годы в совхозах и колхозах в составе основных фондов стали выделять стоимость дорог и мостов с начислением амортизации на них в среднем около 3,5 % в год, а с 1968 года отдельно учитывать ирригационные, мелиоративные и обводнительные сооружения (инвентарного характера) с начислением амортизации в среднем около 4,6 % в год. Это позволило расширить стоимостную часть средств труда, улучшить отражение фондоемкости производства сельскохозяйственной продукции, сделать более реальным учет текущих и капитальных затрат, связанных с использованием земли². Однако неинвентарные за-

траты, например, на раскорчевку, проведение культуртехнических работ, удобрения, которые действуют не один год, и другие виды затрат по-прежнему нигде не фиксируются и не воспроизводятся как стоимость. Считается, что земля не изнашивается, поэтому амортизация не начисляется, а следовательно, стоимость ее не переносится частями на производимую продукцию. При констатации этого обычно ссылаются на известное положение К. Маркса о том, что «при быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, т. е. должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней»³. При этом упускается из виду, что следует понимать под «правильным обращением с землей». Между тем характер и темпы интенсификации сельскохозяйственного производства не оставляют сомнения в том, что «правильное обращение с землей» означает постоянный рост неинвентарных вложений в нее (затраты на удобрение и известкование, повышение культуры земледелия), направленных на расширенное воспроизводство плодородия почвы, на борьбу с ветровой и водной эрозией, болезнями почвы, на поддержание ее «в рабочем состоянии». Ввиду постоянного возрастания этих затрат известная доля их накапливается в почве, постоянно превышая годовой вынос вещества из почвы, т. е. происходит приращение искусственного плодородия почвы, которое не существует само по себе, а сливается с естественным. Эти затраты составляют стоимость земли. По этому поводу К. Маркс писал, «что в земледелии вещества, внесенные в почву для ее улучшения, отчасти входят в растительный продукт как факторы его образования. С другой стороны, их действие распределяется на продолжительный период, например, на 4—5 лет. Поэтому часть их вещественно входит в продукт и тем самым одновременно переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме, фиксирует в ней и свою стоимость. Она по-прежнему продолжает существовать в качестве средств производства и потому приобретает форму основного капитала»⁴. Положение К. Маркса можно проиллюстрировать на таком примере. Пусть в каком-то регионе нечерноземной зоны возделывается 500 тыс. га земли. И каждый год вносится в почву в расчете на 1 га на одну тонну органических удобрений больше, чем в предыдущем. Пусть также на конец одиннадцатой пятилетки в 1984 году в почву было внесено 12 т органических удобрений, а спустя четыре года, т. е. в 1988 году, на 4 т больше. Предположим, что стоимость одной тонны органических удобрений с затратами на внесение составила 5 руб. Допустим также, что прочие неинвентарные затраты на 1 га земли составили в 1984 году 10 руб., а к 1988 году, равномерно нарастая, 14 руб. При допущении, что оба вида затрат действуют в течение пяти лет, окажется, что в 1984 году текущие затраты, перенесенные на урожай, составят $(10 + (5 \times 12) \times 500000 : 5)$ 7 млн руб., а 28 млн будет зафиксировано в потребительной стоимости почвы. На второй год затраты на поддержание и повышение плодородия возрастут в расчете на гектар до 76 руб. Годовой перенос стоимости на всей площади составит $(76 \times 500 \text{ тыс.} : 5)$ 7,6 млн руб. Кроме того, на стоимость будет перенесено из вложений 1984 года еще $(28 : 4)$ 7 млн руб. Итого, затраты двух лет в урожай 1985 года составят 14,6 млн руб., а неперенесенная стоимость из вложений 1985 года будет равна 30,4 млн руб., а вместе с оставшейся стоимостью затрат 1984 года будет равняться 51,4 млн руб. В последующем окажется, что затраты удобрений, известкования и т. д. под урожай 1988 года достигнут 47,0 млн руб., а фактически будет перенесено на производимый продукт 40,1 млн руб. Разница затрат в 6,9 млн руб. будет накоплена в земле, зафиксирована в ее потребительной стоимости и представлена в стоимости. Произведенный расчет, который примерно соответствует фактическому положению в сельском хозяйстве Белорусской ССР, свидетельствует о том, что возделанная земля при развивающемся интенсивном земледелии может иметь стоимость. Это, помимо всего прочего, подтверждает правомерность включения стоимостной оценки земли в производственные фонды. При простом воспроизводстве плодородия почвы возделанные земли не могут фиксировать в себе стоимость, так как вложения средств производства и труда за отдельно взятый год будут равны фактическому переносу на производимый продукт как определенной части текущих затрат на плодородие почвы, так и затрат предшествующих лет.

Экономическая оценка земли непременно предполагает бонитировку почв. Цель ее — оценить потенциальное плодородие почвы и через эту

оценку зафиксировать в «цене» земли как средстве труда ее роль в производстве продукции при определении норматива заменяемости плодородия конкретного земельного массива или хозяйств основными производственными фондами. В Белорусской ССР оценка в баллах того или иного свойства пахотных земель, достоверно влияющих на урожайность, установлена по четырем основным культурам (озимой ржи, ячменю, пшенице и картофелю) в отдельности по формуле $B = УФ/УМ$, где B — оценка определенного свойства почвы по одной культуре; $УФ$ — урожайность на почвенной разновидности с худшим состоянием оцениваемого свойства; $УМ$ — урожайность на почве с оптимальным состоянием свойства, оцененным в 100 баллов. Балльность почв, используемых под естественные сенокосы и пастбища, увязана с балльностью пахотных земель по выходу кормовых единиц с гектара, поэтому они сопоставимы между собой.

На основании этих баллов определяется общий средневзвешенный балл отличительного свойства почвы по четырем культурам пропорционально их удельному весу в общей посевной площади, принятой за 100 %, по формуле:

$$BC = \frac{B_1Y_1 + B_2Y_2 + B_3Y_3 + B_4Y_4}{4},$$

где BC — балл средневзвешенный; B_1, B_2, B_3, B_4 — баллы по урожайности озимой ржи, пшеницы, ячменя и картофеля; Y_1, Y_2, Y_3, Y_4 — удельный вес каждой из культур в общей площади посевов.

Таким образом, в основе экономической оценки земли лежит ее потребительная стоимость, т. е. способность производить определенное количество продукции при данном уровне развития производительных сил.

С учетом вышеизложенного экономическая оценка 1 га земли как средства труда в сельском хозяйстве может быть определена по следующей формуле:

$$O_3 = \frac{E_d \cdot 10}{H_3} \cdot K_6 + \frac{D_{га} \cdot 100}{H} + C_3,$$

где O_3 — оценка используемых земель; E_d — единица дополнительного вложения в землю; H_3 — норматив замещения одного балла земли фондами; K_6 — количество баллов в одном гектаре; $D_{га}$ — дифференциальная рента на 1 га; H — норматив эффективности, рассчитанный по обороту основных производственных фондов; C_3 — стоимость земли, возделываемой на основе интенсификации производства.

Несомненно, что из-за постоянного изменения плодородия почвы при интенсификации земледелия, сложности учета всех затрат на него денежная оценка земли до известной степени всегда будет условной, приближительной. Но даже в таком виде она позволит более правильно определять экономическую эффективность использования производственных фондов, точнее учитывать экономический эффект различных земель.

¹ См.: Шаманаев В. С. Эффективность использования земли в условиях индустриализации сельского хозяйства. М., 1979. С. 143.

² См.: Булатов А. Е. Закономерности воспроизводства основных фондов в сельском хозяйстве. М., 1972. С. 14.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 242—243.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 179.

В. В. МИГАС

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОНОПОЛИИ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Концентрация капитала и производства, достигшая интернационального уровня, привела к образованию и усилению «транснациональных корпораций, извлекающих громадные прибыли за счет эксплуатации трудящихся в мировом масштабе»¹. Рабочий класс различных стран и международные монополии образуют сегодня главный фронт борьбы между трудом и капиталом.

Общая численность работающих на предприятиях ТНК оценивается в 50 млн человек, или около 10 % всего контингента занятых в капиталистических и развивающихся странах². В сферу международной эксплуата-

ции вовлечены не только трудящиеся, непосредственно занятые на предприятиях ТНК, но и на мелких и средних предприятиях (вследствие роста зависимости последних от монополий).

Для усиления эксплуатации международные монополии используют исторически сложившиеся национальные различия в условиях воспроизводства рабочей силы. При выборе объектов для инвестирования они учитывают национальные различия в зарплате, степени занятости и организованности рабочего движения. Нельзя не отметить также использование монополиями мобильности рабочей силы, возросшей вместе с интернационализацией капиталистической экономики, и как средства для «разрядки напряженности» в отношениях со своими рабочими, и как средства экономии расходов на зарплату, образование, социальное обеспечение. ТНК разжигают вражду между национальными и иностранными отрядами рабочего класса, что в конечном счете ослабляет рабочее движение в целом.

Следствием интернационализации монополистической эксплуатации является рост неустойчивости положения рабочего класса. Это проявляется прежде всего в двойственном влиянии ТНК на рынок труда как в странах базирования, так и в принимающих странах. Высокие темпы роста их операций несомненно способствуют увеличению занятости, в том числе и в филиалах в некоторых развивающихся странах (Сингапур, Малайзия, Южная Корея, Тайвань), где концентрируются «убегающие» из промышленно развитых стран трудоемкие отрасли: текстильная, швейная, кожаная, обувная, мелкое машиностроение, сборочные производства.

В то же время ситуация с занятостью далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд. На протяжении 10—15 последних лет численность работающих на зарубежных филиалах ТНК росла быстрее, чем в странах базирования. Это явление связано с экспортом капитала, который влечет за собой и экспорт потенциальных рабочих мест. В то же время создание предприятий за границей часто сопровождается ростом органического строения капитала, которое способствует высвобождению рабочей силы.

Проникновение иностранных фирм на новую хозяйственную территорию, особенно в промышленно развитых странах, подчас осуществляется посредством скупки уже действующих предприятий, а следовательно, без чистого прироста занятости. Более того, за поглощением предприятий обычно следует интеграция их во внутрифирменную структуру монополий, что, как правило, сопровождается закрытием отдельных подразделений поглощаемых компаний и увольнением «лишних» людей.

Капиталистическая рационализация производства, проводимая на предприятиях ТНК, связана не только с совершенствованием структуры монополий в международном масштабе, но и с внедрением новой техники и новых систем производства. Это также сказывается на занятости, интеллектуальном содержании труда и жизненном уровне трудящихся масс. Особенно серьезные последствия для рабочих имеет применение электронных микропроцессоров, ускорение темпов «роботизации». Чтобы выстоять в конкурентной борьбе, немонаполизованный капитал также вынужден проводить мероприятия по рационализации производства со всеми вытекающими для занятого в нем рабочего класса последствиями.

Нестабильность занятости резко возросла под влиянием принятых ТНК в ходе кризисов 70—80-х годов мер по выживанию, которые принимали форму либо закрытия зарубежных филиалов, либо ограничения их производственного профиля. Кроме того, многие ТНК в этот период переводили в массовом масштабе свои активы из производственного капитала в денежный, помещая их под высокий процент, что давало им доходы большие, чем при расширении производства. В итоге, в первой половине 80-х годов на предприятиях ТНК как в развитых, так и развивающихся странах произошло абсолютное сокращение занятости.

Таким образом, примечательная черта политики ТНК в области занятости — игнорирование как национальных интересов отдельных государств, так и принятых ими мер по регулированию занятости. Эта политика полностью определяется международной стратегией максимализации прибыли, которая разрабатывается в штаб-квартирах.

Наем рабочей силы, игнорирующий государственные границы, дает монополиям возможность отобрать самую квалифицированную ее часть. Для национальных компаний это оборачивается острым дефицитом квалифицированных рабочих рук, усугублением проблем структурной безработицы.

Чтобы привлечь квалифицированную рабочую силу на свои предприятия, ТНК используют более низкие, чем в странах базирования, но более высокие, чем в странах пребывания, ставки зарплаты. В Великобритании, например, на филиалах иностранных ТНК оплата труда рабочих и служащих выше, чем в среднем по стране, на 11 %, а производство продукции в расчете на одного занятого — на 13 %³. Это говорит о том, что монополии не просто учитывают сложившиеся различия в уровнях оплаты труда от страны к стране в своих интересах, а перестраивают всю ее систему, усиливая разрыв в уровне показателей своих предприятий от средних национальных. Как следствие — образуются привилегированные группы работников, новая «рабочая аристократия», вносящая раскол в рабочее движение.

Привилегированное положение в уровне оплаты труда квалифицированных работников в филиалах ТНК побуждает к выступлениям с аналогичными требованиями и работников национальных фирм. Национальный капитал с целью «погашения» влияния роста зарплаты на уровень издержек (при данном уровне цен) стремится увеличить производительность и интенсивность труда, что приводит к общему усилению эксплуатации трудящихся.

В последнее время, стремясь погасить растущее недовольство рабочего класса, ТНК изыскивают новые, главным образом психосоциальные и организационно-технические стимулы повышения заинтересованности в труде. Широко экспериментируются в русле теории «человеческих отношений» и «гуманизации труда» трех- и четырехдневные рабочие недели, проводятся мероприятия по гигиене труда, используются системы «участия в прибылях», премии, патернализм. Цель подобных действий — замаскировать классовый характер отношений между трудом и капиталом под так называемые «промышленные отношения», насадить «классовый мир» искусственным путем, отвлечь трудящихся от классовой борьбы.

Воздействие международной капиталистической эксплуатации на трудящихся развивающихся стран выражается в специфически обостренных формах. На филиалы международных монополий здесь приходится меньшая часть занятых, чем в промышленно развитых странах (0,5 % контингента рабочих против 40 % в девяти наиболее развитых западных странах)⁴. Разница в оплате труда рабочих развитых и развивающихся стран в несколько раз выше, чем разница в производительности труда. Рабочие филиалов-цехов международных монополий в странах «третьего мира» низводятся до положения «частичных» рабочих с низкой квалификацией и минимальной оплатой. Это открывает широкий простор для применения женского и детского труда.

Сбытовая стратегия ТНК, единая техническая политика, выражающаяся в унификации оборудования с целью экономии постоянного капитала, стремление снизить издержки в борьбе с конкурентами на мировом рынке обуславливают применение в освободившихся странах преимущественно капиталоемкой технологии. А это усугубляет проблемы занятости населения. Высокий уровень безработицы в этих странах (400—500 млн) чрезвычайно осложняет борьбу за улучшение условий труда и жизни. К тому же в данном регионе капиталистического мира территориальная рассредоточенность рабочего класса более выражена, чем в промышленно развитых странах, что в немалой степени связано с наследием колониального прошлого.

Таким образом, выявляется двойственность, противоречивость социально-экономических последствий деятельности ТНК. С одной стороны, в их индустриальных комплексах рабочий класс включается в технически совершенное, высокоорганизованное производство. С другой стороны, рост хозяйственных империй ТНК неразрывно связан с усилением эксплуатации и неустойчивости положения рабочего класса. Причем, стимулируя и используя в своих целях структурные сдвиги в рабочем классе, ТНК переносят связанные с этим издержки на плечи наиболее обездоленной части трудящихся — трудящихся развивающихся стран, малоквалифицированных рабочих, молодежи, женщин.

Интернационализация системы капиталистической эксплуатации создает новые условия классовой борьбы. В значительно большей степени рабочий класс сталкивается с тем, что растущая централизация эксплуатации не связана с аналогичной централизацией эксплуатируемых. Напротив, характерна их территориальная раздробленность в международном масштабе. Благодаря интернационализации капитала международные мо-

нополии получили в свое распоряжение новые средства и методы борьбы с рабочим классом. Среди них — уже упоминавшееся перемещение производства в страны с низким уровнем зарплаты или менее организованным рабочим движением, а также интернациональная политика найма рабочей силы.

ТНК активно ведут «наступление» на права основного своего противника — профсоюзы. Это «наступление» можно условно разделить на три этапа. Для первого характерно нежелание вести переговоры с профсоюзами, непризнание их, либо признание одних отраслевых профсоюзов и непризнание других, создание в противовес профсоюзам различных организаций «компанейского типа» (консультационные советы, комитеты рабочих представителей, союзы персонала). На втором этапе используются различные приемы давления на профсоюзы во время переговоров о подписании коллективного договора. При этом монополии обнаруживают стремление игнорировать сложившуюся систему коллективно-договорного регулирования. Они добиваются введения новых пунктов, например, о «производительности труда», которые узаконивают мероприятия по рационализации, неполную рабочую неделю и даже увольнение рабочих, ограничение возможностей ведения забастовочной борьбы. Это ведет, как подчеркивается в одном из исследований экономического института объединения немецких профсоюзов, «к разрушению национальных систем промышленных отношений»⁵. Третий этап предполагает отказ предпринимателей выполнять положения, зафиксированные в договоре.

Итак, четко выделяются следующие грани конфликта между трудом и капиталом на интернациональном уровне. Во-первых, осуществляется стратегическая линия на перемещение части производственных мощностей в более «спокойные места» с более «послушным персоналом». Во-вторых, противопоставляются и разъединяются различные национальные отряды рабочего класса, что ослабляет их классовую солидарность. В-третьих, ТНК всегда и всюду идут в авангарде антипрофсоюзных акций. Поэтому для успешной борьбы с международным монополистическим капиталом настоятельно необходимо, «чтобы рабочие различных стран не только чувствовали, но и действовали как братья и товарищи»⁶.

Таким образом, антагонистический конфликт «ТНК — трудящиеся массы» свидетельствует об исторической ограниченности капиталистического типа интернационализации экономики. Достигнув, казалось бы, вершин интернационального могущества, монополистический капитал сталкивается с нарастающими трудностями на пути дальнейшей экспансии, которые убедительно свидетельствуют об углублении общего кризиса капитализма.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 130.

² См.: МЭиМО. 1985. № 10. С. 38.

³ См.: Экономические науки. 1984. № 5. С. 92—93.

⁴ CTC Reporter. Winter, 1983. P. 49.

⁵ WWI—Mitteilungen. Düsseldorf. Okt. 1971.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 195.

В. К. ЕГОРОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ И ИХ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

Реализация задач по ускорению социально-экономического развития нашей страны выдвигает на первый план потребность в «долговременной, глубоко продуманной, целостной, сильной социальной политике, охватывающей все стороны общественной жизни»¹. Одним из основных ее направлений является выбор оптимального способа сближения классов, социальных групп и слоев, преодоления существенных различий между городом и деревней. Последовательное стирание различий ведет ко все более полному осуществлению во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости, к расширению доступности социальных гарантий для всех слоев населения независимо от места проживания.

Необходимость практического осуществления преодоления различий между городом и деревней предполагает однозначную трактовку категорий

проблемы «город-деревня». В настоящее время такая однозначность в экономической литературе еще не достигнута. Достаточно распространенным является понятие «преодоление социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней». В такой редакции данное понятие, на наш взгляд, теряет свойство строго научного определения и допускает трактовку социально-экономических и культурно-бытовых различий как самостоятельных, независимых друг от друга групп характеристик. На самом деле разграничение этих групп весьма условно.

Многие различия в культурно-бытовой сфере являются социально-экономическими. Речь идет об особенностях воспроизводства рабочей силы в городе и деревне, складывающихся в результате неодинакового уровня развития и качества оказываемых услуг сферами социальной инфраструктуры. Отставание развития сельских торговых, бытовых предприятий и организаций, сфер здравоохранения, образования и культуры обуславливает формирование на селе таких условий воспроизводства рабочей силы, которые в совокупности уступают городским. Неравенство условий воспроизводства в культурно-бытовой сфере имеет социально-экономический характер и определяет социально-экономическую специфику положения работников общественного производства в городе и деревне. В связи с этим правомерно ставить вопрос о преодолении различий между городом и деревней в культурно-бытовой сфере, но не о преодолении культурно-бытовых различий.

Значительная часть культурно-бытовых различий связана со спецификой сельского образа жизни. С целью компенсации некоторых преимуществ городских форм жизнедеятельности представляется необходимым и возможным расширение определенных особенностей сельских форм жизнедеятельности, связанных с распространением в деревне усадебных типов застройки, близким контактом сельских жителей с природной средой, возможностью удовлетворения рекреационных потребностей непосредственно в местах проживания и т. д. Следовательно, в настоящее время и в перспективе определенные культурно-бытовые различия между городом и деревней будут не устраняться, а возрастать. Преодолеваются будут такие социально-экономические различия, которые обуславливаются недостаточно высоким уровнем развития производительных сил в деревне и связаны со спецификой производственных отношений в городе и на селе.

Помимо попыток необоснованного разграничения понятий «социально-экономические» и «культурно-бытовые различия» в экономической литературе наблюдаются и попытки неправомерного отождествления понятий «социально-экономические» и «существенные различия»². Сторонники такого отождествления утверждают, что помимо этой группы различий между городом и деревней существуют также естественно-технологические, или несущественные различия. Делается вывод о том, что существенные различия будут ликвидированы, а несущественные сохранятся³. Отождествление существенных различий с социальными, а несущественных с технологическими представляется неверным с точки зрения диалектической логики.

При таком подходе затруднено объяснение перехода существенных различий в несущественные, поскольку они разнородны. Но если нет перехода существенного в несущественное, то существенное, согласно правилам логики, должно оставаться таким вплоть до своего исчезновения. Отсюда ликвидация существенного различия возможна не в результате его постепенной трансформации в несущественное, а в результате единовременного акта. Только в этом случае указанное выше суждение будет непротиворечивым. Если же признать, что процесс развивается постепенно, тогда существенные (социальные) различия должны постепенно превратиться в несущественные (технологические). Но такой вывод явно противоречит исходной посылке: существенные различия — социальные, несущественные — технологические.

Действительный процесс развития диалектичен и предполагает постепенное превращение существенного в несущественное и их исчезновение. На наш взгляд, понятия «существенные» и «несущественные» различия фиксируют определенное количество качественно различных специфических черт городской и сельской структур, т. е. устанавливают меру этих особенностей. Свойством быть или не быть существенным или несущественным различием обладают как социально-экономические, так и технологические явления. В условиях незавершенной индустриализации сельского хозяйства большинство естественно-технологических особенностей произ-

водства являются существенными и служат основой социально-экономической специфики деревни.

В то же время, как утверждал В. И. Ленин, «...есть особенности земледелия, которые абсолютны неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться всеми теми чертами, которые она имеет в промышленности»⁴. Другими словами, сельское хозяйство как отрасль народного хозяйства всегда будет отличаться производственно-функциональной спецификой, неустранимой в принципе.

Данный вывод характерен и для деревни в целом как социально-экономической общности людей, занятых преимущественно в сельскохозяйственных и связанных с ними отраслях. Пространственная рассредоточенность поселений, личные подсобные хозяйства и другие особенности сельской формы жизнедеятельности определяют специфику деревни и являются достаточно существенными, значительными. Однако не все социально-экономические характеристики современного села преодолимы. Из всей совокупности различий между городом и деревней преодолению подлежат такие, которые обуславливают отставание деревни от города по уровню и условиям труда и быта, ее обособленность, автономность, изолированность развития.

Многообразие форм проявления социально-экономических различий между городом и деревней обуславливает постановку вопроса об их классификации, структуре. В экономической литературе по данному вопросу высказываются различные точки зрения. Большинство авторов выделяют три группы социально-экономических различий между городом и деревней: различия в уровне развития производительных сил; различия, вытекающие из существования двух форм собственности на средства производства — государственной и колхозно-кооперативной; различия культурно-бытового характера⁵. Однако отсутствие в этой классификации единого критерия затрудняет охват всей совокупности различий.

В основе другой классификации различий лежит концепция функциональной целостности деревни и системного изучения сельского сектора СССР⁶. Исследование деревни с точки зрения ее функциональной целостности представляется достаточно продуктивным для прогнозирования перспектив развития сельского сектора страны. Вместе с тем в современных условиях, когда между сельским хозяйством и промышленностью укрепляются и развиваются интеграционные связи, концепция функциональной целостности деревни представляется во многом уязвимой. Социально-экономическое положение в настоящее время определяют именно двусторонние интеграционные связи промышленности и сельского хозяйства, города и деревни, охватывающие производственные и культурно-бытовые сферы. Эти тенденции необходимо учитывать в структуре различий.

С нашей точки зрения, требованиям применения единого критерия исследования структуры различий между городом и деревней, учитывающего влияние интеграционных процессов, отвечает воспроизводственный подход, который позволяет выделить особенности города и деревни в фазах производства, распределения, обмена и потребления. Материальную основу совокупности различий между городом и деревней составляют разные уровни развития и характер производительных сил. Форма собственности определяет социальный характер всех различий и взаимосвязей города и деревни в фазах производства, распределения, обмена, потребления, усиливает специфику колхозно-кооперативного и государственного секторов народного хозяйства.

В фазе **производства** складываются различия социальной формы и характера промышленного и сельскохозяйственного труда, связанные с меньшей механизацией технологических процессов в сельском хозяйстве; различия в направлениях и масштабах распределения факторов производства между городом и деревней, вызванные миграцией сельского населения в города; в степени опосредования товарно-денежными отношениями обмена деятельностью, связанного с необходимостью исключения из внутрихозяйственного оборота части сельскохозяйственной продукции для обеспечения непрерывности производства.

С точки зрения различий между городом и деревней фаза **распределения** характеризуется особенностями распределения валового дохода в колхозно-кооперативном и государственном секторах народного хозяйства, различными формами и уровнем распределения по труду, разным уровнем

и структурой реальных доходов городского и сельского населения. Различия, складывающиеся в фазе распределения, выражаются в том, что уровень оплаты по труду и реальных доходов работников сельского хозяйства ниже, чем у работников промышленности.

В процессе **товарного обмена** между сельским хозяйством и промышленностью из-за отсутствия единой методологической основы ценообразования по-разному исчисляется величина чистого дохода, включаемого в цену. При установлении оптовых цен на промышленную продукцию норматив рентабельности рассчитывается как отношение прибыли к производственным фондам, а на продукцию сельского хозяйства — как отношение нормативной прибыли к среднезональной нормативной себестоимости. Система двух прецедентов не способствует совершенствованию межотраслевых связей, а также связей между городом и деревней.

Фаза потребления, в которой происходит воспроизводство рабочей силы и развитие членов общества посредством коллективных и индивидуальных форм потребления, характеризуется различными возможностями, а также уровнем и структурой использования материальных и духовных благ жителями города и деревни. Село отличается меньшей развитостью системы общественного обслуживания населения и материально-технической базы отраслей социальной инфраструктуры.

Структура социально-экономических различий между городом и деревней, представленная в воспроизводственном разрезе, показывает, что эти различия связаны с разными уровнями развития и обобществления промышленного и сельскохозяйственного производства. Однако их рассмотрение выходит за рамки изучения проблемы различий между промышленностью и сельским хозяйством. Оно относится ко всем сферам приложения труда и условиям жизни в городе и деревне.

Воспроизводственная структура различий позволяет сделать вывод о характере преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. Основанием для этого является целостность фаз, взаимосвязь и взаимообусловленность их воспроизводственных циклов. К. Маркс отмечал, что «все они (производство, распределение, обмен и потребление) образуют собой части единого целого, различия внутри единства»⁷. Следовательно, преодоление различий между городом и деревней может происходить лишь путем комплексного решения назревших проблем, как производственных, так и социальных.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 45.

² См.: Куропаткин А. И. Экономические основы преодоления существенных различий между городом и деревней. М., 1971; Хакимов И. Д. О преодолении существенных различий между городом и деревней. Минск, 1973; Якушов А. И. Преодоление существенных различий между городом и деревней в условиях развитого социализма. М., 1979.

³ См.: Семин С. И. Преодоление социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1973. С. 20.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 137.

⁵ См.: Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1976; Никифоров Л. Эффективность социально-экономических преобразований на селе // Вопросы экономики. 1984. № 8; Егоров Е. Преодоление социально-экономических различий между городом и селом // Вопросы экономики. 1985. № 12; Егоров Е. Развитие взаимосвязей города и села // Вопросы экономики. 1987. № 3.

⁶ См.: Пути социального развития деревни. Новосибирск, 1978; Социальное развитие села: анализ и моделирование. Новосибирск, 1980.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 36.

А. В. БОНДАРЬ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АКТИВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

Стратегия партии на ускорение социально-экономического развития страны базируется на решении масштабных задач, реализация которых самым непосредственным образом связана с совершенствованием и повышением роли человеческого фактора в системе общественных отношений. Это система экономических, социальных и духовных отношений, базис которых составляет совокупность экономических отношений. Развитие данной совокупности является определяющим и в рамках общесоциологической кате-

гории «человеческий фактор», поэтому активизация последнего определяется, в первую очередь, системой экономических, прежде всего производственных отношений.

Таким образом, исследование экономических аспектов рассматриваемого процесса необходимо для разработки конкретных путей реализации экономической и социальной стратегии партии. Методологически правомерным представляется выделение из общесоциологического понятия «человеческий фактор» категории «человеческий фактор производства», являющегося, с одной стороны, собственником средств производства — субъектом производственных отношений, с другой стороны — носителем способности к труду, т. е. объектом последних. Активизация человеческого фактора в системе экономических отношений предусматривает развитие и функционирование человека и как субъекта производственных отношений, и как главной производительной силы.

Как отмечалось на XXVII съезде КПСС: «Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. Проблема, таким образом, заключается в дальнейшем углублении социалистического самоуправления в экономике»¹. Из этого вытекает и особая актуальность исследования экономического статуса человека в социалистическом обществе как полноправного хозяина социалистического производства, путей и методов практической реализации каждым индивидом его возможностей активно участвовать в управлении и развитии производства.

Становление субъективных характеристик личного фактора связано с совершенствованием хозяйственного механизма, системы управления. Необходимо обеспечить максимальную однонаправленность реализации общественных, коллективных и личных интересов путем оптимального сочетания хозяйственного расчета и централизованного управления, чтобы на деле поставить каждого субъекта производственных отношений в условия хозяйства производства.

Известная мысль К. Маркса: «...Как само общество производит человека как человека, так и он производит общество»², — справедлива для всех общественно-экономических формаций. Однако в условиях социализма (и этим он принципиально отличается от предшествующих социальных систем) люди создают общественные отношения сознательно. Вот почему по мере развития нового общества, усложнения решаемых задач возрастает и роль человеческого фактора, значение человека как субъекта производственных отношений. Не случайно проблема профессионального и духовного развития, повышения социально-экономической роли человека, его нравственного роста поставлена XXVII съездом КПСС одновременно и как цель, и как средство выхода социалистического общества на качественно новые рубежи. Сегодня, как никогда, необходимо открыть простор инициативе и творчеству масс, а для этого требуется постоянно совершенствовать механизм вовлечения рабочего класса, всех трудящихся в непосредственное практическое решение актуальных задач развития общества.

Важнейшие звенья этого механизма — развитие социалистического самоуправления народа, последовательное расширение и углубление демократии на производстве и во всем обществе, воспитание хозяйского отношения к социалистической собственности. Решение указанных задач базируется на обеспечении высокого уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки кадров, что налагает особую ответственность на общеобразовательную и профессионально-техническую школу, которые призваны готовить подрастающее поколение к участию в общественном производстве.

Необходимо углубить изучение учащимися основ современного производства, главных направлений его интенсификации. Весьма важно, чтобы учащиеся имели четкое представление о значении таких категорий, как «производительность труда», «хозрасчет», «самофинансирование» в конкретных производственных условиях³. Уже со школьной скамьи их необходимо готовить к реальному участию в управлении социалистической собственностью как активных субъектов производственных отношений.

«Теоретически и практически бесспорно, — подчеркивалось на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС, — что интерес трудящихся как хозяев производства — самый сильный интерес, самая мощная движущая сила ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса»⁴. Развитие хозяйственного механизма, внедрение полного хозрасчета и экономических методов планирования повышает экономическую ответственность тру-

довых коллективов за принимаемые хозяйственные решения. Это предполагает осознанное участие всех трудящихся в данном процессе, для чего необходим определенный уровень экономической и политической подготовки кадров.

Первоочередной задачей становится перестройка политического и экономического образования трудящихся, которое должно превратиться в действенный рычаг революционного обновления и ускорения социально-экономического развития страны, сознательного участия масс в выработке политики партии и творческом труде.

Актуальность перестройки политической и экономической учебы вытекает и из того, что значительная часть рабочих не имеет четкого представления о правах и обязанностях трудовых коллективов в образовании и расходовании фондов развития производства, социальной сферы, материального стимулирования, о мерах ответственности за бесхозяйственность, нарушения дисциплины, брак в работе.

На эффективность процесса ускорения оказывает существенное влияние система нравственно-мировоззренческих позиций и ожиданий работника, его духовно-личностные потребности и способности. Как показывают исследования личностного потенциала работников, люди могут быть одного возраста, одной профессии, работать в одном цеху и иметь сходный уровень образования, одинаковый разряд. Но одни ориентированы на творческое отношение к труду, а другие — нет. В результате первые активнее своих товарищей участвуют в рационализаторской деятельности (почти в 2 раза), используют передовой опыт (в 1,6 раза), находят резервы улучшения организации труда, экономии сырья и материалов (в 1,5 раза)⁵. Как видно, активизация человеческого фактора прямо связана с развитием человека как субъекта производственных отношений, подлинного хозяина страны.

На XXVII съезде КПСС подчеркнуто, что усиление роли человеческого фактора наряду с другими условиями «на деле будет означать дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений и откроет новый простор развитию производительных сил»⁶. В этой связи весьма актуально совершенствование отношений непосредственного воспроизводства способности к труду. И здесь необходимо отметить, что высшим критерием общественного прогресса при социализме выступает «состояние производительных сил», но оценивается оно не только и не столько в материально-вещественном, сколько в личностном плане, ввиду того, что **«первая производительная сила всего человечества, есть рабочий, трудящийся»**⁷. В социалистическом обществе трудящийся — это не только производительная сила, но и высшая ценность, а производство здесь существует ради «обеспечения полного благосостояния и свободного развития всех членов общества»⁸. Становление и использование рабочей силы при социализме осуществляется на основе всестороннего, гармоничного развития личности или непосредственно в процессе подготовки к труду и участия в нем, или опосредованно, через использование результатов труда в ходе общественного воспроизводства.

Экономическая сторона активизации человеческого фактора охватывает процессы образовательно-квалификационного становления работников как в ходе обучения, так и в процессе производства. Для осуществления качественного скачка в дееспособности человеческого фактора производства необходимо решить задачу «создания единой системы непрерывного образования»⁹. Образование, вооружая человека необходимыми знаниями, обеспечивает умственное развитие личности, создает необходимую базу для овладения высотами профессионального мастерства.

Эта проблема большого народнохозяйственного и общественно-политического значения предполагает не только расширение сферы действия всех ступеней школы, развитие ее политехнизации, но и вовлечение в орбиту организованного обучения через систему просвещения, профессионально-технического и высшего образования, через всевозможные формы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров миллионов советских людей. Речь идет о новом качестве развития всех видов образования, когда оно будет реально участвовать как в формировании главной производительной силы нашего общества — человека труда, так и в удовлетворении растущих духовных запросов народа, в воспитании нового исторического типа личности, совершенствовании советского социалистического образа жизни.

Коммунистическое строительство предполагает всестороннее развитие всех членов общества, повышение их культуры, образования и сознатель-

ности. «Нельзя, — писал В. И. Ленин, — построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры»¹⁰. Практика показывает, что НТР создает условия для невиданного прежде развития человеческого фактора производства. Совершенствуется в количественном и качественном отношении структура совокупного работника общества, отмечается постоянный рост удельного веса занятых умственным трудом, повышается профессионально-квалификационный и *общееобразовательный уровень трудящихся во всех сферах общественного производства, возрастает роль духовного производства, увеличивается занятость в сфере образования, науки и культуры. Тем самым создаются и важнейшие объективные предпосылки дальнейшего повышения роли человеческого фактора в ускорении общественного прогресса.

Для обеспечения ускорения и перестройки в республике необходимо всемерно активизировать человеческий фактор, буквально переучивать всех (и руководителей, и специалистов, и работников массовых профессий)¹¹. Это требует глубокой взаимоувязки всех видов обучения, создания динамичного ряда квалификационного формирования кадров.

Таким образом, активизация человеческого фактора — это, в первую очередь, его развитие как субъекта производственных отношений, полноправного собственника средств производства. Вместе с тем это и процесс его развития как главной производительной силы общества, формирования способности к труду, адекватной закону соответствия вещественных и личных факторов производства. Развитие экономических аспектов активизации человеческого фактора, являясь базисным для других сторон этого процесса, предопределяет его социально-экономическую результативность, как с точки зрения динамики общественного производства, так и с точки зрения реализации высшей цели социализма.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 39.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 118.

³ См.: VII съезд учителей Белорусской ССР. Выступление первого секретаря ЦК КПБ Е. Е. Соколова // Советская Белоруссия. 1987. 17 мая.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 44.

⁵ См.: Чичканов В. Перестройка управления трудовыми ресурсами // Вопросы экономики. 1987. № 8. С. 62.

⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 81; Т. 38. С. 359.

⁸ Там же. Т. 6. С. 232.

⁹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 48.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 314.

¹¹ См.: Соколов Е. Е. О задачах партийных организаций республики по углублению перестройки, улучшению работы с кадрами в свете требований январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС: Доклад на VI Пленуме ЦК КПБ // Советская Белоруссия. 1987. 27 марта.

Ю. П. БРОЎКА

БЕЛАРУСКАЯ ССР — АКТЫЎНЫ ЎДЗЕЛЬНІК МІЖНАРОДНАГА ПРАВАТВОРЧАГА ПРАЦЭСУ

Міжнароднае права ў цяперашні час перажывае перыяд актыўнага ўдасканалвання. Пасляхова развіваецца працэс міжнароднай праватворчасці, які ўключае ў сябе прагрэсіўнае развіццё і кадыфікацыю як асноўных імператыўных міжнародна-прававых прынцыпаў, так і практычна ўсіх галін і інстытутаў міжнароднага права. Вядучая роля ў гэтым рэвалюцыйным пераўтваральным працэсе належыць Савецкаму Саюзу і краінам сацыялістычнай садружнасці. «Мы прапануем усяму свету, — адзначаў Генеральны сакратар ЦК КПСС М. С. Гарбачоў у сваім дакладзе на чацвёртай сесіі Вярхоўнага Савета СССР адзінаццатага склікання, — у тым ліку свету капіталістычных дзяржаў, шырокую, даўгачасную, усебаковую праграму ўзаемавыгоднага супрацоўніцтва, якая ўлічвае тыя новыя магчымасці, якія адкрывае перад чалавецтвам эра навукова-тэхнічнай рэвалюцыі»¹.

Значны ўклад у рознабаковае міжнароднае супрацоўніцтва, а таксама і ў справу кадыфікацыі і прагрэсіўнага развіцця міжнароднага права, уносяць асобныя савецкія сацыялістычныя рэспублікі — суверэнныя ўдзельнікі міжнародных зносін, у тым ліку і Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка. Беларуская ССР удзельнічае ў рабоце розных дыпламатычных канферэнцый, з'яўляецца членам многіх міжнародных арганізацый, мае вялікую дагаворную практыку.

Уплыў Беларускай ССР на прагрэсіўнае развіццё і кадыфікацыю міжнароднага права ажыццяўляецца як ў парадку садзейнічання праватворчай дзейнасці Саюза ССР, так і непасрэдна ў выпадках, калі рэспубліка лічыць магчымым узяць на сябе пэўныя міжнародныя абавязальствы.

Непасрэдны ўдзел Беларускай ССР у працэсе кадыфікацыі і прагрэсіўнага развіцця міжнароднага права ажыццяўляецца ў ходзе дыпламатычных кансультацый і перагавораў з прадстаўнікамі розных краін, якія прыводзяцца як на двухбаковай, так і на многабаковай аснове. Вялікае значэнне мае ўдзел прадстаўнікоў БССР у праватворчай дзейнасці, што праводзіцца ў рамках устаноў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. Прадстаўнікі БССР актыўна ўдзельнічаюць у вызначэнні галоўных напрамкаў міжнароднай праватворчай дзейнасці, у тлумачэнні і развіцці асноўных прынцыпаў Устава ААН, на якіх грунтуецца сучаснае міжнароднае права. Дыпламаты Беларускай ССР плённа працуюць над састаўленнем праектаў міжнародных актаў, якія павінны адыграць істотную ролю ў справе кадыфікацыі і прагрэсіўнага развіцця міжнароднага права.

Прадстаўнікі БССР выказваюць розныя меркаванні па праблемах міжнароднага права ў ходзе дыскусій у Генеральнай Асамблеі і іншых органах ААН. Яны ўдзельнічаюць у стварэнні розных спецыяльных органаў ААН, якія прызначаны займацца кадыфікацыйнай работай. Прадстаўнікі БССР удзельнічаюць і ў фарміраванні важнага і кампетэнтнага праватворчага органа — Камісіі міжнароднага права ААН.

Значны ўклад у справу міжнароднай праватворчасці быў унесены дыпламатамі Беларускай ССР у такіх органах, як Камісія па правах чалавека, Камісія па правах жанчын і інш. Беларусь мае магчымасць паста-

янна сачыць за работай усіх дапаможных і спецыяльных органаў ААН, дае ў неабходных выпадках ацэнку іх дзейнасці на пасяджэннях Генеральнай Асамблеі ААН і іншых галоўных органаў сусветнай арганізацыі.

Беларуская ССР, як і другія суверэнныя дзяржавы, у ходзе распрацоўкі канвенцый выражае адносіны да іх сваім удзелам у разглядзе пытання аб зацвярджэнні тэкста канвенцыі ў Генеральнай Асамблеі ААН ці на спецыяльна сазванай канферэнцыі паўнамоцных прадстаўнікоў, а таксама сваім суверэнным волевыўленнем, якое выражаецца ў падпісанні канвенцыі і яе далейшай ратыфікацыі.

Кожнай стадыі дзейнасці беларускай дыпламатыі ў працэсе кадыфікацыі і прагрэсіўнага развіцця асобных галін і інстытутаў міжнароднага права ўласцівы свае асаблівасці. Аднак ёсць пэўныя моманты, якія характэрны для ўсёй кадыфікацыйнай дзейнасці рэспублікі ў цэлым. У ходзе кадыфікацыйнай работы дыпламаты БССР нараўне з дыпламатамі СССР і іншых сацыялістычных краін нязменна займаюць прынцыповую ленінскую пазіцыю, імкнуча знайсці аптымальныя рашэнні па найбольш складаных і спрэчных пытаннях міжнароднага права.

Прадстаўнікі БССР нязменна выступаюць за безумоўнае правядзенне ў жыццё прынцыпа універсальнасці агульных міжнародных дагавораў, зыходзячы з таго, што прынцып універсальнасці павінен асабліва старанна праводзіцца ў жыццё ў тых выпадках, калі размова ідзе пра разработку канвенцый, якія кадыфікуюць прынцыпы і нормы агульнага міжнароднага права².

Беларуская ССР зыходзіць таксама з таго, што любая дзяржава — удзельнік агульнага міжнароднага дагавора — мае права як у момант падпісання, так і пры далейшай ратыфікацыі зрабіць агаворку, якая не супярэчыла б меце дагавора і яго асноўным прынцыпам. Такія агаворкі не павінны закранаць цэласнасці агульнага пагаднення дзяржаў, а ствараць у яго рамках шэраг дадатковых дагаворных сістэм³. Яшчэ 12 студзеня 1952 года БССР падтрымала рэзалюцыю Генеральнай Асамблеі ААН, у сілу якой Генеральнаму сакратару ААН прапаноўвалася пры ажыццяўленні ім функцыі дэпзітарыя многабаковых міжнародных дагавораў зыходзіць з прынцыповай дапушчальнасці агавораў, якія не закранаюць сутнасці дагавора⁴.

Прадстаўнікі Савецкай Беларусі неаднаразова выказваліся супраць уключэння ва ўніверсальныя міжнародныя дагаворы палажэнняў, якія ўстанаўлівалі б абавязковую для іх удзельнікаў юрысдыкцыю Міжнароднага Суда ААН па спрэчках, звязаных з тлумачэннем ці імплементацый гэтага дагавора.

Такое разуменне ролі Міжнароднага Суда ААН цалкам супадае з сутнасцю яго Статута. Паколькі Беларуская ССР, як і большасць краін, устрымалася ад дэпаніравання Генеральнаму сакратару ААН заявы аб прызнанні для сябе абавязковай юрысдыкцыі Міжнароднага Суда па тых ці іншых справах, спрэчка з удзелам БССР у якасці аднаго з бакоў можа разглядацца ў Міжнародным Судзе толькі пры наяўнасці яе дастаткова акрэсленай згоды ў кожным асобным выпадку.

Такім чынам, Беларуская ССР робіць свой уклад у працэс міжнароднай праватворчасці, садзейнічае прагрэсіўнаму развіццю асноўных прынцыпаў сучаснага міжнароднага права, якое забяспечвае іх інтэрпрэтацыю і канкрэтызацыю з улікам зменлівых патрабаванняў міжнароднага жыцця.

¹ Звязда. 1985. 28 лістап.

² Документы ООН А/С. 6/SR. 1149. П. 26.

³ Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 81—82.

⁴ Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Пятая сессия. Шестой комитет. Правовые вопросы. Нью-Йорк, 1953. С. 68.

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии со ст. 38 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 210 ГПК БССР) суд, обнаружив при рассмотрении гражданского дела нарушения законности или правил социалистического общежития отдельными должностными лицами или гражданами либо существенные недостатки в работе государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций, выносит частное определение и направляет его соответствующим должностным лицам и трудовым коллективам, которые обязаны в месячный срок сообщить о принятых мерах.

Умелое и своевременное выявление судом отрицательных явлений, принципиальное реагирование на них в целях устранения и недопущения в дальнейшем имеет большое государственное и общественно-политическое значение. «Эффективность частного определения, — как справедливо отмечают Н. Богатырев и В. Захаров, — зависит от таких факторов, как убедительность изложенного в нем материала, полнота и конкретность рекомендуемых судом мер, правильность выбора адресата, своевременность направления ему определения и действенный контроль за его реализацией»¹.

Субъектом реагирования на отрицательные явления, изложенные в ст. 210 ГПК БССР, является суд. «Действующее законодательство с понятием правосудия, — указывает Ю. Н. Чуйков, — связывает деятельность только одного органа — суда, понимая под ним орган, входящий в систему государственных учреждений и наделенный государственной властью»².

В советской юридической литературе высказано мнение, что товарищеские суды также являются органами правосудия³. Согласиться с этим нельзя. Согласно ст. 6 ГПК БССР, правосудие по гражданским делам осуществляется только судом. Правоохранительную функцию выполняют и другие органы (государственный арбитраж, нотариат, товарищеские суды и т. д.), но они к органам правосудия не относятся. «...Если для судебных органов правоохранительная функция — основа их деятельности, — правильно отмечает Ю. Н. Чуйков, — то для органов арбитража, товарищеских судов и иных юрисдикционных органов она — лишь средство для выполнения следующих задач: в одном случае — эффективное воздействие на хозяйственную, финансовую и иную деятельность государственных учреждений, предприятий и организаций с целью содействия в выполнении ими народнохозяйственных планов, строгого соблюдения договорной дисциплины (для арбитража); в другом — активное содействие коммунистическому воспитанию граждан и предупреждение правонарушений порядка (для товарищеских судов)»⁴.

Таким образом, субъектом предупредительно-профилактической деятельности в советском гражданском процессе является только суд — орган социалистического государства, организованный на основе подлинного демократизма, на началах выборности, действующий в условиях особой процессуальной формы, наделенный государством властными полномочиями, независимый от других государственных и общественных органов и подчиняющийся в своей деятельности лишь закону.

Из текста ст. 210 ГПК БССР вытекает, что деятельность советского суда, связанная с предупреждением гражданско-правовых споров, правонарушений и других отрицательных явлений, осуществляется в форме частного определения. Это свидетельствует о том, что частное определение является предметом исключительной компетенции суда, осуществляющего правосудие по гражданским делам. Однако в практике судов первой инстанции встречаются и другие акты, не предусмотренные законом (частные постановления, выносимые судьями единолично, представления, постановления коллегиальным составом суда, и др.)⁵.

Предметом судебного реагирования, согласно ст. 210 ГПК БССР, могут быть негативные явления: нарушения законности, правил социалистического общежития отдельными должностными лицами или гражданами, существенные недостатки в работе государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций. В судебной практике встре-

чаются случаи реагирования частными определениями и на положительные явления (самоотверженность, бдительность граждан и т. д.)⁶. Обосновывается это тем, что перечень вопросов, содержащийся в процессуальном законе и служащий основанием для вынесения частных определений, якобы не является исчерпывающим⁷. Противники такой практики считают, что она не учитывает правовой и социальной природы явлений, подлежащих устранению и предупреждению⁸. На наш взгляд, такая точка зрения является правильной, поскольку она основывается на требованиях гражданского процессуального закона о реагировании судов на негативные явления.

По смыслу ст. 210 ГПК БССР реагирование путем вынесения частного определения должно осуществляться не на различные явления общественной жизни, а только на отрицательные. Именно в таком смысле, как нам представляется, и следует толковать указанную статью гражданского процессуального кодекса.

Положительные явления, безусловно, заслуживают энергичной поддержки и внимания со стороны судебных органов. Но реагирование суда на такие явления носит не предупредительный, а поощрительный характер. Оно должно преследовать воспитательную цель, поощрение, а не наказание отличившихся. В разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР, относящихся к практике вынесения частных определений, также не говорится о праве судебных органов использовать эти определения для реагирования на положительные явления⁹. Реагирование судов на положительные явления расценивается как «яркое свидетельство умелого, творческого подхода судей к использованию самых разнообразных форм, направленных на повышение воспитательной роли советского суда»¹⁰. Частное определение, регламентированное ст. 210 ГПК БССР, для этой цели непригодно, поскольку оно может быть использовано, как уже отмечалось, для реагирования только на отрицательные явления.

Гражданский процессуальный закон (как и уголовно-процессуальный) не предусматривает формы реагирования судов на положительные явления. Законодательная регламентация такого института имела бы большое значение для дальнейшего развития судебной практики и повышения роли судебных органов. Реагирование на положительные явления с помощью процессуальных средств, на наш взгляд, способствовало бы усилению воспитательного воздействия судебной деятельности. Поэтому, как нам представляется, необходимо внести в действующее гражданское процессуальное законодательство специальную норму, предусматривающую реагирование суда на положительные явления, и озаглавить ее «Поощрительные определения».

В советской юридической литературе частное определение почти всегда рассматривается лишь как сигнал для адресата¹¹. Такая трактовка, на наш взгляд, препятствует успешному выполнению советским судом предупредительно-воспитательных задач и не отражает действительной природы этих определений. Поскольку частное определение исходит от суда, обладающего властными полномочиями, оно носит обязательный характер для всех государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, должностных лиц и отдельных граждан и подлежит исполнению на всей территории СССР (ст. 14 ГПК БССР).

Если в исковом производстве предметом судебного решения является совокупность урегулированных прав общественных отношений, которые в результате спорности были объектом исследования и как бесспорные и истинные нашли свое отражение в решении, предметом судебного определения — процессуальные действия суда и других участников процесса, связанные с движением дела, то предметом частного определения являются отрицательные явления, по поводу которых суд должен остро и принципиально реагировать.

Особенности предмета воздействия (отрицательные явления) обуславливают и специфику частного определения. Оно самостоятельно выполняет предписанные законом задачи, постановляется судом в виде отдельного процессуального документа, может быть обжаловано (опротестовано) независимо от принесения жалобы (протеста) на другие постановления суда (ст. 291 ГПК БССР) и вступает в законную силу наравне с ними.

Характерной особенностью частного определения является то, что по одному гражданскому делу может быть постановлено не одно (как судебное решение), а несколько частных определений, независимо от характера

и значения других постановлений суда, вынесенных по тому же делу. Например, частное определение может быть вынесено судом в отношении стороны или третьего лица независимо от результатов рассмотрения дела судом; в отношении свидетеля — за неявку в суд по неуважительной причине (ст. 42 ГПК БССР), в отношении должностного лица или гражданина, не представившего суду по неуважительным причинам письменные доказательства по делу (ст. 45 ГПК БССР).

Основное назначение частного определения — это предупреждение гражданских правонарушений и споров, воспитание советских граждан в духе неукоснительного исполнения советских законов и правил социалистического общежития. Другие судебные постановления также оказывают предупредительно-воспитательное воздействие, но они касаются, как правило, ограниченного числа лиц. Частное определение выходит далеко за рамки судебного процесса по конкретному делу, нередко оно становится достоянием большого круга лиц, его оглашают и обсуждают на собраниях трудовых коллективов, совещаниях, сессиях исполкомов местных Советов народных депутатов. Частное определение нередко бывает поводом для серьезного разговора о состоянии воспитательной работы в трудовом коллективе, о моральном облике отдельных граждан, путях устранения вскрытых судом негативных явлений.

¹ См.: Богатырев Н., Захаров В. Частное определение суда по гражданскому делу и его эффективность // Советская юстиция. 1985. № 5. С. 10.

² См.: Чуйков Ю. Н. Частное определение в гражданском судопроизводстве. М., 1974. С. 7.

³ См.: Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 159.

⁴ Чуйков Ю. Н. Указ. соч. С. 9—10.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 4. С. 40.

⁶ См.: Ширвинский В. И., Ковальчук Е. Г., Шляпочкина А. С. Предупреждение преступлений — важнейшая функция суда // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 125.

⁷ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 355—356.

⁸ См.: Глух Ф. Частным определениям больше внимания // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4. С. 27; Добровольский А. А., Мурадян Э. М. Содержание и порядок постановления частных определений по гражданским делам // Вестник МГУ. 1971. № 1. С. 27—28.

⁹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1987. С. 355; Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 1. С. 18; Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 3. С. 16.

¹⁰ Миронов Н. Р. Укрепление законности и правопорядка в общенародном государстве — программная задача партии. М., 1969. С. 178.

¹¹ См.: Чечина Н. А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. Л., 1972. С. 109—110; Кашепов В. Организация профилактической работы в народном суде // Советская юстиция. 1972. № 23. С. 29; Миронов Л. К. Частное определение суда — действенное оружие в борьбе за предотвращение преступлений // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 119.

На кафедрах грамадскіх навук

Э. А. ЛУТОХИНА

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

В Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук вузов при БГУ им. В. И. Ленина состоялось очередное заседание координационного совета по управлению республиканской комплексной программой научно-исследовательских работ. Междисциплинарное исследование объединило 23 кафедры общественных наук ИПК и ряда ведущих вузов республики с учеными-обществоведами АН БССР.

Объективной закономерностью развития научного знания в современных условиях становится все более глубокое взаимодействие наук. Эта закономерность объективно обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, возросшими масштабами и сложностью общественной практики. Ведь многие ее проблемы приобретают комплексный и глобальный характер. А такие задачи уже нельзя решить на основе успехов отдельных наук. Во-вторых, возмужанием дисциплинарных наук, дальнейшее развитие которых теперь само зависит от связей с другими науками. И, в-третьих, изменением социальной роли науки как таковой, поскольку, по словам академика Семенова, наука «перестала быть только служанкой производства, а превратилась в мать производства. Изучая природу вещей, она овладевает заложенными в них дремлющими силами, пробуждает их, казалось бы, от вечного сна и родит великих богатырей производства»¹. Превращение науки в непосредственную производительную силу предвидел еще К. Маркс².

Закономерность усиления взаимодействия наук проявляется в трех основных направлениях: в усилении взаимосвязи внутри каждой науки как сложной системы; в сближении наук на междисциплинарном уровне; во взаимовлиянии естественных, общественных и технических наук.

Применительно к обществоведению названная объективная закономерность развития науки проявляется в следующих особенностях. Общественные науки имеют наиболее сложный объект исследования — социальные отношения. Эти отношения осуществляются людьми и между людьми в бесконечном множестве разнообразных качеств, связей, зависимостей, что требует непременно междисциплинарного комплексного исследования. Объект изучения обществоведов чрезвычайно динамичен. Распознать направления, законы, многофакторность его динамики также невозможно при изучении лишь отдельных сфер общественных отношений. Это под силу только комплексным исследованиям. И наконец, выдвижение на первый план проблемы активизации человеческого фактора как главной силы ускорения также требует объединения усилий представителей разных гуманитарных наук.

Комплексный метод организации научных исследований возник не сегодня. Так, уже в знаменитом плане ГОЭЛРО нашли отражение некоторые элементы комплексного подхода к решению народнохозяйственных проблем. Но особенно успешно этот метод стал применяться в решении проблем мирного овладения атомной энергией.

Восстановление целостного комплексного подхода к изучению социально-экономических процессов для сегодняшнего обществоведения — проблема № 1.

Комплексные исследования становятся одной из основных форм кооперации научного труда. Но в отличие от простой кооперации (скажем, кооперация политэкономов одной или нескольких кафедр), комплексный подход предполагает соединение разнородных видов научной деятельности (например, физики и химии). Потребность в нем возникает, когда актуальная проблема не может быть решена усилиями отдельной науки. Такой подход позволяет создать более полную и адекватную картину исследуемого объекта.

Какова же стратегия научного поиска при комплексных исследованиях? Готовых рецептов здесь нет, но, безусловно, начинать такие исследования нужно с определения и формирования общей или генеральной цели, многофакторность которой придает ей особую сложность. Ведь такая цель не может быть верно определена без учета конкретного уровня научно-технического, экономического и социального развития страны на данном этапе, а также ее задач на длительную перспективу. Наиболее полный учет всех этих факторов поможет выделить приоритетную для современного развития научную и практическую проблему, которая придаст цели исследования высокую степень социальной значимости.

Отсюда вытекает первый принцип стратегии комплексного исследования — многофакторное и четкое определение генеральной цели исследования по проблеме, имеющей приоритетную актуальность.

На основе генеральной цели создается «дерево целей». Это значит, что должно произойти разукрупнение или разветвление генеральной цели на «ветви», или части, программы. Очень важно, чтобы цели разделов были сопоставимы с генеральной целью и не противоречили ей. Во избежание субъективных толкований цели любого уровня должны быть сформулированы предельно четко. Эти формулировки должны обеспечить и возможность правильной оценки их достижения. Исходя из этого выделим второй стратегический принцип комплексного исследования — последовательное согласование и четкое формирование «дерева» целей.

Вычленение и формирование предмета комплексного исследования в данном случае означает переход от одномерного, дисциплинарного его видения и изучения к многомерному, всестороннему изучению объекта как целостности. Из этого следует, что третий стратегический принцип комплексного исследования состоит в том, чтобы четко выделить предмет комплексного исследования, которым должна быть живая динамичная реальность, и исследовать его всесторонне, во всех его связях и противоречиях. В процессе комплексного изучения объекта как системы следует выделить такие этапы: выяснение элементов целого и структурное его описание; выявление главных системообразующих связей и линий функционирования; моделирование целого объекта.

Четвертый принцип означает необходимость формирования коллектива специалистов разных дисциплин, который способен обеспечить всесторонность исследований и достижение генеральной цели.

Комплексный подход предполагает далее принципиальное обновление методов научного исследования. Рассмотрение отдельной стороны или свойства объекта при дисциплинарном исследовании ограничивается набором специфических конкретно-научных методов, свойственных каждой отдельной науке и, вполне возможно, не известных другой. Комплексный же подход не может осуществляться на базе использования и даже соединения таких конкретных методов. Исследователь, занятый в комплексной программе, не сумеет быть на высоте задач, если не поднимется до овладения такими общенаучными методами, как системный, структурный, вероятностный, модельный и другие.

Но и эта методологическая переподготовка еще недостаточна для участников комплексного исследования, как недостаточны и сами эти методы для целостного отражения реальности. Ни один из них, ни все вместе они не могут заменить цельности диалектико-материалистического метода познания.

Из этого вытекает пятый принцип — выработка единой методологической основы и овладение всеми его участниками современными общенаучными методами и методом комплексных исследований.

Комплексное исследование нацелено на создание единой теоретической картины объекта и выработку на этой основе научных рекомендаций для социальной практики. Учет не только внутренней целостности объекта, но и его целостных взаимосвязей со средой обитания позволяет достичь именно такого результата. В этом и заключается истинная задача,

социальная функция науки. Д. И. Менделеев говорил о ней так: «Высшую цель истинной науки составляет не просто... знание... а постижение **неизменяющегося** среди переменного и **вечного** между временным, соединенного с **предсказанием** долженствующего быть, но еще вовсе не известного, и с обладанием, т. е. возможностью прилагать науку к прямому использованию...»¹. Высказанные далеко не сегодня, эти мысли полностью совпадают с самым современным пониманием главной цели науки.

Итак, шестой принцип комплексного междисциплинарного исследования состоит в том, что его результатом должны быть основанные на развитии теории, научно обоснованные всесторонние рекомендации по решению задач социальной практики.

Совместная работа над общей крупной программой не снимает проблему индивидуальной творческой работы ученого. Сложность здесь состоит в том, что необходимо организовать как индивидуальную, так и коллективную творческую деятельность. А это значит, что здесь особенно важно уметь использовать системы мотивации творчества, его стимулирования, подбора и расстановки кадров в коллективе, оперативное маневрирование, соровнование идей.

Комплексное исследование по республиканской программе «Коммунистическое воспитание студентов в процессе преподавания общественных наук» организуется на основе названных выше принципов. Их уточнению, обсуждению с учетом специфики обществоведческих наук, а также современных задач практики было посвящено первое заседание координационного совета по управлению программой исследований.

За прошедшее время разработано «дерево» целей, рабочие программы исследований — общая и по всем разделам республиканской программы научно-исследовательских работ. Проведены две республиканские научно-методические конференции на базе ИПК с участием соисполнителей и представителей восьмидесяти вузов республики и страны. Они проходили по-новому — в форме межпредметных дискуссий. Впервые разработаны научные концепции по каждому из разделов программы. Работа эта оказалась непростой, но составила, по признанию ее участников, необходимый и плодотворный этап исследований. Обсуждению и «стыковке» концепций было посвящено второе, недавно состоявшееся заседание координационного совета. Участники заседания подчеркнули необходимость дальнейшего развития разработанных концепций на основе изучения и обобщения нового теоретического и эмпирического материала. Первые шаги комплексного подхода к обществоведческим проблемам обнадеживают.

¹ Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1981. С. 95.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 215.

³ Менделеев Д. И. Соч. М., 1951. Т. 16. С. 306.

Классовая борьба на Западе и ее фальсификаторы / Научн. ред. доктор философ. наук В. И. Бовш; рук. автор. колл. канд. философ. наук Г. М. Пашковский. Минск: Университетское, 1987. 224 с.

Дальнейшее углубление общего кризиса капитализма вызывает усиление и обострение как на национальном, так и на международном уровнях его противоречий—экономических, социальных, политических. «Капитализм,—как подчеркивается в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС,—сталкивается ныне с небывалым переплетением, взаимоусилением всех групп его противоречий. С таким количеством социальных и прочих тупиков, какого он не знал за все века своего развития».

Чем же конкретно характеризуется современный этап развития монополистического капитализма? В чем проявляется духовная диктатура государственно-монополистического капитала? Каким образом это сказывается на положении трудящихся, на их классовой борьбе? Анализ этих актуальных проблем и посвящена монография «Классовая борьба на Западе и ее фальсификаторы», подготовленная коллективом авторов кафедры научного коммунизма БГУ имени В. И. Ленина (Пашковский Г. М., Кунцевич К. Н., Ермолицкий М. А. и др.).

При анализе социальной жизни в странах капитала исследователи справедливо исходят из того, что изменения в классовых отношениях, значительные сдвиги в социальной структуре имеют свою автономную логику и не совпадают полностью с кривой экономической эволюции, хотя и пересекаются с ней. 70-е и 80-е годы, как показано в монографии, привели к дальнейшему обострению в развитых капиталистических странах основного социального антагонизма—противоречия между трудом и капиталом. По мере вымывания мелкобуржуазных форм производства капиталистические

отношения превращаются практически во всеохватывающие. Идет процесс пролетаризации средних слоев.

Рассматривая разные аспекты борьбы трудящихся за сохранение социальных завоеваний, авторы показывают, как перед лицом нарастающего недовольства народных масс правящие круги все чаще обращаются к использованию против левых, демократических и антивоенных сил не только мощи государства, но и широкого набора различных силовых приемов—от идеологического «промывания мозгов» до терроризма.

Существенное место в монографии отводится анализу процесса накопления революционного потенциала в рабочем классе и других слоях трудящихся масс. Показан нелегкий путь осмысления коммунистическими и рабочими партиями новых сложных явлений в экономической и социально-политической жизни, процесс выработки ими соответствующей политики. Разоблачается идейно-теоретическая несостоятельность буржуазных и оппортунистических концепций классовой борьбы.

Монография «Классовая борьба на Западе и ее фальсификаторы» будет полезной не только для ученых, преподавателей, аспирантов, студентов, но и для всех, кто интересуется проблемами международного и коммунистического движения.

**И. Л. Петрович,
М. В. Жевно**

В. В. Герменчук. Единство фронта и тыла: Деятельность большевистских организаций Белоруссии по укреплению боеспособности частей Красной Армии в годы гражданской войны. Минск: Университетское, 1987. 126 с.

Монография В. В. Герменчука, по существу, является первым исследованием в белорусской историографии, в котором анализируются организатор-

ская и политическая деятельность большевиков, армейских комячеек, военных фракций коммунистов при губернских и уездных партийных комитетах Белоруссии в годы гражданской войны.

Особое внимание обращают на себя материалы, посвященные анализу военно-административного и партийно-политического аппаратов Красной Армии и организации их практической деятельности. На страницах книги разоблачается контрреволюционная деятельность мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, которые нередко проникали в органы военного управления, отдельные воинские части, где вели подрывную работу против Советской власти.

В рецензируемом труде всесторонне раскрыт рост партийных организаций в губерниях Белоруссии, а также в воинских частях и соединениях. Одной из действенных форм пополнения коммунистами боевых частей Красной Армии и укрепления их политорганов являлись партийные мобилизации, а также партийные недели. В прифронтовых районах партийные мобилизации часто устраивались по решению местных партийных комитетов.

Приводятся многочисленные примеры активной деятельности большевистских организаций по мобилизации коммунистов на фронт. Так, в мае 1919 года Минская городская партийная организация направила на фронт 445 бойцов, по всей губернии к середине июня было мобилизовано около 1700 человек. От Центрального Комитета Компартии Литвы и Белоруссии выехали на фронт в качестве уполномоченных члены ЦК и правительства Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики З. И. Алекса-Ангаретис, М. Н. Ахманов, И. С. Савватиев и др. Более тысячи коммунистов к 20 мая 1919 года мобилизовал в Красную Армию Могилевский губком партии, 35 партийных и советских работников послала на Западный и Южный фронты Витебская организация РКП(б).

Обстоятельно рассмотрены основные формы и методы идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы среди красноармейцев. При этом убедительно раскрывается мобилизующая роль печати, беспартийных, рабоче-крестьянских и красноармейских конференций, способствовавших укреплению связей партии с трудящимися, единства фронта и тыла. Активную деятельность по укреплению Вооруженных Сил республики осуществляли В. Г. Кнорин, С. Н. Крылов, В. К. Путна, И. С. Уншлихт, М. М. Хатаевич, А. Ф. Мясников, А. Г. Червяков и другие видные партийные и советские руководители.

В монографии детально освещается работа партийных организаций Белоруссии по улучшению материального обеспечения Красной Армии, анализируется их деятельность по мобилиза-

ции ресурсов промышленности и сельского хозяйства на нужды защиты Советской республики.

Рассматривая разные аспекты темы, автор убеждает, что деятельность большевиков Белоруссии способствовала мобилизации ресурсов промышленности и сельского хозяйства Белоруссии, трудовых усилий рабочих и крестьян на улучшение обеспечения нужд Красной Армии.

Подробно рассматривается осуществление продовольственной политики Советской власти, в том числе продразверстки, на территории Белоруссии, выясняется ее значение для снабжения армии. Выдающуюся роль в решении этой задачи играли коммунисты, передовые промышленные рабочие и представители деревенской бедноты.

На основе большого фактического материала автору удалось всесторонне показать многообразную деятельность большевиков по организации помощи фронту. Детально описано проведение в Белоруссии недели помощи фронту в январе—феврале 1920 года. Ей предшествовала большая организаторская и массово-политическая работа, проходившая под лозунгом: «Все для фронта, все для победы над врагом!».

В то же время в книге Герменчука В. В. нельзя не отметить и некоторые упущения. Так, недостаточно полно проанализирован опыт партийно-организационной работы на селе. Следовало бы более подробно осветить деятельность большевиков по идейно-политическому воспитанию воинов в частях Красной Армии. Разумеется, в одной, небольшой по объему книге трудно охватить и на должном уровне исследовать все направления и грани организаторской и партийно-политической деятельности большевиков Белоруссии.

В целом же монография В. В. Герменчука заслуживает положительной оценки. В ней с марксистско-ленинских методологических позиций проанализирован и обобщен интересный фактический материал о сложном периоде истории, когда в вооруженной борьбе решалась судьба Октября. Книга, несомненно, будет полезной при изучении курса истории КПСС в вузах, сыграет положительную роль в воспитательной работе с молодежью.

С. Д. Жмуровский

З. Ю. Копысский, В. В. Чепко.
Историография БССР. Эпоха феодализма. Минск: Университетское, 1986. 175 с.

Уже давно ощущалась необходимость в выпуске учебного пособия о развитии историографии Белоруссии феодальной эпохи. И вот долгожданное пособие вышло в свет. Его авто-

ры, З. Ю. Копыцкий и В. В. Чепко, хорошо известны в республике своими многочисленными и оригинальными исследованиями по проблемам историографии и источниковедения, узловым вопросам социально-экономического развития, политической истории и истории культуры Белоруссии в эпоху феодализма.

Очень важно, что материал, излагаемый в учебном пособии, является органической частью спецкурса «Историография истории БССР», который изучается на историческом факультете БГУ имени В. И. Ленина. Главное достоинство книги З. Ю. Копыцкого и В. В. Чепко состоит в том, что в ней впервые дан глубокий обзор изучения феодального периода Белоруссии в досоветской и советской историографии. Характеризуя теоретические позиции авторов исследований, авторы пособия убедительно показали качественное отличие советской историографии от дворянской и буржуазной.

Глава «Белорусская советская историография в довоенный период» дает оценку общих трудов по истории Белоруссии, работ по аграрной истории, социально-экономической истории городов, исследованиям по политической истории и истории культуры. Центральное место в этой главе занимает характеристика творческого наследия выдающегося советского историка В. И. Пичеты, который впервые в исторической литературе вместо «одного из основоположников белорусской советской исторической науки» назван «основателем белорусской советской исторической школы» (с. 66). Авторы убедительно аргументируют этот вывод.

Рассматривая развитие историографии в послевоенные годы, авторы анализируют монографические исследования по аграрным отношениям, крестьянскому движению, правовому положению населения, истории городов, общественно-политической жизни и идейной борьбе в Белоруссии феодального периода.

Книга З. Ю. Копыцкого и В. В. Чепко написана на высоком научно-теоретическом уровне, хорошим языком. В то же время она не лишена определенных недостатков. Например, в учебнике «Историография истории СССР. Эпоха социализма» (М., 1982) и другой исторической литературе принята такая периодизация развития советской исторической науки: первый период—с октября 1917 года до середины 30-х годов; второй период—со второй половины 30-х годов до конца 50-х годов и третий период—с начала 60-х годов до настоящего времени. В книге З. Ю. Копыцкого, В. В. Чепко развитие белорусской советской историографии делится на два периода—довоенный и послевоенный. Это может вызвать дезориентацию студентов, ненужную путаницу.

Хотя объем рецензируемого учебного пособия ограничен, в нем кроме

анализа монографических исследований надо бы дать хоть краткую оценку обобщающих трудов по истории Белоруссии эпохи феодализма, как «История БССР Ч. 1 (Минск, 1946), «История БССР»: В 2-х т.» (Т. 1. Минск, 1954, 1961), «Гісторыя Беларускай ССР: В 5 т.» (Т. 1. Минск, 1972), сжато изложить, что нового они внесли в трактовку узловых проблем истории Белоруссии эпохи феодализма.

Из работ советских ученых, которые жили за пределами Белоруссии, в книге «Историография БССР. Эпоха феодализма» характеризуются монографии Д. Л. Похилевича, Н. Н. Улащика, А. А. Мальцева. Это хорошо. Но студентам-историкам было бы интересно знать, что проблемы истории Белоруссии в эпоху феодализма исследовались и исследуются в трудах крупных советских ученых—академиков Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Н. М. Дружинина, Л. В. Черепнина, талантливых исследователей И. И. Игнатович, В. Т. Пащуго, А. Л. Хорошкевич, Ю. М. Юргиниса и других историков нашей страны.

В целом учебное пособие З. Ю. Копыцкого и В. В. Чепко—значительное достижение белорусской советской историографии.

Э. Г. Иоффе

Никола Попов. Същност, форми и насоки на изживяване на частната стопанска дейност при социализма. София: Наука и изкуство, 1985. 365 с.

В экономической литературе социалистических стран до недавнего времени мало уделялось внимания исследованию частной хозяйственной деятельности при социализме. В работе Н. Попова рассматриваются сущность, формы и направления отмирания частного хозяйства в условиях социалистической экономики Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии.

В первой части книги обосновывается необходимость существования частной хозяйственной деятельности при социализме. Автор отмечает, что государство заботится о развитии частного хозяйства не в направлении его увековечения, а с целью дальнейшего совершенствования социалистических производственных отношений. В связи с этим существование этого вида хозяйства связано только с его общественной потребностью. В противном случае, подчеркивает Н. Попов, частная хозяйственная деятельность может способствовать подрыву эффективности функционирования народного хозяйства.

Отдельная глава посвящена рассмотрению смешанных государственно-частных (капиталистических) пред-

приятный, которые определяются как своеобразная форма государственного капитализма. Следует согласиться с категорическим утверждением автора о том, что использование государственного капитализма в виде концессии может быть более успешным и менее безопасным тогда, когда уже закончен переход от капитализма к социализму, когда утвердился планомерное развитие общественного производства и мощная мировая социалистическая система хозяйства.

Во второй части книги рассматривается проблема преодоления противоречий между социалистическим и частным сектором в экономике переходного периода от капитализма к социализму. Как считает автор, с победой социалистических производственных отношений в народном хозяйстве открываются неограниченные возможности для развития производительных сил. Однако из этого не следует, что в развитии социалистической экономики нет противоречий. Если по какой-либо причине несвоевременно преодолевается несоответствие между производительными силами и производственными отношениями в общественном секторе хозяйства, то неминуемо будет развиваться частное хозяйство. В этом случае меньше всего поможет использование метода административного запрещения частной хозяйственной деятельности. Самый эффективный путь—это ускоренное развитие общественного хозяйства.

Третья часть книги посвящена доказательству решающей роли системы хозяйственного управления в условиях отмирания частнособственнических экономических отношений при социализме. В связи с этим указывается на необходимость совершенствования принципа демократического централизма в организации хозяйственной деятельности. Автор отмечает, что нарушение этого принципа в направлении усиления централизма будет способствовать расширению частной хозяйственной деятельности в ущерб общественным интересам. Поэтому, как показывает опыт социалистических стран, наряду с централизмом следует создать условия для самостоятельной деятельности хозяйственных организаций.

Важным фактором отмирания частнособственнической деятельности при социализме Н. Попов считает совершенствование отношений распределения. Эти отношения способствуют развитию общественного производства и свертыванию частной хозяйственной деятельности, хотя и являются производными от отношений собственности. При этом возрастает необходимость строгого учета принципа материальной заинтересованности в регулировании отношений распределения и организации труда.

В работе делается вывод, что использование товарно-денежной фор-

мы экономических отношений, присущей и общественному хозяйству, для ликвидации частнособственнической деятельности более эффективно по сравнению с административными мерами.

Монография Н. Попова представляет большой интерес для всех интересующихся проблемами политической экономии социализма и совершенствования социалистических производственных отношений.

В. Л. Ключа

В. Ф. Овчинников. **Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека.** М.: Высшая школа, 1985. 87 с.

В монографии прослеживается изменение характера взаимодействия двух видов деятельности в историческом процессе. Автор исходит из того, что в структуре творческого процесса репродуктивное и продуктивное выступают в диалектической взаимосвязи, а творческий потенциал субъекта деятельности есть результат меры «соотношения и различия этих двух структурных компонентов», которая «создает напряжение и особое состояние деятельных свойств человека» (с. 13). Эта идея составляет концептуальную основу работы.

В условиях углубления социально-классовых антагонизмов единый творческий процесс, синкретичный в первобытнообщинном строе, как бы раздваивается в том смысле, что та или иная форма деятельности становится основной в определенной социальной среде. Так, в капиталистической формации в сфере совокупного общественного труда ведущей является творческая тенденция, в то время как индивидуальная деятельность наемного работника преимущественно репродуктивна. Творческий элемент его труда содержится в форме «опосредованного творчества», т. е. в совместном массовом труде (с. 15). Это несоответствие возможностей развития способностей рода с развитием индивидуальных талантов постепенно преодолевается уже при социализме. Анализируя исторические типы взаимосвязи репродуктивной и продуктивной деятельности, исследователь приходит к выводу, что в общественном развитии наблюдается **сближение и взаимопроникновение** двух сторон единого творческого процесса. Однако, будучи лишь тенденцией в антагонистических формациях, он выступает как **закономерность** последовательного формирования принципиально нового—коммунистического—вида творческого труда на первой фазе коммунизма.

В монографии обстоятельно рассматриваются не только особенности сближения двух видов деятельности и форм их организации (общественной

и индивидуальной), но и влияние этих тенденций на социальный субъект творчества: индивидуальная творческая деятельность становится возможной благодаря коллективному, как пишет автор, творческому «тонусу»; в свою очередь, коллективная продуктивная деятельность впитывает достижения индивидуальных творческих усилий, т. е. происходит постепенная гармонизация двух форм деятельности и превращение ее в единый творческий труд. Поэтому представляется вполне обоснованным вывод о новом качественном витке продуктивной деятельности в условиях социализма. В связи с этим актуальны содержащиеся в монографии рекомендации о необходимости поиска и распространения таких форм организации труда, в которых бы методы стимулирования исполнительности, дисциплины, ответственности и самостоятельности труженика способствовали воспитанию и закреплению в нем чувства хозяина общественных средств производства. Прогрессивные формы организации труда и жизни коллектива — развитие хозяйственных отношений, единого наряда, овладение смежными специальностями, нацеленность на конечный результат, повышение уровня самоуправления, правомерно считает автор, способствуют оптимальному развитию продуктивных, творческих и социальных качеств работников.

Тенденция постоянного смещения трудовых усилий на продуктивный аспект не только выступает закономерностью формирования коммунистического труда, но и способствует самоутверждению его субъекта. Достоинством анализируемой работы является то, что, раскрывая диалектику репродуктивного и продуктивного в ходе научно-технического прогресса, автор рассматривает и изменение структуры творческого потенциала работника, который «с обыденно-эмпирического уровня поднимается на уровень теоретический, научно-технический» (с. 61). Здесь следовало бы, на наш взгляд, более обстоятельно провести сравнительный анализ влияния достижений научно-технической революции на творческий аспект труда в противоположных социальных системах.

Значительное место в исследовании отведено раскрытию взаимосвязи репродуктивных и продуктивных видов деятельности в воспитательном процессе. Автор развивает мысль о том, что «репродуктивные и продуктивные начала» должны находиться в гармоническом единстве, образуя «взаимостимулирующие линии творческого обучения» (с. 72). Таким образом, заключает В. Ф. Овчинников, в широком социально-философском смысле воспитание творчеством — основа формирования личности социалистического общества.

**Ю. А. Гусев,
В. В. Позняков,
Г. Г. Ануфьев**

Эффективность средств массовой информации. Минск: Наука и техника, 1986. 157 с.

В период перестройки и обновления социальная активность личности во многом зависит от содержания и направленности средств массовой информации. Поэтому изучение эффективности печати, радио, телевидения в их привязке к анализу роли человеческого фактора имеет в настоящее время большую значимость и актуальность.

Как справедливо подчеркивается в рецензируемой монографии, наши средства массовой информации должны не только пропагандировать социалистические нормы общественной жизни, но и развенчивать буржуазные мифы, ложь о Советском Союзе.

Анализ эффективности средств массовой информации в исследовании осуществляется с позиций системного подхода: широко представлены методологические проблемы — комплексный подход к изучению эффективности СМИ и ее функциональный анализ. Рассматриваются не только «чисто» теоретические проблемы, но и разрабатываются конкретные рекомендации, способствующие улучшению деятельности газет, радио, телевидения в республике.

Авторы монографии провели конкретные социологические исследования, а также обобщили практический опыт, накопленный партийными комитетами и редакциями, по совершенствованию деятельности средств массовой информации. Анализ конкретной практики идеологической работы показал, что пока эффективность средств массовой информации, а именно масштабы и характер их реального влияния на социальную активность личности, еще далеки от ожидаемого.

Монография не лишена и недостатков. На наш взгляд, она выиграла бы, если бы авторы больше внимания уделяли методам исследования эффективности средств массовой информации и внедрению их в работу редакций газет, радио, телевидения. Недостаточно широко освещена практика использования результатов социологических исследований в деятельности редакций.

В целом рецензируемую монографию отличает достаточно высокий теоретический уровень исследования, действенная практическая направленность, которая, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке проблемы эффективности СМИ. Книгу с интересом прочтут научные и практические работники, все, кого интересует деятельность средств массовой информации.

В. С. Бобровский

Политическая экономия социализма: Научно-методическое пособие преподавателю по проблемному чтению лекций / Под ред. И. К. Смирнова,

Перестройка высшей школы повышает требования и к качеству лекций по политэкономии. Они не должны ограничиваться пропагандой истин, открытых основоположниками научного социализма, характеристикой объективного содержания экономических законов без учета того, что в реальной жизни они воплощаются в сознательной деятельности людей. Сегодня преподаватель-политэконом должен мыслить творчески, уметь увлечь студентов, заставить их самих искать и находить оптимальные варианты принятия экономических решений.

Процесс познания приобретает творческий характер только в условиях свободного обсуждения и обмена мнениями. В этих условиях значительно возрастает роль проблемных лекций. Но, к сожалению, научно-методических работ, содержащих конкретные рекомендации хотя бы по отдельным темам курса политэкономии социализма, до сих пор не было. Поэтому несомненной заслугой авторов является подготовка такого пособия.

Авторский коллектив поставил перед собой сложную задачу: в каждой теме учебного курса определить наиболее крупные научные и учебные проблемы, а также раскрыть их содержание. В методическом пособии предлагается своя последовательность, своя логика проблемного изложения курса политэкономии социализма. Она несколько отличается от 140-часового тематического плана, предлагаемого новой программой курса политэкономии. Авторы знакомят читателей с наиболее важными, на их взгляд, проблемными вопросами по каждой теме. Постановка таких вопросов, несомненно, окажет большую помощь преподавателям политэкономии в чтении лекций, в улучшении их качества. Чтобы уложиться во время, отведенное для чтения лекций, авторы предлагают выделить в каждой теме стержневую проблему.

По методическому содержанию все главы равноценны. На наш взгляд, особенно интересно, дискуссионно, на высоком теоретическом уровне выполнена первая глава, стержневой проблемой которой является социалистическое обобществление производства (с. 14—19). Здесь же предлагаются вопросы, которые должны заставить студенческую аудиторию активно включиться в рассмотрение темы. Во второй главе анализируются отношения собственности, приводятся различные точки зрения советских экономистов. Много внимания уделяется обоснованию объективной необходимости существования общественной собственности в государственной форме, а также кооперативной собственности. Убедительно показано, к каким последствиям приводит игнорирование раз-

личий двух форм собственности. Интересна постановка проблемы о роли и месте противоречий в системе социалистических производственных отношений. В главе десятой рассматривается структура социалистических аграрных отношений, убедительно и аргументированно обосновываются причины и условия существования ренты при социализме, раскрывается понятие экономической оценки земли. Одиннадцатая глава—новая в курсе политэкономии социализма. Здесь раскрываются сущность, структура, функции хозяйственного механизма социалистического общества. На наш взгляд, недостатком этой главы является отсутствие анализа различий в хозяйственных механизмах разных стран. Завершающая двенадцатая глава посвящена рассмотрению уровня обобществления производства в рамках мировой социалистической системы хозяйства.

Рецензируемое коллективное научно-методическое пособие крайне необходимо преподавателям политэкономии. Оно является пока единственной в стране и удачной попыткой проблемного изложения курса политэкономии социализма.

Л. П. Еремалович

Ю. В. Сиволоб. Соціалістичне змагання: дійсність проти фальсифікаторів. Днепропетровськ: Промінь, 1987. 119 с.

На усіх етапах будаўніцтва новага грамадства ў СССР і краінах сацыялістычнай садружнасці спарборніцтва выступала магутнай сілай у барацьбе за ўздым эканамічнай магутнасці, вырашэнне сацыяльных і выхаваўчых задач. Натуральна, што такая дзейсная сіла сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў, як адносіны працоўнага саперніцтва і сяброўскай узаемадапамогі, не магла застацца па-за ўвагай буржуазных ідэолагаў і сродкаў масавай інфармацыі. Брудная плынь хлусні, розных фальсфікацый пра сацыялістычнае спарборніцтва ўзмацняецца з кожным годам. «Антыспарборная» кампанія накіравана не толькі на адурманьванне працоўных капіталістычнага свету, а таксама на дыскрэдытацыю спарборніцтва ў вачах савецкіх людзей, грамадзян сацыялістычных краін.

Доктар гістарычных навук Ю. Сиволоб выразна выдзяляе і крытычна аналізуе асноўныя напрамкі буржуазных фальсфікацый сацыялістычнага спарборніцтва. Гэта прадстаўляе шырокія магчымасці для выкрыцця не толькі памылковых ці тэндэнцыйных палажэнняў заходніх сацыёлагаў, але і самой метадалогіі фальсфікацыі імі гісторыі, тэорыі і практыкі спарборніцтва. Даследчык робіць акцэнт на непраходзячым значэнні марксісцка-ленінскай тэорыі спарборніцтва для выкрыцця домыслаў буржуазных вучоных і сродкаў масавай інфармацыі.

Ю. Сівалоб канцэнтруе ўвагу на доказе неабгрунтаванасці як прамых грубых нападаў на спарборніцтва, так і больш вытанчанай яго вульгарызацыі шляхам абсалютызацыі тых ці іншых рыс, асаблівай адносін працоўнага саперніцтва. Асабліва ўвага надаецца выкрыццю розных спроб апалогі канкурэнцыі як вечнай, непахіснай катэгорыі, так ці інакш уласцівай, у адпаведнасці з домысламі буржуазнай контрпрапаганды, не толькі капіталізму, але і сацыялізму.

На падставе шырокага фактычнага матэрыялу вучоны даказвае безгрунтоўнасць ілжывых выдумак і бязглуздзіцы заходніх ідэолагаў аб нібыта «зняволеным» характары працоўнага саперніцтва, «навязанага» нашым рабочым партыяй і прафсаюзамі, аб тым, ці не рэлігійны матывах удзелу ў спарборніцтве. Даследчык ускрывае і сутнасць больш вытанчанай вульгарызатарскай канцэпцыі, пабудаванай на абсалютызацыі асобных аспектаў саперніцтва і супрацьпастаўленні іх тым, з якімі яны знаходзяцца ў непарыўным дыялектычным адзінстве: цэнтралізма—дэмакратызму, маральнага стымулявання—матэрыяльнаму, эканамічнай функцыі сапарборніцтва—сацыяльнай і выхаваўчай.

Пабудавана даследаванне па праблемнаму прынцыпу. Гэта дае магчымасць абвергнуць выдумкі заходніх саветолагаў аб сацыялістычным сапарборніцтве на шырокім гістарычным матэрыяле, пачынаючы з першых гадоў Савецкай улады і да нашага часу. Прыводзімыя аўтарам факты і аргументы, выяўленыя ім тэндэнцыі сапарборніцтва не толькі паказваюць неадпаведнасць вывадаў «спецыялістаў» Захаду рэальнай абстаноўцы, а і служыць прапагандзе перадавога вопыту, сведчаць аб росце творчай актыўнасці мас на сучасным этапе. Менавіта па гэтай, на нашу думку, праца Ю. Сівалоба адпавядае цяперашнім асноўным прынцыпам контрпрапаганды.

Разам з тым, аўтару варта было больш увагі ўдзяліць крытыцы буржуазных поглядаў на сацыялістычнае сапарборніцтва ў кантэксце перабудовы ўсіх бакоў жыцця савецкага грамадства, выкрыццю спроб заходніх вучоных сказіць характар гэтага працэсу і ролю ў ім працоўнага саперніцтва.

У цэлым жа выданне заслугоўвае высокай ацэнкі. Яно будзе карысным як вучоным і даследчыкам, так і прапагандыстам, агітатарам, слухачам сістэмы палітычнай і эканамічнай адукацыі.

А. Ф. Мяснікоў,
П. М. Бараноўскі.

Художественная литература в преподавании диалектического материализма. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 135 с.

Марксистско-ленинская философия—одна из наиболее трудных ву-

зовских дисциплин. Авторы рецензируемого методического пособия, сотрудники кафедры философии и научного коммунизма Витебского педагогического института имени С. М. Кирова, правомерно считают, что оживить преподавание философии, облегчить восприятие абстракций, включить в познавательный процесс «аргумент эмоций» может и должна художественная литература. Ибо «философские идеи, облеченные в художественную форму, развивают... воображение, фантазию, гибкость мышления студентов, позволяют успешно преодолевать «схоластическое теоретизирование», «заземлять философские понятия... принципы и законы... теснее связывать их с реальной жизнью, потребностями общества» (с. 3).

Во введении изложены рекомендации общеметодологического характера по работе с художественными текстами при подготовке и в процессе лекций и семинарских занятий. На целом ряде примеров показано, как это можно и нужно делать. Так, значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в борьбе с поднявшейся после поражения первой русской революции мутной волной духовной реакции, богостроительства, богоскаательства хорошо раскрывает высказывание М. Шагинян: «... И на встречу этой губительной волне, причувшей к пассивности, к тому, что названо «опиум для народа», что уводит человека от его простого общественного долга на земле, вставала резкая трезвость очередного труда Ленина, издавелека, из-за границы, ясным взором пронизывавшего родную ему Россию. Не только Богдановы, Луначарские—почти вся интеллигенция, с заразными пятнами на лице, с растущей зарозой в различных кругах, в проявлениях общественной жизни, была видна и понятна ему, и он ковал оружие, замешивал лекарство не против двух-трех заболевших, но против большой заразной эпидемии» (с. 8).

Весьма широк и представительен круг русских, советских и зарубежных художников слова, к которым обращаются авторы книги, предлагая тексты из их произведений. Причем по каждой без исключения теме, предусмотренной вузовской учебной программой по диалектическому материализму. И. В. Гете и Л. Толстой, Д. Лондон и Э. Межелайтис, И. Тургенев и М. Горький, Н. Гоголь и А. Блок, Ф. Тютчев и Е. Евтушенко, А. Чехов и Д. Гранин приходят на помощь преподавателю философии. Так, при объяснении сущности научной гипотезы авторы рекомендуют обратиться за помощью к И. В. Гете: «Гипотезы—это леса, которые возводят перед зданием и сносят, когда здание готово; они необходимы для работника; он не должен только принимать леса за здания».

Уместными и интересными пред-

ставляются практические задания, предлагаемые авторами по каждой теме. Чаще всего они даются в виде рекомендации проанализировать один-два отрывка из художественных произведений с различных точек зрения. Например, при размышлении о стержневой роли философии в духовной культуре слушателям предлагается вдуматься в содержание двух отрывков—из Тургенева и Белинского:

I. «Философское убеждение есть величайшее творение искусства, и философы—величайшие мастера и художники. Собственно, здесь искусство перестает быть искусством—оно расторгается в философии».

II. «Поэзия и философия уже не только не чуждаются друг друга, но беспрестанно подают друг другу руку, чтобы взаимно поддерживать себя, и даже часто до того смешиваются друг с другом, что иное философское сочинение прежде всего назовете вы поэтическим, а поэтическое философским».

Необъективной, однако, будет позиция рецензентов, если они ограничатся только оценкой достоинств пособия. Несколько стереотипными представляются нам рекомендации общеметодического характера, приведенные в начале тем. Не всегда убедителен набор предлагаемых иллюстративных текстов. Особенно «обиженной» оказалась тема «Критика современной буржуазной философии». Здесь немногочисленные отрывки из произведений иллюстрируют в основном частности, а не принципиальные стороны научной несостоятельности и социального вреда буржуазной и ревизионистской философии.

Однако критические замечания не уменьшают общего благоприятного впечатления от анализируемого пособия. Мы убеждены в том, что все, кто стремится творчески преподавать марксистско-ленинскую философию, примут книгу с искренней благодарностью и воспользуются ее рекомендациями.

**Н. И. Жуков,
Л. Г. Кравченко,
А. С. Киселев**

Ю. В. Баулин. Право граждан на задержание преступника. Харьков: Вища школа, 1986. 156 с.

Исследование проблем правомерного задержания преступника—одна из ответственных задач советской юридической науки и практики. Действия граждан по задержанию преступника неизбежно связаны с ограничением его свободы, зачастую они сопровождаются причинением задерживаемому телесных повреждений или другого вреда. Такие действия граждан, являясь по своей сути правомерными, требуют четкой законодательной регламентации, чтобы исключить возможность причинения задерживаемому не-

обоснованного вреда. К сожалению, ни Основы уголовного законодательства, ни уголовные кодексы союзных республик до настоящего времени не содержат норм, устанавливающих основания задержания и условия правомерности причинения вреда при задержании преступника. Не нашли должного разрешения вопросы задержания преступника и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года «О применении судами законодательства, обеспечивающего право граждан на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

С учетом изложенного монография Ю. В. Баулина, в которой на основе анализа действующего законодательства и практики его применения комплексно освещаются проблемы правомерного поведения граждан по задержанию преступника, имеет большую теоретическую и практическую значимость. Особое внимание автор уделяет характеристике юридической природы задержания преступника, обоснованно приходит к выводу, что такого рода действия представляют самостоятельный (наряду с необходимой обороной и крайней необходимостью) вид правомерного и общественно полезного поведения граждан. В связи с этим необходима и самостоятельная законодательная регламентация этого института. Следует согласиться с автором, что регламентацию права граждан на задержание преступника нужно дать в уголовном законодательстве, поскольку при оценке этих действий почти всегда выявляется неочевидность их правомерности, «пограничность» действий по задержанию с наиболее опасным правонарушением—преступлением. Это необходимо и для обеспечения высокого уровня гарантий защиты прав и законных интересов граждан при оценке правомерности причиненного преступнику вреда, чему в наибольшей мере соответствует процедура уголовно-правового рассмотрения дела.

В монографии всесторонне рассмотрен вопрос об основаниях и условиях правомерного задержания. Анализируя основания и условия правомерности причинения вреда преступнику при задержании, автор выделяет следующие: а) вынужденность; б) определенную направленность; в) особую цель; г) соразмерность. Правомерным признается лишь такой вред, который соответствует совокупности всех этих условий.

Интересные соображения высказываются автором о содержании понятия и характеристике видов превышения пределов причинения вреда при задержании и квалификации такого рода общественно опасных действий. На основе проведенного исследования даются рекомендации по совершенствованию уголовно законодательных регламентаций действий граждан по задержанию преступника.

Конечно, не все затронутые в монографии проблемы освещены достаточно полно, некоторые положения спорны. Так, мы не можем согласиться с тем, что субъектами правомерного задержания преступника, регламентируемого уголовным правом, не могут быть должностные лица, на которых специально возложена обязанность задержать преступника (с. 48).

В целом же монография Ю. В. Баулина — существенный вклад в разработку одной из важных проблем науки уголовного права и практики борьбы с преступностью.

**И. О. Грунтов,
В. М. Хомич**

В. И. Белявцев. Оружие борьбы и созидания — трудящиеся: Распространение и пропаганда произведений В. И. Ленина в Белоруссии, 1917—1941 гг. Минск: Беларусь, 1987. 239 с.

В рецензируемой работе на большом фактическом материале обобщен многогранный опыт Компартии Белоруссии по распространению и пропаганде произведений В. И. Ленина в годы борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. Автору удалось аргументированно доказать, что в исследуемый период Компартия Белоруссии оперативно определяла основные направления и проблематику пропаганды произведений В. И. Ленина. В зависимости от конкретно складывающейся исторической обстановки и возможностей она применяла различные формы и средства соединения ленинизма с революционной практикой масс. Использованный в книге фактический материал свидетельствует, что распространение произведений В. И. Ленина осуществлялось через партийную и советскую печать, устную пропаганду и агитацию. Труды В. И. Ленина изучались в системе политической учебы коммунистов и беспартийного актива, школах и вузах Белоруссии. Они переводились на белорусский язык и издавались массовыми тиражами. Большая

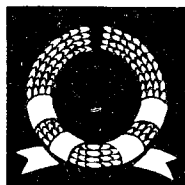
и активная работа партийных организаций способствовала широкому распространению произведений В. И. Ленина на территории республики. Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, читая и изучая труды великого вождя, постигали науку о классовой борьбе и созидании социализма.

В книге четко проводится мысль о том, что деятельность Компартии Белоруссии по распространению и пропаганде ленинских трудов в рассматриваемый период была одним из важнейших направлений по воспитанию трудящихся в духе марксизма-ленинизма, повышению их сознательности, мобилизации на построение и упрочение социализма. Она внесла серьезный вклад в сокровищницу опыта Коммунистической партии по формированию социалистической сознательности рабочего класса, широких слоев трудящихся и, как показано в монографии, носила характер объективной закономерности, что вызывалось потребностями реальной жизни, переустройством общества на социалистических началах, целями повышения творческой активности масс. Особое значение эта проблема приобретает сегодня, когда партийные организации всеми средствами идеологической работы призваны побуждать каждого человека строже оценивать самого себя, помогать ему бороться за утверждение светлых идеалов коммунизма.

Положительно оценивая рецензируемую книгу, следует отметить некоторые недостатки. На наш взгляд, во введении нужно было дать обстоятельный анализ всех изданных по данной проблеме работ. На страницах книги подробно рассказано, как осуществлялось в 20—30-е годы издание произведений В. И. Ленина на белорусском языке. Однако автор не смог убедительно объяснить, почему не было завершено издание его избранных произведений в 12 томах, а затем и полного собрания сочинений. Все это, несомненно, повысило бы научную ценность и актуальность исследования.

**А. Н. Алпеев,
Ю. Л. Казаков**

Нашы юбіляры

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БОГДАНОВ

Исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, проректора Белгосуниверситета имени В. И. Ленина Владимира Сергеевича Богданова.

В. С. Богданов родился 10 декабря 1927 года в деревне Короли Витебского района Витебской области в крестьянской семье. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в партизанском движении на территории Белоруссии.

Трудовую деятельность начал в 1944 году помощником машиниста паровозного депо станции Витебск. В 1951 году окончил Минскую школу профдвижения ВЦСПС. После окончания исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина находился на комсомольской и партийной работе. Избирался секретарем Витебского городского комитета комсомола, возглавлял отдел пропаганды и агитации Октябрьского райкома партии, работал инструктором, заведующим организационно-партийным

отделом, секретарем Витебского горкома КПБ.

В 1961 году В. С. Богданов был направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил кандидатскую диссертацию. В 1969—1974 годах был секретарем Минского обкома КПБ.

Партийную работу В. С. Богданов совмещал с преподавательской деятельностью. С 1965 года работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры истории КПСС БГУ имени В. И. Ленина. В 1966—1969 годах — заместитель и декан заочного факультета университета, затем — проректор по вечернему и заочному обучению, а с 1982 года — проректор по учебной работе.

Профессор В. С. Богданов внес большой вклад в развитие университета. Многолетняя деятельность Владимира Сергеевича на посту проректора направлена на улучшение подготовки и воспитания высококвалифицированных специалистов, развитие всесторонних связей с вузами Советского Союза и братских социалистических стран, совершенствование учебного процесса.

В 1984 году В. С. Богданов защитил докторскую диссертацию. Ему принадлежит свыше 50 научных трудов, среди которых две монографии, ряд брошюр и статей по проблемам партийного руководства производством, улучшению идеологической работы партии.

Научно-педагогическую работу В. С. Богданов сочетает с активной общественной деятельностью. Является членом Белорусского республиканского комитета сторонников мира, возглавляет совет факультета общественных профессий университета. Неоднократно избирался депутатом Витебского городского, Минского областного и городского Советов народных депутатов.

Плодотворная деятельность Владимира Сергеевича получила высокое общественное и государственное признание. Он награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, восьмью медалями, Почетными грамотами Верховного Совета БССР, знаком Минвуза СССР «За отличные показатели в работе высшей школы».

Сердечно поздравляя юбиляра, студенты, преподаватели и сотрудники Белгосуниверситета имени В. И. Ленина желают Владимиру Сергеевичу крепкого здоровья, большого личного счастья, долгих лет плодотворного труда.

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЮРКЕВИЧ

Исполнилось 60 лет доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой гражданского процесса и трудового права БГУ имени В. И. Ленина Николаю Григорьевичу Юркевичу.

Н. Г. Юркевич родился в с. Сергеевичи Пуховичского района Минской области в семье служащего. В годы Великой Отечественной войны сражался с немецко-фашистскими захватчиками в составе 2-й Минской партизанской бригады. В 1950 году Николай Григорьевич окончил Минский юридический институт. После окончания аспирантуры в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968—докторскую, получил звание профессора. С сентября 1974 года заведует в Белгосуниверситете кафедрой гражданского процесса и трудового права.

Профессор Н. Г. Юркевич читает общие и специальные курсы по советскому гражданскому процессуальному праву на высоком идейном, теоретическом и методическом уровнях, ведет интенсивную учебно-методическую работу.

Он щедро делится своими знаниями с молодежью, заботливо растит научную смену, пользуется заслуженным авторитетом и уважением у студентов и преподавателей.

Профессор Н. Г. Юркевич опубликовал свыше 120 научных работ по праву и социологии, является автором 6 монографий, соавтором и научным редактором 7 учебных пособий. Принимал активное участие в подготовке научно-практических комментариев к Гражданскому кодексу БССР, Гражданскому процессуальному кодексу БССР, Кодексу о браке и семье БССР, Кодексу законов о труде БССР. Он один из научных руководителей эксперимента по внедрению в средних общеобразовательных школах республики преподавания курса «Этика и психология семейной жизни». Результаты его исследований прочно вошли в научный оборот, их используют многие советские и зарубежные авторы.

Педагогическую и научную деятельность Н. Г. Юркевич успешно сочетает с общественной работой. Он является членом научно-методических советов при Верховном Суде БССР и Прокуратуре БССР, членом научно-исследовательской секции «Семья и быт» Советской Социологической Ассоциации, ректором народного университета «Семья и право» при Минском Дворце культуры железнодорожников имени Ильича, председателем редколлегии популярной серии «Школьникам о семейной жизни» (издательство «Народная асвета»), членом двух специализированных советов по защите кандидатских диссертаций.

За большие заслуги перед Родиной Н. Г. Юркевич награжден орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны II степени», 6 медалями, Почетной Грамотой Верховного Совета БССР, значком «За отличные успехи в работе» и почетными грамотами Минвуза БССР.

Коллеги и ученики желают Николаю Григорьевичу крепкого здоровья, счастья, новых успехов в научной, педагогической и общественной деятельности.

В. Г. Тихиня

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Мацэль В. М. Партыйнае кіраўніцтва ўкараненнем гаспадарчага разліку ў земляробства рэспублікі (1971—1975)	3
Гвардзея І. І. Дзейнасць партыйных арганізацый Беларусі па прыёму ў партыю рабочых і выхаванню маладых камуністаў (1976—1985)	5
Шадурскі В. Г. З вопыту работы Кампартыі Беларусі па ўдасканаленню арганізацыі вольнага часу маладых рабочых (1976—1985)	8
Сайчук Е. Х. Інтэрнацыянальнае адзінства працоўных Беларусі ў барацьбе за ўмацаванне Савецкай улады	11
Плюты А. М. Гарадское рамяство ў перыяд разлажэння і крызісу феадалізму	13
Федосік В. А. Гонение Деция в Северной Африке	17
Космач Е. Н. Из истории научно-технических и культурных связей между СССР и Великобританией (1927—1929)	19

ФІЛАСОФІЯ

Зайцев Н. Я. Сравнительный метод и сравнение в трудах классиков марксизма-ленинизма	23
Грицанов А. А. Буржуазная концепция «среднего класса»: критика центральной категории	26
Грушевой Г. В. Роль «Системы философии» П. Режи в истории картезианства	29
Михайлов А. А. Проблема практического разума в философии И. Канта (К 200-летию со дня выхода в свет «Критики практического разума»)	32

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Соколова А. В. Социальная справедливость, ее принципы и черты	37
Дронь П. П., Старовойтова Л. В. Местные Советы народных депутатов в условиях перестройки	39
Потапенко Н. Е. Роль коллектива учебно-производственной группы в нравственном воспитании учащихся ПТУ	42

ЭКАНОМІКА

Гавура А. И. К. Маркс о научно-техническом прогрессе	45
Кулаженко В. А. Экономическая оценка земли и ее роль	47
Мигас В. В. Международные монополии и рабочий класс	51
Егорова В. К. Социально-экономические различия между городом и деревней и их воспроизводственная структура	53
Бондарь А. В. Экономические аспекты активизации человеческого фактора	57

ПРАВА

Бройка Ю. П. Белорусская ССР — актыўны ўдзельнік міжнароднага права-творчага працэсу	60
Василевский Л. И. Частное определение в гражданском судопроизводстве	62

НА КАФЕДРАХ ГРАМАДСКІХ НАВУК

Лутохина Э. А. О проблемах развития комплексного исследования в общественных науках	65
---	----

РЭЦЭНЗІІ

Петрович И. Л., Жевно М. В. Классовая борьба на Западе и ее фальсификаторы	68
Жмуровский С. Д. В. В. Герменчук. Единство фронта и тыла: Деятельность большевистских организаций Белоруссии по укреплению боеспособности частей Красной Армии в годы гражданской войны	68
Иоффе Э. Г. З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко. Историография БССР. Эпоха феодализма	69
Клюня В. Л. Никола Попов. Същность, формы и насоки на изживяване на частната стопанска дейност при социализма	70
Гусев Ю. А., Позняков В. В., Ануфриев Г. Г. В. Ф. Овчинников. Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека	71
Бобровский В. С. Эффективность средств массовой информации	72
Ермалович Л. П. Политическая экономия социализма	72
Мяснікоў А. Ф., Баранойскі П. М. Ю. В. Сиволоб. Соціалістычны змаганні: дзейнасць проти фальсифікатарів	73

10 Жуков Н. И., Кравченко Л. Г., Киселев А. С. Художественная литература в преподавании диалектического материализма	74
Грунтов И. О., Хомич В. М. Ю. В. Баулин. Право граждан на задержание преступника	75
1 Алпеев А. Н., Казаков Ю. Л. В. И. Белявцев. Оружие борьбы и созидания — трудящимся: Распространение и пропаганда произведений В. И. Ленина в Белоруссии, 1917—1941 гг.	76

НАШЫ ЮБИЛЯРЫ

Владимир Сергеевич Богданов	77
Николай Григорьевич Юркевич	78

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСИТЕТСКОЕ»
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ В 1988 ГОДУ КНИГИ:

Акулов В. Л. ПРИНЦИП МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МО-
НИЗМА (сущность и методологическое значение). Минск, 1988, 10 л.
Рус. яз. Цена 1 р. 50 к.

Зеленкова И. Л. ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ: ОПЫТ
ИСТОРИКО-ЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. Минск, 1988, 6 л.
Рус. яз. Цена 1 р.